

БІБЛІОТЕКА
ЮНОГО
ПАТРІОТА

О РОДИНІ. ПОДВИГАХ. ЧЕСТІ

александр
ковальчук
нет,
не призраки!

О родине·подвигах·гести

александр ковальчук

**нет,
не
призраки!**

р а с с к а з ы

перевод
с украинского
В. БЕЛОВОЙ

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство
Министерства обороны СССР
Москва — 1972

C(Укр)2
K56

СОЛДАТСКОЕ СЧАСТЬЕ

Шупленький боец с редким черным пушком над верхней губой вытянул руки по швам:

— Товарищ гвардии лейтенант, рядовой Савченко по вашему приказанию явился.

— Вольно! Вы, кажется, перед войной проживали в этой области?

— Так точно. От Бережка до моего села — сорок семь километров.

— Скоро дойдем... Волнуетесь?

— Радуюсь, товарищ гвардии лейтенант. Хороша моя Дмитровка! На зеленом холме... Лес совсем рядом... Хатки под черепицей, будто сыроежки в красных шапочках...

— Сначала надо брать Бережок. — Лицо лейтенанта стало сосредоточенным. — Бывал в этом селе перед войной?

— Не приходилось...

— Не беда! Мы почти всюду бываем впервые. А в Бережке, — циркуль лейтенанта Добриченко коснулся карты, — важный узел фашистской обороны. Неизвестно, откуда строчили днем пулеметы. Здесь, за животноводческой фермой, по-видимому, минометные батареи. Нас интересует ложбина юго-западнее фермы. Это — в общих чертах. А точно никто ничего не знает. Вам, Савченко, придется в селе разведать огневые точки. К утру — доложить!

— Будет сделано! — откызырял Савченко.

— Не торопитесь! Разведчик должен спешить... медленно. Гранат приготовьте побольше, ракетницу возьмите трофейную. Если минометы в саду за фермой, сигнальте красной ракетой. Если немецкие самоварники засели в ложбине — зеленая ракета. Заметьте что-то более существенное — красная и зеленая ракеты. Артиллеристы капитана Меркулова предупреждены. Не угодите под их снаряды. Кажется, все. Счастливого пути!

— Слушаюсь!

* * *

За спиной Савченко, в поросшем камышами болоте, мирно квакали лягушки, на лугу стрекотали кузнечики. А впереди, на противоположном берегу реки, в вечернем небе ярко вспыхивали немецкие ракеты. В тихой воде они расплывались радужными кругами, трепетали, словно Савченко смотрел на них сквозь слезы.

С верховья, вероятно из Полесья, по реке плыли бревна. Волны устало терлись об их бока и медленно сносили колоды к правому берегу. «Немцы уже привыкли к этому лесосплаву... Пришвартуюсь к кругляку и — там!» — подумал Савченко. Разведчик расстелил клеенку, выпрошенную у старшины, завернул в нее гранаты, автомат и ракетницу. Положив сверток в вещмешок, Савченко подполз к старой иве, что полоскала свои ветви в волнах. Сделал глубокий вдох и нырнул.

Выплыл боец рядом с комлем. Распластавшись на бревне, принялся грести левой рукой и благополучно достиг вражеского берега. Над узким плесом свисал крутой, прощурованный вьющимися корнями обрыв. В нем было небольшое углубление: очевидно, когда-то здесь брали песок. Разведчик спрятался в эту расщелину, развязал вещмешок: оружие было сухое. Выплеснул воду из сапог, отжал мокрую гимнастерку и брюки.

Кусты ольхи тянулись до самой животноводческой фермы. Дойдя до мелкого овражка, разведчик залег: падо было присмотреться, сориентироваться.

Совсем стемнело. В небо взвилась вражеская ракета, осветив все вокруг холодным светом. Перед Савченко была ровная площадка, в конце ее темнели кусты жасмина. Над ними выступали кончики труб с утолщенными ободками... «Полковые минометы, — догадался разведчик. — Маскировано хорошо. Боеприпасы, по-видимому, в глубине сада...»

Переждав, пока «фонарь» угас, он ползком добрался до фермы. Как он и ожидал, из-за угла строения была видна отлогая котловина. Вдали что-то маячило. «Поди узнай в такой темноте, что оно такое... Хотя бы немного света!» — подумал разведчик. Словно по заказу, в небо взмыла еще одна ракета и повисла на маленьком парашютике. Неясные, расплывчатые предметы в котловине сразу приобрели знакомые очертания: под маскировочными сетками прятались врытые в землю гаубицы.

Где пригибаясь, где ползком Савченко добрался до огорода, обсаженного малиной. Оттуда он и пустил красную ракету. Петляя между разросшимися картофельными стеблями, он пересек огород и попал в усадьбу. Ни на огороде, ни в захламленном обломками мебели дворе, ни в хате немцев не было. Он перебежал через улицу. Неожиданно под навесом сарая увидел гитлеровца. Немец тоже заметил Савченко, схватился за автомат. Не теряя ни минуты, разведчик выстрелил. Фашист вскрикнул и

упал. На выстрел из соседней хаты выскочило еще пятеро немцев. Савченко метнул в них гранату. Застрочили автоматы. Разведчик бросился за угол строения, прислонился к стене. Огляделся, посмотрел себе под ноги и едва не вскрикнул: из амбразур в каменном фундаменте торчали стволы крупнокалиберных пулеметов. «Так вот вы где зарылись, лиходеи... Ну подавитесь же!» Три коротких взмаха — и в подвале глухо загрохотало.

Его уже увидели. С трех сторон, стреляя па ходу, бежали немцы. Вокруг зазвенели пули. Первая обожгла руку, вторая, задев голову, сорвала пилотку. Савченко ловко перемахнул полутораметровый забор и метнулся через улицу. Здесь его догнала третья пуля — задела предплечье. Зажав ладонью рану, разведчик вбежал в какой-то двор, перелез через изгородь и влетел в хату.

Над огородом загорелись ярко-белые «фонари». В комнате стало светло, и Савченко увидел большую печь. Слева темнела пища для мелкой кухонной утвари. Справа печь опоясывал дымоход. Раненый разведчик бросился к печи и, помяная добрым словом чудаковатого печника, притаился в черной горловине дымохода...

На улице не умолкала стрельба. Вскоре шум и ругань слышались во дворе. В хате затопали подкованные сапоги, раздались грубые возбужденные голоса. Савченко старался не дышать...

Взбешенные гитлеровцы колотили прикладами о стены и шкаф, отодвигали кровати, гремели в чулане, швыряли стулья до тех пор, пока не перевернули все вверх дном. Один из преследователей осветил печь карманным фонариком и сердито выругался. Немецкие сапоги застучали па крыльце. Во дворе... За воротами...

На душе у разведчика стало легче.

Совсем близко с басистым придыхом разорвался тяжелый снаряд. «Пушкири капитана Меркулова стараются», — с теплотой подумал Савченко.

После второго залпа ему показалось, что массивная печь пустилась в пляс. Гулкие разрывы начисто смели жестяную кровлю, запахло перегоревшим порохом. В грохоте потонули стоны гитлеровцев. «Спасибо артиллеристам, — подумал Савченко, — разогнали шакалов...» Он попробовал лечь на бок, но едва не вскрикнул от острой боли в раненом плече. В нос и рот набилась сажа, защекотало в горле, закололо в груди. Савченко испытывал такое ощущение, словно колючий кляп воткнули в самые легкие. «Не иначе как от близких разрывов обвалился па чердаке кирпичный дымоход, — забеспокоился Савченко. — Только этого еще не хватало! Задохнусь вот здесь, и свои не найдут!.. Вот снова гости, радовался бы им сатапа в аду!» — подумал Савченко, прильнув к щели дымохода.

В комнату ввалились два немецких солдата. Проклиная «ивана», который испортил всем ночь и сам провалился сквозь землю, они принялись расстилать плащ-палатку.

У Савченко першило в горле, в носу. Он согнул руку в локте и тихонько стал растирать переносье: чихнуть или кашлянуть — верная смерть...

Немец, расположившийся возле печи, недовольным голосом спросил:

— Чего это ты, Людвиг, затащил меня в эту хату? Лучше бы в погребе.

— Эх ты, голова! Здесь крышу сорвало. В одну воронку два снаряда не попадают, — пролепетал Людвиг и захрапел так, словно носом накачивал скат грузового «опеля».

«Второй бандюга не спит, — ни живой ни мертвый, деревенел разведчик в узком дымоходе. — Вылезти отсюда и дать последний бой?» Но понимал: не успеет он и ноги опустить на пол... Пытался утешать себя тем, что боевое задание выполнено и теперь умирать не страшно, но сразу же другая мысль овладевала им: умереть легче всего.

Дышать стало труднее. Чтоб не потерять сознание, оприжал раненое плечо к стенке дымохода...

Перед рассветом наступило странное оцепенение. Сквозь сон он слышал ненавистный ему храп, то плотные, то рассеянные артиллерийские залпы. От раскатистого грома печь содрогнулась, рукав больно коснулся раны — и Савченко сразу же проснулся.

С восточной окраины села доносились трескотня пулеметов, винтовочные выстрелы, разрывы снарядов. Весь этот грохот с каждой минутой нарастал, приближался, и вот уже почти рядом раздались выстрелы, шум, гул... Внезапно из общего ералаша донесся знакомый голос лейтенанта Кравчука:

— Ложись. Тряскин! Граната!

За стеной ударили советские автоматы. Обдирая локти, разведчик подался назад, потом, упершись ногами на шесток, спрыгнул на пол. Ранний утренний свет резанул в глаза, на миг ослепил. Привыкнув к нему, Савченко сквозь высаженные окна увидел, как огородами во всю прыть удирали гитлеровцы. Он облокотился на подоконник и пустил вдогонку им несколько очередей из автомата.

С развевающимися за спиной зелеными крыльями плащ-палатки во двор влетел запыхавшийся Сербиненко, бросился к приятелю и крепко его обнял. Заметив кровь на рукаве и засохшие красновато-черные пятна на виске друга, он отцепил флягу.

— Пей, Савчик, сколько осилишь, а то лица на тебе нет. Эка беда, что красив ты, как дымоход навыворот! Главное, Савчик, — солдатское счастье. Задание выполнил, фашистам Варфоломеевскую ночь устроил, сам жив остался. Чего тебе еще надо?!

Раненый вытер рукавом рот, закрыл глаза.

— Савчик! — испуганно вскрикнул Сербиненко. — Слышишь? Я тебе своей крови дам. Целый литр. Или два. Только скажи хоть слово!

Губы Савченко еле слышно прошептали:

— Шмель ты... Не гуди!

С ВАЖНЫМ ДОНЕСЕНИЕМ

Вторую неделю свирепствовала над Одессой гитлеровская авиация. Вражеские бомбардировщики кружились в задымленном небе. Бомбы отрывались от самолетов медленно и, набирая скорость, с пронзительным свистом стремительно неслись к земле.

С борта катера, облепленного беженцами, семнадцатилетний Женя Горелик смотрел затуманенными глазами на разрушенный родной город. Слезы застилали глаза: здесь оставалась мать.

В открытом море обнаглевшие «мессершмитты» с брешущего полета расстреливали маленький катер с перепуганными людьми. Суденышко, выдержав несколько налетов, продолжало скользить по взлохмаченным пенистым волнам. Во время последнего, особенно ожесточенного налета горящий катер потерял управление. Долго блуждал он по разбушевавшимся волнам, пока не доставил партию едва живых людей в Новороссийск. Здесь Женя три дня обивал пороги военкомата и все-таки добился своего: его зачислили в запасной полк.

После ускоренной солдатской выучки новобранцы прибыли на фронт. Остриженных ребят привели в штаб дивизии и разрешили отдохнуть.

— Вот здесь, пересмешник одесский, и решится твоя участь! — толкнул Женю локтем толстый, как дельфин, сосед в кургузой шинельке.

— Я свою судьбу сам решил: пойду в разведку! — серьезно заявил Горелик.

— В разведке такие болтуны не нужны. Там больше молчаливых, самостоятельных ребят уважают. Вот видишь, целый час нас рассматривает...

— Тише, мешок с суперфосфатом! — Женя повернул голову туда, куда показал толстяк.

Возле здания, в котором расположился штаб, лежала ребристая железная бочка. На ней, по-детски болтая нога-

ми, сидел совсем молодой офицер в зеленом маскировочном костюме, туго перетяннутом широким поясом с кобурой. Из-под повенькой габардиновой пилотки небрежно свисала прядь рыжеватых волос. «Вот это разведчик», — с завистью подумал Женья.

Раздалась команда «Смирно». С крыльца сошел худенький полковник, посмотрел на новобранцев добрыми близорукими глазами, поздоровался и разрешил стоять «Вольно». Густой, бархатный голос как-то не сочетался с его внешностью.

— Солдаты! Сегодня вы вступаете в нашу боевую гвардейскую семью. Пускай станет родным для вас и боевое красное знамя, и горький солдатский труд, и великая слава подвига. Будьте храбры — вы сражаетесь за Отчизну! Будьте осторожны — у Родины нет ничего дороже, чем вы!

Полковник взволнованно коснулся рукой фуражки и добавил:

— А сейчас, сынки, познакомьтесь со своими командирами.

Первым приблизился к новичкам офицер в маскировочном костюме. Слегка прихрамывая, он миновал несколько солдат и остановился перед Женей.

— Ну и одежда же у вас заливхватская. Откуда ни глянь — франт! — в серых глазах офицера заиграла ехидная улыбка.

Жеся критически осмотрел свою длинную шинель со множеством заплат разного калибра, огромные стоптанные башмаки и совсем смутился.

— Как фамилия?

— Так бы сказать, рядовой Горелик. Очень хочется в разведку.

— Без «так бы сказать». Просто — рядовой Горелик. Почему вас привлекает разведка?

— Мечтаю обеспечить фашистам желтую жизнь в черных крестиках, — осмелел Горелик.

— Убедительно, — иронически улыбнулся лейтенант Добриченко. — Что вы можете делать?

— Бегаю, как гепард, прыгаю, как футбольный мяч, плаваю, как скумбрия. Несколько дней могу прожить без еды, на одних анекдотах... Возьмите, пожалуйста. — Женя умоляюще посмотрел на лейтенанта. — Не пожалеете. Чтоб я так жил!

Добриченко колебался. Потом, как показалось Жене, безнадежно махнул рукой и велел получить оружие у ротного старшины.

— Этот пакет вы, Горелик, доставите в штаб армии к двадцати четырем ноль-ноль. — Добриченко разъяснял задание коротко, спокойно. — Штаб находится отсюда в десяти километрах, но добираться туда после вчерашней метели нелегко. Мотоцикл не пройдет. Лыж нет. Придется идти пешком. Ну — в путь!

— Слушаюсь, товарищ гвардии лейтенант!

...Дорога, обозначенная двумя рядами горбатых белых сугробов, исчезала в лесу. Постепенно ветер утих, и стало слышно, как под юфтовыми сапогами скрипит упругий январский снег. Это поскрипывание приободрило Женю. Разговорчивый и жизнерадостный, как и все одесситы, он даже замурлыкал себе под нос популярную песенку о родном городе.

Лесу, казалось, не будет ни конца, ни края. Горелик уже где-то видел эти могучие сосны с позолоченными предвечерним солнцем стволами и темно-зелеными кронами. Кое-где над дорогой опускали свои узловатые ветки старые дубы. Возможно, такие красавцы деревья приветливым шумом звали когда-то пятиклассника Женю в загадочные дебри Уссурийского края — к потомкам доброго и мужественного Дерсу Узала. А может, они ласково кивали мечтательному мальчику с волшебных полотен Шипкина...

Тревожный крик филина вернул разведчика к действительности. Жене сразу стало не по себе: показалось, что на него кто-то враждебно уставился из-за дуба. Он осторожно приблизился к дереву — там никого не было. Тогда солдат быстро обернулся и в темном проеме между двумя высокими сугробами заметил шесть пар фиолетово-зеленых точек. Огни исчезли за сугробом, потом снова вспыхнули — близко-близко.

«Волки!» — мелькнула в голове страшная мысль. Женья едва успел выхватить из расстегнутой кобуры пистолет, как па него бросился громадный волчище. Прямо в лицо ударил гадкий запах из волчьей пасти. Лязгнули желтые клыки, крепкие челюсти сошлись на стволе пистолета. Горелик выстрелил в упор. Едва он отбросил убитого зверя, как па него прыгнул второй волк, поджарый, со всклокоченной шерстью. Женья что было силы ударил его ногой. Хищник уткнулся мордой в снег, задержал лапами. Горелик, почти не целясь, выстрелил еще раз и одним прыжком достиг придорожного дуба. Сунув пистолет за пазуху, обеими руками схватился за сук, проворно закинул ногу и взобрался на дерево.

Очувшись в безопасности, Женья подумал, что его пальбу, вероятно, уже услышали свои и скоро придут на помощь. К тому ж от всеведущего охотника Сомова он слышал, что волки не брезгают даже убитыми сородичами: съедят застреленного и разбегутся.

Радость Жени была преждевременной. Третий волк со взъерошенной шерстью, оскалившись, бросился на дерево, стараясь схватить солдата за ногу. На дубовой коре острые когти оставили несколько четких линий. Горелик тщательно прицелился в хищника. Грянул выстрел, и пуля встретила пружинистое волчье тело в воздухе.

Хищники, поджав хвосты, отбежали метров на тридцать и уселись на снегу. Сначала из вытянутых вверх морд вылетело глухое рычание, странные гортанные звуки. Потом они плавно перешли в тоскливое вытье. Жене

стало страшно. Он выстрелил еще и еще. Волки одновременно отскочили, а затем снова сели недалеко друг от друга. «Ничего, посидят и уберутся, — утешал себя Женья. — К чему мне такой почетный эскорт на всю ночь!»

Задымила козья пожка. «Все-таки, — думал Горелик, с наслаждением затачиваясь, — лучше иметь дело с матерыми волками, нежели с гитлеровцами». После перскура разведчик устроился удобнее, вставил в пистолет запасную обойму. К несчастью, ни одна из выпущенных четырех пуль не попала в цель. «Нервы, как у истерички! — горячился Горелик. — Надо немедленно успокоиться».

Маленькая стрелка на светящемся циферблате ручных часов показывала, что Горелик провел в осаде около двух часов. Мороз больно ципал пальцы рук и ног. «Сколько может длиться эта птичья жизнь!» — проворчал разведчик, растирая заковчневшие пальцы. В который раз он глянул на серых. Они все так же сидели треугольником, мордами друг к другу. Жене хорошо были видны пылающие угольки глаз и оскаленные клыки.

«Наверное, проводят совещание, как быстрее из меня сделать бифштексы по-волчьи... А что — и разорвут вот так, и пропадешь ни за понюшку табака, чертовы людоеды!» — растирая уши, подумал солдат.

Надо было действовать. Горелик достал пистолет и, притворившись, что хочет спрыгнуть с дуба, сильно заболтал ногами. Хищники и мордами не повели. Тогда он еще раз попытался прогнать их выстрелами. Уложил наповал головастого волка. Следующие пули просвистели рядом с волчьими мордами, но звери даже не шелохнулись. Женья сломал увесистый сук и бросил: острые клыки впились в палку...

Горелика охватило отчаяние: приближалась полночь... Сейчас, наверное, в штабе ждут последних сообщений. Без этих сведений о фашистах нельзя правильно оценить обстановку, наметить завтрашние действия. Из-за каких-то волков гитлеровцы снова смогут полезть на восток...

На лбу Горелика, несмотря на двадцатиградусный мороз, выступил пот.

И Женя отважился. Вынул из пистолета обойму — в ней бледно отсвечивал последний патрон. «Разве это боезапас? Сплошные слезы!» — вздохнул Горелик и не спеша вытянул из-за голенища финский нож. Посмотрев на острое лезвие, потер его о полусшубок. Затем разорвал индивидуальный пакет, поднял воротник и забинтовал шею поверх меха.

Первые движения впиз казались невероятно трудными. Ноги, словно палитые свинцом, упирались в каждый сучок, цеплялись за каждую неровность. Это были непослушные, совсем чужие ноги. Чтобы приободриться, Горелик попытался запеть. Голоса не было. Вместо пения слышалось только громкое щелканье зубов.

Оцепспевшие руки, державшиеся за сучок, казалось, не разжимались целую вечность. «Эх, как говорят в Одессе, лучше быть здоровым и богатым, чем бедным и больным!» Пальцы выпустили сук, и в это время Женя увидел, как три серых хищника понеслись к нему. Горелик выстрелил и спрятал пистолет за пазуху. Едва он перебросил пож в правую руку, как оцетинившийся огромный волк, обогнав других, споткнулся передними лапами, проехал острой мордью по снегу и вытянулся во всю длину. Взтерощенный волк, перепрыгнув через мертвого зверя, бросился на грудь разведчика. Горелик сильно размахнулся и ударил хищника ножом в живот — спизу вверх. Зверь с распоротым брюхом свалился в снег. Третий волк сбил Женю с ног, вцепился желтыми клыками в шею...

В это мгновение из глубины леса раздался спасительный выстрел. Это шел Иван Сомов. Крепкий солдат: не пожалела природа силенки для сибирского охотника. Щедро одарила! Рассказывали, что он под Купянском железною кочергою связал «языку» руки. Прочная кочерга, в палец толщиной, а он еще и узел скрутил.

Кто-то стянул с Жени убитого волка, помог встать.

Горелик хрипловато кашлянул, облизал языком сухие губы.

— Какими судьбами ты сюда забрел, Федотыч? — узнал он Сомова.

— Лейтенант приказал тебя встретить. Я подался лесом напрямик. Вижу — волчьи следы. Определил: свадьбу справляли. В такой период им не попадайся... Покажи-ка шею!

— Некогда... Пакет ведь срочный...

Сомов ловко перерезал бинт, расстегнул воротник полушубка Горелика:

— Ничего, поцарапали малость. Сейчас перевяжем, — он полез в карман за индивидуальным пакетом. — А ты, Женька, — солдат правильный... Не каждый сибиряк выйдет один против шестерых волков, говорю тебе честно. Только запомни: в такой ситуации надо брать сначала наименьшего, загнанного зверя. Ведь это — волчица! Убьешь ее — все самцы мигом разбегутся. Понял?

НЕОБЫЧНЫЙ ЭКИПАЖ

Из лесных дебрей на поляну вышел, пошатываясь, коренастый солдат в странном зелено-желтом костюме. На обветренном, давно не бритом лице и жилистой шее блестели капли пота. Солдат нес на руках раненого, забинтованная голова которого покачивалась, правая рука бессильно свисала. На кисти руки синела татуировка: «Коля Спиридонов».

Выбрав сухое место под старым дуплистым дубом, солдат бережно опустил раненого на траву. Потом снял с плеча трофейный автомат, склонился к шершавому стволу и моментально уснул.

Спиридонов во сне бредил, выкрикивал бессвязные фразы.

— Разве ты не видишь, — горько упрекал он кого-то, — ползут... Ползут фрицы! Нет, гады, живым не дамся!

Спали солдаты долго — вечер и всю ночь. На рассвете раненый проснулся и попросил пить. Его товарищ по-детски чмокнул губами, раскрыл глаза. Дремучий лес оживал. Дубы и орешники шелестели рыжеватыми вершинами, кроны кленов полыхали красным пламенем.

Спиридонов потянулся к алюминиевой фляге.

— Пей, браток, да силы набирайся. Сейчас дам тебе пожевать! — Крепыш достал из верхнего кармана гимнастерки аккуратно завернутый в чистую тряпку сухарь, разломал его пополам, протянул один кусок Спиридонову, другой, тщательно завернув, спрятал и отвернулся.

— Погрызи и ты, Щербаков, — прошептал раненый.

Щербаков поднял лохматую голову:

— Я что? Я — здоровый... И на собственных ногах. Ешь быстрее, да пойдем.

— Далеко еще?

— До линии фронта километров пятьдесят топать. За три дня доберемся.

— Вдвоем не дойдем. Оставь меня здесь...

Щербаков презрительно хмыкнул.

— А ты меня оставил бы?.. То-то же. Не говори глупостей. — Щербаков поднялся, ударил кулаком по стволу дуба. — Ты уж потерпи — понесу на плечах... Так сподручней. Да и быстрее.

После отдыха Щербаков нес товарища без передышки несколько километров. Под огромной елью, что широко раскинула свои стрелчатые ветви, переплетенные густой паутиной, сделал привал. Щербаков вынул из-за пазухи карту, взятую у убитого фашистского майора. На ней разведчик карандашом обозначил пройденный путь.

...Это был горький и тяжкий 1942 год. По ту сторону фронта, в районе Козловки, дивизионные разведчики Спиридонов и Щербаков выполняли боевое задание: сняли часовых возле огромного склада боеприпасов, подложили взрывчатку. Разведчики не успели отбежать на безопасное расстояние. Осколки впились в голову Спиридонова...

Обходя села и поселки, запруженные фашистскими танками, пушками, бронетранспортерами, Щербаков нес раненого друга четвертые сутки. Иногда Спиридонову становилось немного легче. Тогда, едва передвигая ноги, он давал Щербакову небольшой отдых.

По открытой местности пробирались только ночью. Днем предусмотрительно прятались в лесу или буераке.

В дубраве возле села Дубки случайно натолкнулись на убитого немецкого майора. Щербаков внимательно осмотрел скорченный труп, обследовал вокруг каждый метр земли. Однако установить, при каких обстоятельствах погиб майор, не удалось. В офицерской сумке нашли топографическую карту и два белых сухаря. Разведчики обрадовались паходке: карта поможет сориентироваться на местности, а сухари подкрепят ослабевшие силы. Из дубравы постарались выйти как можно быстрее: майора могли разыскивать.

Во время одной остановки Щербаков насобирав несколько пригоршней шиповника, и теперь на привалах они ели ярко-красные ягоды. Но голод все сильнее давал себя знать.

К концу дня Щербаков валился с ног. Он чувствовал, что силы оставляют его, но старался не показывать виду.

С водой было немного легче: дважды солдаты утолили жажду холодной как лед водой из лесного ручейка, потом вдоволь напились из глубокой речки.

Голодные и обессиленные, добрались они до полянки. Щербаков достал из кармана карандаш и пометил ее на карте кружочком. За три километра отсюда на северо-восток извивалось шоссе. Разведчика больше всего беспокоило, удастся ли благополучно перебраться через дорогу. Своими сомнениями он поделился с товарищем.

— Нужно хорошенько отдохнуть, чтобы к шоссе подойти со свежими силами. — Щербаков бодро улыбнулся, расправив плечи.

— Давай немного полежим, поговорим, а то черти в

душу пыряют. Не пойму только, рожками или копытами, — попытался пошутить Спиридонов. — Расскажи о себе что-нибудь...

— Что там о себе... Рассказывал же не один раз... До армии окончил семь классов. Был трактористом... Призвали в армию — стал танкистом. Под Житомиром ранило. В госпитале познакомился с одним разведчиком. Наслушался его рассказов. Ну и захотелось в разведку. Вот тебе и вся анкета.

— Признайся честно: назад к танкистам не тянет?

— Иногда бывает. Да я уже привык в разведке.

— Вот закончится война, я подамся на фабрику, а ты снова будешь пахать...

— Пахать люблю... И орден у меня, дорогой дружине, довоенный. За пахоту земельки... Знаешь, как пахнет земля всешей порой, как она дымит, дышит? Эх, сестренки-шестеренки! Доживу ли...

— А я люблю запах сена, — признался Спиридонов.

— И не говори... — подхватил бывший тракторист. — Душистее нашего воронежского сена нет на свете. Нет, брат... Как упадет вечерняя роса, влажное сено пахнет и чабрецом, и серпухой, и овсяницей... Пойдем, пожалуй!

Щербаков закинул на плечо автомат, подал Николаю руку, обхватив его за спину другой.

Шли долго. Ветки подлеска больно секли лицо, ноги плутались в траве, наливаясь свинцом. А шоссе все не показывалось. Щербаков собрался было свериться с картой, как где-то совсем рядом зафыркал мотоцикл.

— Ты лежи, — прошептал Щербаков, — а я осмотрю дорогу. Как бы на фрицев не нарваться.

Разведчик пополз к кювету, раздвинул обвислые ветки лещины и оглядел омытое дождем шоссе. Дорога была безлюдной. На всякий случай Щербаков прополз еще немного вдоль кювета, встал на ноги, поправил автомат и бесшумно, словно тень, двинулся к рыжему орешнику, что буйно оброс крапивой. Неприхотливый сорняк выде-

лялся на общем желтоватом фоне яркой свежей зеленью. Щербаков подкрался ближе, пораженный игрой света, теплей и полутеней. И вдруг разведчик весь напрягся: в густой поросли орешника притаился тщательно замаскированный танк с черным крестом на плоской башне. Кое-где броня отражала солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь густую листву, и машина напоминала огромную, приплюснутую сверху жабу. Из-за танка слышалась картавая немецкая речь. Чтобы лучше рассмотреть немцев, пришлось отползти вправо.

Трое танкистов обедали на большом персидском ковре. Угреватый унтер-офицер лениво охотился за назойливой синей мухой, пытавшейся устроиться на тарелке с сосисками. Механик-водитель в новеньком кожаном комбинезоне живо что-то рассказывал. Третий немец в короткой теплой куртке, зажмурив глаза, аппетитно уминал рыбные консервы.

Сначала Щербаков не мог понять, о чем говорят танкисты. Потом стал улавливать смысл. Водитель сообщал, что его родителям в Цвиккау не так давно дали двух советских военнопленных. Теперь старикам легче справиться со своим хозяйством. Правда, русские злы и молчаливы, упрямо верят в победу Советов и даже угрожают, что партизаны немцам покажут блицкриг.

— А ты не веришь? — осмотревшись вокруг, прокартавил ефрейтор в теплой куртке. — Говорят, в прифронтовых лесах партизаны нападают даже на большие военные соединения. Это — нахальство!

— И отвага, — добавил унтер-офицер, пережевывая сосиску огромными челюстями.

Изголодавшийся Щербаков несколько раз сглотнул густую, горьковатую слюну. Не отрывая глаз, он жадно следил, как одна за другой исчезают с пластмассовой тарелки румяные, горячие сосиски. Щербаков забыл, что рядом в лесу могли быть и другие фашисты. Возможно, целые роты и батальоны... Удержаться он не мог.

Короткая очередь его автомата отдалась звонким эхом и исчезла где-то в глубине старого леса.

Несколько минут Щербаков не двигался: а вдруг кто-нибудь из фрицев только притворился мертвым? Не прибегают ли откуда-нибудь другие? Но всюду было тихо, фашисты не шевелились. Разведчик оттащил их в кусты, швырнул туда и окровавленный ковер. Его вдруг осенила отчаянная мысль: «Пускай фрицевский танк послужит советским разведчикам!» Щербаков положил на броню ровную палку и мохнатое белое полотенце, каким еще несколько минут тому назад утирались вспотевшие гитлеровцы. Вокруг царил лесное безмолвие.

Теперь надо было как можно быстрее привести сюда Спиридонова. Щербаков метнулся к ели, под которой оставил товарища. Николай, до боли сжимая в руке гранату на боевом взводе, полз навстречу.

— Что там? — встревоженно спросил он.

— Ничего, Николай... Станешь и ты танкистом... Эх, сестренки-шестеренки... Нырять в люк. Да прицепи полотенце к палке. — Щербаков бережно подсадил товарища и вскочил на броню.

В танке он старался подбодрить Спиридонова, но у самого на душе было тревожно. Заведется ли мотор? Как проскочить линию фронта на танке? Не превратится ли эта стальная коробка из верной спасательницы в гроб? Но раздумывать, а тем более отступать — было поздно: вот-вот немцы наскочат.

Щербаков примостился на сиденье механика-водителя, закрыл крышку люка. Сразу стало темно и душно. Когда глаза немного привыкли к темноте, разведчик покрутил сзади блестящую рукоятку, нажал левой ногой на стартер. Правая нога уверенно легла на педаль подачи горючего. Мотор поровисто рывкнул, потом загудел мягко и плавно. Когда двигатель прогрелся, Щербаков обеими руками осторожно подал послушные рычаги вперед. Машина покачну-

лась, двинулась с места и, набирая скорость, загрохотала по шоссе на восток.

«Как добраться до передовой? — волновался Щербаков. — На шоссе, наверное, патрули. Небезопасно... А проселочной дорогой вызовем подозрение: фашисты придерживаются шоссейных дорог... Драпанем шоссейной». Приняв такое решение, Щербаков немного успокоился.

Мотор работал на полную мощность. В танке стоял невероятный грохот. Отработанные газы слепили глаза, набивались в рот. На разбитой дороге машину кидало из стороны в сторону. Она то взлетала, словно па крыльях, над ухабамп, то тяжело зарывалась носом в свежую большую воронку и, гремя гусеницами, выбиралась из нее.

— Что ты делаешь? — вскрикнул Спиридонов, но слова потонули в грохоте.

Николай старался сохранить равновесие, потом ударился о какой-то толстый цилиндр. Раненый потерял сознание и не видел, как в смотровой щели промелькнули угловатые замаскированные палатки немецкого эвакогоспиталя, зеленые будки санитарных автомашин. По обочинам дороги брели группы легко раненных гитлеровских солдат с губными гармошками. Ближе к фронту подтягивались артиллерийские склады, корпусные, дивизионные и полковые тылы с разным армейским добром.

Щербаков уменьшил скорость и свернул с шоссе на полевую дорогу. Теперь укачивало меньше, и Спиридонов очнулся. Он немного приподнял люк и сквозь узкую щель жадно вдохнул свежий воздух. Тем временем танк взобрался на пригорок и притих в редком кустарнике.

— Ну как, Николай, живой? Может, бросим этот ка-тафалк и дождемся ночи? Или двинем в танке? Эх, если бы ты умел стрелять из танковой пушки!

— Сил нет... Двигай! Только медленнее, чтоб фрицы ничего не поняли.

Оба люка закрылись одновременно. Николай припал к щели. Вдали он узрел извилистую гитлеровскую траншею,

за ней тянулись проволочные заграждения, чернели окопчики боевого охранения, вырисовывались покрытые желтым дерном блиндажи. От каждого блиндажа в тыл были выкопаны ходы сообщения. В одном из таких ходов два гитлеровца устроили себе полевою парикмахерскую. Над самоваром, в котором кипятилась вода, трепетал легкий сизый дымок. Танк неуклюже припадал то на одну, то на другую гусеницу, и поэтому Спиридонову казалось, что намыленные фрицы все время пытаются выскочить из окопов.

Правее вился довольно глубокий овраг. Окопов здесь не было: немцы избегали влажных и удушливых низин. Как раз в этот овраг и направил танк Федор Щербаков.

К передовой машина подползала медленно, осторожно, словно каждая пядь земли ей чем-то угрожала.

Неожиданно из окопчика на склоне оврага выпрыгнули два гитлеровца в кожаных комбинезонах и пошли навстречу танку, сигналив флажками. Это был приказ остановиться.

Щербаков затормозил и вдруг резко оттолкнул рычаги. Танк зло подмял под себя обоих фашистов и вырвался из оврага. На него с огромной скоростью помчались вражеские окопы, растерянные лица немецких пехотинцев, колючие проволочные заграждения перед нейтральной полосой, густо исклеванной нашей артиллерией. Поодаль перепуганный расчет противотанкового орудия никак не мог сбросить тугой брезентовый чехол. Орудие исчезло под танком нерасчехленным.

«Кажется, проскочили на нейтралку благополучно! — Бурная радость переполнила сердце. — Быстрее белый флаг!» Спиридонов крепко привязал бахромую полотенца к палке и только теперь почувствовал, как дрожат руки... Открыв люк, он вставил палку с полотенцем в отверстие на башне.

Спиридонова охватило лихорадочное возбуждение. Он скользнул в башню, долго хватался за разные рукоятки, колесики, пока сообразил, что к чему. Поднатужась, он по-

вернул башню, послал в казенник снаряд. Затвор автоматически закрылся. Николай потянул за шнур и выглянул из люка. Выпущенный неисккусным артиллеристом снаряд разорвался далеко за передовой. Спиридонов снова припал к пушке, но второй раз выстрелить не смог. Сверху в открытый люк влетел столб ослепительного пламени, дым застлал глаза...

Танк-беглец прогрохотал над окопами нашей пехоты и спрятался в дубраве, угол которой выходил почти к переднему краю. Тяжело откинулся люк водителя. Наружу вылез очумевший Щербаков, похожий на пегра: па закопченном лице блестели только глаза и зубы...

Первым подбежал к трофейному танку маленький кривоногий пехотинец. Он дважды осторожно обошел вокруг танкиста, угрожающе щелкнул затвором винтовки. Но вместо заученного «Hände hoch!»¹ удивленно выкрикнул чуть ли не на весь передний край:

— Братцы, так это ж Щербаков из дивизионной разведки! Вот тебе и явление!

— Ты, властелин полей, лучше помоги вытянуть из башни моего друга. Осторожно там смотри: он в голову ранен.

К дубраве что есть силы бежал лейтенант Добриченко, придерживая рукой вертлявую планшетку. Он с разбегу бросился на разведчиков, обнимал их долго и крепко.

— Как это вы додумались, ребята? — спросил, немного отдышавшись, лейтенант.

— Беда всему научит. Эх, сестренки-шестеренки, — развел руками Щербаков. — Вот мы и дома!

И СЛЕДЫ ЗАМЕЛЮ...

— Berlin, dreiundzwanzig², — прохрипел немец п вскинул автомат. Обмотанные соломой сапоги часового выбивали залихватскую чечетку.

¹ Руки вверх! (нем.)

² Берлин, двадцать три (нем.).

— Nürnberg, sieben! ¹ — отозвалась залепленная снегом фигура и прошла мимо немца.

Обер-ефрейтор Хилле проводил взглядом солдата, который, по-видимому, торопился по своим надобностям, и полез в глубокую нишу. «Почему этот растяпа бродит по трапшее без оружия? — удивился часовой. — Ведь гауптман Бредель приказал выходить из блиндажей только с автоматами». Но в такую кромешную ночь не до придинок — сильный мороз сковал все тело, а пронизывающий ветер, кажется, разгуливает свободно даже в брюшной полости. Хилле стянул перчатку и начал изо всей силы дуть па окоченевшие пальцы.

Если бы обер-ефрейтор заглянул под плащ-накидку солдата, то увидел бы крепко зажатый в кулаке финский нож. На свое счастье, Хилле не был любопытным службистом...

Заснеженная фигура миновала несколько поворотов траншеи, повернула голову. Хилле все еще отсиживался в безветренной пище. Сунув нож за голенище, неизвестный взобрался на бруствер и пополз в завывающую белую пургу. Он двигался быстро и ловко, как человек, который вытужил животом не один десяток фронтовых километров. За полосой лозняка он отбросил капюшон, из-под которого выглянуло покрасневшее, иссеченное вьюгой лицо. «Ох и намучился в той воронке, замерз, как пес, — ворчал разведчик Гуля. — Зато пароль подслушал... Потому и обошлось благополучно... Вот выясню обстановочку в Гречанке — и на печку...»

Гуля вспомнил слова ротного: «Посылаю тебя, Федосеевич, потому что больше некого. Ветераны — в госпиталях, а новички еще не обстреляны... Не горюй, артиллерия поддержит на полную катушку...» От этих воспоминаний стало немного теплее. Наверное, в роте сейчас беспокоятся...

¹ Нюрнберг, семь! (нем.)

Пронизывающий ветер крутил над полем белые вихри. Они перекатывались через разведчика и исчезали в завывающей мгле. Гуля плотнее закутался в плащ-палатку и, проваливаясь в сугробы, направился к проселочной дороге. «Ничего, — бодрился разведчик. — Снег с ветерком еще мне послужит... В непогоду нашему брату спокойнее: немцы прячутся по хатам, часовые не так глазасты. Правда, кругом не видно ни зги — легко попасть прямо сатане в пасть...»

Впереди в косматых вихрях метели замаячил дорожный знак. Гуля прочитал надпись: «Nach Antonowka — 4 km», посмотрел на часы и двинулся дальше. По обеим сторонам проселочной дороги, словно сопки, громоздились снежные сугробы. Против ветра идти стало еще трудней; на ногах будто гири повисли... «Сейчас организовать бы снегозадержание — осенью амбары бы трещали», — вздохнул Гуля и с горечью подумал о том, что его односельчане нынче, пожалуй, не узнали бы своего председателя колхоза. Крадется по своей земле, как бродяга-волк, нет при нем ни партбилета, ни орденов...

Справа из-под горбатого сугроба торчит дышло, видно, кто-то воз сломанный бросил. Можно вырыть нору и хотя бы на минутку спрятаться от этого холода, от выюги, отдохнуть, потому что болит каждый мускул... «А потом что? Окочуриться?» — разозлился Гуля.

Чтобы не поддаваться соблазну, он на все лады принялся ругать Гитлера, Риббентропа, всех известных и неизвестных генералов фюрера. Потом он стал думать о союзниках: «А что им до нас, до нашей беды? Ни холодно ни жарко! На американском золоте держится весь Рур, в каждой немецкой пушке — английские стерлинги... Дай только нам добраться до этих круппов!...»

На окраине Антоновки — большого и разбросанного села — разведчик присел за выкорчеванным пнем, напряженно всматриваясь в даль. Из третьего от края двора один за другим выходили немцы с досками на плечах.

Их шинели облепил снег. «Что это они среди ночи задумали? — удивился сержант. — Какого дьявола всполошились?»

Подождав, когда из ворот вышел последний немец, Гуля побрел во двор. Оглядевшись вокруг, примостил на плечо дубовую балку и, пошатываясь, поплелся в глубь села.

У заборов и во дворах стояли зачехленные гаубицы и противотанковые пушки, к сараям прижимались тягачи, бронетранспортеры и средние танки.

Разведчик переложил балку на другое плечо и как будто ненароком задел рукавом по танковой башне; на темном фоне забелел номер машины, под ним — выведенный эмалевой краской шлем. «Какое-то новое соединение, — догадался Гуля. — Танков с такой эмблемой перед фронтом пашей дивизии еще не было. Поглядим на бронетранспортеры».

Он подошел к остроносой огромной черепахе, что сидела в снегу по гусеничным колесам. Тронул плечом бронированный щит. Появилась готическая буква «D» над скрещенными стрелами. «Тоже новинка...»

Сельская улица показалась разведчику бесконечно длинной. Бревно врезалось в плечо, прижимало к земле. Всюду великое множество вражеской техники. Гуля успел насчитать пятьдесят четыре танка, тридцать два бронетранспортера и не заметил, как оказался перед домом из красного кирпича. Под окнами солдаты аккуратно складывали бревна. Гуля сбросил свою ношу последним, отдышался и сообразил, для чего немцам понадобился строительный материал. Кирпичный дом — по-видимому, бывшая школа — стоял на возвышенности. В ясную погоду отсюда хорошо видно не только всю Антоновку, но и передний край. «Будут оборудовать наблюдательный пункт, — решил сержант. — Надо быстрее сматывать удочки...»

Гуля вперевалку потопал со двора, но потом повернул не вправо, за фашистами, а влево — на западную ок-

раину Антоновки. Заглядывая во дворы, он несколько раз незаметно осматривался... За ним никто не следил...

В поле ветер усилился. Он то подхватывал Гулю и нес, словно на крыльях, то резко толкал в мягкие сугробы. Плащ-накидка, ватник и даже нижняя сорочка от холода затвердели и стали как жечь.

В полночь обессиленный Гуля повис на заборе в Гречанке. Крайнюю хату замело снегом почти до окон — маленьких, заткнутых какими-то лохмотьями. «Немцы не усидят в такой халупе... Постучу!» Разведчик перевалился через забор и на четвереньках подполз к двери. Поднял руку и дважды стукнул кулаком.

— Кто там? — испуганно спросил женский голос.

— Откройте...

Звякнула щеколда. Гуля встал и рассмотрел в сених женщину.

— Чужих нет?

— Нет. Заходите в хату.

На столе тускло светила керосиновая лампа. Оглядев ночного гостя, хозяйка развела руками.

— Боже мой! Щеки ж совсем белые...

Она пошарила за печкой и вытащила оттуда маленькую фаянсовую баночку.

— Вот здесь на доньшке есть гусиное сало. Намажьте лицо и как можно сильнее разотрите.

— Спасибо. Немцев в селе много?

— Много. Только туда дальше, к церкви. Днем возле поповской усадьбы собралось с десятка крытых грузовиков. Проволоку во все концы разматывали. Потом легковых машин понаехало... Видимо, начальство... Дом большой, с коричневой верандой. Тополя возле ограды...

Гуля присел на топчан.

— Вы будете почевать? — побледнела хозяйка.

— Не волнуйтесь, — успокоил ее Гуля. — Я пемпого погреюсь и уйду. Но запомните: вы ничего и пикого не видели. Ясно?

Женщина понимающе кивнула головой.

«Может, и мой вот так скитается где-нибудь?» — подумала она и, открыв исцарапанный буфет, поставила на стол полбутылки вишневки:

— Позапрошлогодня, согреет...

Гуля налил вишневку в чашку. Один глоток он выпил за здоровье хозяйки, другой за то, чтоб вернулся с войны ее муж. Поднялся.

— А огородами к поповской хате можно добраться? — словно певзначай спросил Гуля.

— Можно, — ответила хозяйка.

* * *

Со стороны огородов штаб охранял ефрейтор Цоттвиц. Приняв пост, он обошел вокруг сарая, посмотрел на огород, проверил замок на дверях запасного входа в здание. Все на месте, ничего подозрительного. Часовой успокоился. Пощупал карман: там лежала квитанция, подтверждавшая, что с Украины в Радебург на имя Ренаты Цоттвиц отправлена десятикилограммовая посылка. Это уже двадцать седьмая... Рената обрадуется и салу, и пуховому одеялу, и отрезу из чудесной шерсти на женский костюм. Кроме того, Герман Цоттвиц приготовил своей Ренате сюрриз — в шерсть завернул массивный золотой браслет с дорогим бриллиантом. Старая ведьма из Киева уж очень не хотела его отдавать...

Цоттвиц положил руку на ствол автомата и сразу отдернул: холодная сталь обожгла даже через шерстяную варежку. Он посмотрел вокруг и поплелся за сарай. Навстречу ему ветер поднял толстую снеговую бабу. Острый удар пришелся в сердце... Вьюга медленно заметала труп...

Второй часовой, Руди Зайлер, охранял штаб с улицы. Он не ходил, а трусил рысцой. Но это ему не помогало... Бр-р-р, настоящий сибирский холод! А в штабе топилась печь. Зайлер не раз с завистью посматривал на окна.

Поплясав возле ворот, часовой закинул кверху голову. Из трубы вылетели две искры. Ветер подхватил их, покрутил над заснеженной крышей... Это было последнее, что увидел при жизни Руди Зайлер...

Гуля тихо приоткрыл дверь застекленной веранды и очутился в темноте. Ступил несколько шагов, нащупал железную ручку, толкнул ее вперед.

Квадратную комнату освещала крохотная, пятиамперная лампочка. Два длинных провода змеились от нее в правый угол к аккумулятору. Возле завешенного одеялом окна стоял письменный стол с несколькими телефонными аппаратами. Посреди комнаты — еще один стол. За ним, покачиваясь, клевал носом лысоватый гауптман, по-видимому дежурный по штабу. Перед офицером наискось лежала оперативная карта, пестрая от бесчисленных условных знаков. На ней валялась перевернутая хрустальная рюмка, здесь же стояла пустая бутылка из-под французского коньяка.

Два точных, молниеносных движения — и голова сонного гитлеровца запрокинута назад, во рту — кляп. Еще мгновение — и руки гауптмана скручены за спиной крепким шнуром. Гуля быстро сворачивает карту и тихо прикладывает:

— Raus weg! ¹

В переносицу гауптмана уставился черный глазок пистолета — с ним шутить опасно! Он покорно подымается. Гуля снимает с вешалки шинель на заячьем меху, пакидывает ее на офицера, застегивает пуговицы. Потом выталкивает протрезвевшего фашиста во двор.

Тоскливо воев вьюга, трещат на морозе ветки тополей. Хороший хозяин собаку из дому не выпустит...

Разведчик снова подталкивает пленного: времени мало. Они бредут за сарай мимо трупов часовых и на огороде проваливаются по колено в снег.

¹ Выходи! (нем.)

...Не близко окопы советской пехоты! До самого рас-
света придется барахтаться в снежных барханах двум пут-
никам. А вьюга надежно занесет их следы...

СОРОК МЕТРОВ ЖИЗНИ

Левобережье молчало. Настороженная тишина застыла над приднепровскими поймами, над расплесканным гнило-
водьем, над полоской верболоза, иссеченного пулями, про-
дудого осенними ветрами. Ни шепота, ни шороха — ни
единого звука.

В ту сентябрьскую ночь гвардейской дивизии генерала
Бакланова было приказано форсировать Днепр и занять
плацдарм на правом берегу. И хотя дивизии отводилась
вспомогательная роль — дезориентировать противника —
солдаты знали: чем больше вражеских сил они смогут от-
тянуть сюда, к излучине реки, тем легче будет советским
воинам на главном направлении, под Киевом — седым от-
цом городов русских.

В окоп, что упирался в пожелтевший камыш, незамет-
но проскользнул лейтенант Добриченко. Он поднес к гла-
зам бинокль и задумчиво стал рассматривать родной берег.
Там, за Днепром, он родился... Босоногим мальчишкой но-
сился по извилистым кручам, нырял в ласковые прозрач-
ные волны, с дедом ставил рыбацкие сети. Учился в деся-
тилетке, мечтал о киевском университете. В трудном сорок
первом безусый доброволец принял на Днепре первый
бой, потом простился с осиротевшим Славутичем, бурым
от крови. С того дня разведчик не считал ни задымлен-
ных дней, ни тяжких ран. Только глубже становились
морщины возле рта, только преждевременно поседели
виски. Два года ждали его и поработанные фашистами
люди, и эти волны, и плесы, и мертвые рощи. И он дожил
до этого дня... Добриченко повернул косматую голову
к притихшим разведчикам.

К нему бесшумно приблизились сержанты Александр Пушкарь, Виталий Сербиненко и рядовой Иван Сомов. Командир роты обнял их и шепнул:

— Генерал пожелал ни пуха ни пера и посоветовал натереться гусиным жиром или орудийным маслом. Говорит, у пих, в Архангельске, так делают, если вода холодная.

— Не помешает, — согласился практичный сибиряк Сомов и, достав из вещмешка какую-то флягу, стал быстро раздеваться.

Предусмотрительный старшина Татьянин принес резиновый баллон для гранат и одежды. Добриченко одобрительно кивнул. Старшина молча вытянул из кармана резиновые перчатки, сдул с них крошки махорки.

— Выпросил у хирурга в медсанбате. Для гранатных запалов, — объяснил он.

— Трубочками запаслись? — напомнил Добриченко. — Ведь под водой придется плыть несколько сот метров... Есть чем заклепать носы?

— Есть, товарищ гвардии лейтенант, — ответил Татьянин.

— Еще разок проверь все...

Разведчики разделись, аккуратно сложили в баллон одежду, финские ножи, десяток гранат. Дотошный старшина следил за каждым движением, помогал, советовал. Немного подумав, он спрятал в баллон противотанковую гранату.

Палец командира роты скользнул по лоснящейся от гусиного жира спине Сербиненко.

— Действуйте гранатами. После артподготовки раздобудьте трофейные автоматы. Группу возглавит сержант Сербиненко. Когда артиллерия перенесет огонь в глубь фашистской обороны, будьте начеку. Отдельные огневые точки врага могут ожить. — Добриченко посмотрел на часы. — Пора!

Один за другим три разведчика погрузились в черную бездну. На реке разошлись круги.

...Холодная вода обожгла тело, впилась в него тысячами острых иголок. Сербиненко перевернулся на спину, вынырнул на поверхность. В легкие хлынул свежий воздух. Разведчик зажал зубами трубочку, и над его головой прокатилась упругая волна.

Плыть становилось все труднее. Сквозь стиснутые губы просачивался липкий ил. Донимал холод, появилась тупая боль под мышками. Ноги задеревенели. По голове словно кто-то колотил обухом. Сербиненко казалось, что он плывет очень долго. На самом же деле за спиной осталась только треть пути, а силы покидали разведчика. «Полежу немного, отдохну, — решил Сербиненко. — Жаль, клятое течение отнесет в сторону. Но без передышки не доплыву». Он расслабил мышцы и с облегчением почувствовал, что боль в голове утихает.

«Как там чувствуют себя мои мореходы? — пришла ему в голову беспокойная мысль. — Не сладко им сейчас. Я ведь Волгу переплывал...»

Вверху прогремел снаряд гитлеровской дальнобойной. Разорвался он вблизи. Черная как смола волна вздыбилась, выплеснув на поверхность разведчика. Сербиненко недалеко увидел обе трубочки. «Молодцы ребята, держатся вместе. Сейчас и наша артиллерия заговорит».

Но орудия на левом берегу молчали: до артиллерийской подготовки осталось еще полчаса. Этого Сербиненко не знал. Изнуренному разведчику казалось, что прошло слишком много времени, а Днепр становится все шире и шире. Сербиненко нырнул под воду и, борясь с течением, что есть силы стал грести левой рукой. Ноги отказались повиноваться, в голове, то утихая, то усиливаясь, звучал перезвон. Неожиданно звон в ушах превратился в гром. Сербиненко открыл глаза и сквозь сизовато-зеленый слой воды увидел в небе краснохвостые мины катюш. В огненный гул гвардейских минометов вплелось хрипение ору-

дий крупных калибров. И все это накрепко придавил к земле сплошной грохот дальнобойной артиллерии.

Правый берег застонал. В небо взлетали обломки бревен и досок, вырванные с корнем кусты. Басистые взрывы всколыхнули потоки воздуха. На Днепре разгулялись гребнистые волны, и Сербиненко вместе с резиновым баллоном качался на них, как на качелях.

Когда наша артиллерия перенесла огонь глубже и взрывы загрохотали на второй линии фашистской обороны, обессиленный Сербиненко, нащупав ногами дно, вытянул на долгожданный берег отяжелевший баллон. Разведчик присел на песок передохнуть и... Пришел в сознание так же неожиданно. Раскрыл глаза — увидел над собой лицо Пушкаря. Саша изо всех сил растирал ему грудь. Сомов возился с трофейным автоматом. Оба были одеты.

— Воскрес, дружище, ну и хватит в адамах ходить! — пошутил Пушкарь.

— А я тебе, сержант, подарок приготовил, — протянул оружие Сомов.

— Спасибо, — поблагодарил Сербиненко и стал быстро одеваться.

Над обрывом догорала хибарка бакенщика. В дрожащих отблесках пожара Сербиненко увидел начало долгожданной переправы... Все, что могло держаться на воде: облепленные солдатами неповоротливые понтоны, рыбацкие челны, кое-как сбитые плоты, связанные телефонным кабелем бочки и соломенные маты, бревна, доски — все это достигло середины реки. В авангарде переправлялась рота разведки. Сербиненко разглядел сержанта Гулю на козлах роскошного фаэтона, оси которого были крепко прилажены к широким доскам. В фаэтоне разместилось пятеро солдат, и среди них — командир роты. Добриченко размахивал руками, словно о чем-то предупреждал, затем, сложив их лодочкой, что-то крикнул.

Сербиненко оглянулся на обрыв и все понял. Под об-

горевшей вербою открылась амбразура дзота. Из нее люто хлестнула пулеметная очередь, отозвалась в ушах, будто барабан.

Разведчики припали к земле.

— Ожили проклятые фрицюги! — стиснул зубы Пушкарь. — Видно, глубоко закопались.

Сербиненко прикинул на глаз расстояние к вражескому дзоту.

— Быстрее, ребята! А я буду прикрывать на всякий случай.

Пушкарь и Сомов подползли к отвесной песчаной степе, оставив на песке две извилистые полосы.

От дзота обрыв спускался к воде несколькими террасами. На полосатом фоне нижнего уступа Сербиненко видел фигуры друзей. Вот разведчики вскочили и побежали вдоль берега, но вдруг остановились возле какого-то темного предмета. Пушкарь что-то сказал Сомову, и они двинулись дальше.

«Убитый немец», — рассмотрел Сербиненко. Но он ошибся: темная фигура зашевелилась, оперлась на локоть. В вытянутой руке гитлеровца угрожающе блеснул парабеллум. Сербиненко не целясь выстрелил. Фашист опрокинулся на спину.

От неожиданности Сомов и Пушкарь упали. Сербиненко успокоительно махнул им рукой: мол, действуйте, все в порядке... Однако разведчики вернулись и поволокли убитого за собой.

Возле расщепленного пня они остановились. Пушкарь присел на корточки, Сомов вскочил ему на плечи и, выпрямившись, ухватился рукой за корень, который торчал из выступа. Он подтянулся на руках, быстро взобрался на террасу, поднял туда тело немца.

«Теперь к пулемету близко — метров сорок. Сорок метров жизни...» — Сербиненко вздрогнул.

Оба разведчика, припав к земле, отдыхали и, по-видимому, о чем-то совещались. Передохнув немного, Сомов

положил себе на спину мертвого и наискосок пополз к дзоту. «Со смекалкой! — подумал Сербиненко, наблюдая за действиями своих товарищей. — Только Пушкарю надо с правого фланга... Сомову трудно. Правда, сибиряк не уступит в силе Илье Муромцу, но взбираться на уступы с такой ношей — не в бирюльки играть. Поэтому и отдыхать ему приходится часто. А пулемет бешено тарахтит — даже пламя вихрится вокруг предохранителя мушки».

Между тем сибиряк снова остановился, положил немца на землю, до последней дырки зачем-то отпустил кожаный ремень фрица. «К чему Сомову такой длинный пояс? Опоясаться вместе с немцем, чтобы не болтался на спине? А дальше?»

Сомов рывком вытащил из-за голенища складную трофейную ложку. Ее рукоятка уперлась гитлеровцу в живот, ложка в пряжку: хотя и не надежная, а все же распорка. Шершавые руки сибиряка, что вытягивали без клещей гвозди, сошлись на бедрах немца. Разведчик привстал на колено, поднял фашиста над головой и бросил на амбразуру. Тело немца, мелькнув в воздухе, повисло на предохранителе, как на крючке. Пулемет дважды фыркнул и замолк.

— Сомов, золотая голова! — крикнул Сербиненко и изо всех сил рванулся к друзьям вверх по обрыву. Песок засыпал глаза, обжигал локти, предательски уползал из-под ног. Но сержант ничего не замечал: какая-то невидимая могучая сила подымала его все выше и выше — на овеванную мечтой днепровскую кручу...

Утренняя заря, предвещающая погожий день, занималась над новым плацдармом.

ЗА МАШИНИСТА

Эшелон миновал станцию и остановился перед выходным семафором. Из теплушек, платформ, обтянутых маскировочными сетками, на железнодорожную линию вы-

сыпали солдаты в новеньком летнем обмундировании. Возле водонапорной башни сразу же выстроилась очередь с котелками, ведрами, канистрами. Шутили и смеялись.

Подполковник — начальник эшелона — с полевой сумкой в руке подбежал к вокзалу. На мгновение он остановился перед дверью военной комендатуры и, поправив на себе ремень и гимнастерку, вошел туда. У коменданта он не задержался. Выйдя на улицу, подполковник снял фуражку и вытер клетчатым носовым платком вспотевшую лысину.

От привокзального сквера к нему торопился сержант, на гимнастерке которого красовались орден Красной Звезды и две медали «За отвагу». Нетрудно было догадаться, что этот бывалый парень знает, почему фунт лиха. А вот светло-поколадные полуботинки и небрежно заправленные обмотки совсем не шли бывальцу. Забинтованной рукой сержант отдал честь:

— Товарищ подполковник! Разрешите уехать с вашим эшелоном.

— Мы ведь на фронт. А тебе, наверное, в госпиталь? — сочувственно спросил начальник эшелона.

— Я уже вылезлся. На передовую, в свою дивизию добираюсь.

— Тогда другое дело. Разыщи лейтенанта Вариводу, предъяви ему документы и скажи, что я разрешил.

— Благодарю, товарищ подполковник.

— За что? На фронт же, а не на блины к теще...

Начальник эшелона направился к паровозу, а сержант поспешил мелким шагом напрямик через пути к бойцам, которые возились возле котелка, установленного на двух кирпичах.

— Привет, мастаки по хлебу и салу, — поздоровался гость. — Не видели лейтенанта Вариводу?

Солдат с тараканьими усиками бегло оглядел пришельца с головы до ног, потом с ног до головы и обратился к приятелю, мягко, по-одесски выговаривая шипящие звуки:

— Шурочка! Это ж наш пеший пехотинец! — и, вытянув длинную шею, строго спросил у гостя: — Ты откуда свалился?

— С Марса.

Тараканьи усики ощетинились.

— Ответ конкретный. Ложка есть? Тогда лезь наверх. Сейчас рубанем молодую картошечку. Известно, что свиная тушенка — не фореель, а калорийность что надо. — Одессит подал руку. — Потомственный черноморский рыбак Михаил Сокирко.

— А моя фамилия Весельчаков, — представился солидный ефрейтор с котелком.

— Веселый казак, — иронически добавил Сокирко. — От его бесконечных острот не то что мухи, а все живое в радиусе ста километровдохнет. Зато у миномета — герой!

— Не обращай внимания на этого балаболку, — махнул ложкой Весельчаков. — Готовился в адвокаты, вот и мелет языком... Как тебя величают?

Взобравшись на платформу, гость поддел ложкой дымящуюся картошку и, дунув на нее раза два, ответил:

— Анатолий Фильчук.

— Ого-го! — вздрогнул Сокирко. — Это, случайно, не твой братан ходит на эсминце «Решительный»?

— Нет.

— Слушай, дружище. Чего это я должен каждое слово из тебя тралить? Расскажи по порядку, что у тебя с рукой. И о штиблетах ленинградских не забудь...

— Извини, потомственный рыбак: я всегда делаю враз только одно дело.

Весельчаков удовлетворенно кивнул, подсовывая Фильчуку большой кусок хлеба.

Котелок опустел. Бойцы скрутили козы ножки.

Прицепили паровоз. Звякнули буфера. Раздался гудок. Замелькали шпалы.

— Убежал я, братцы, из госпиталя. — Фильчук сплюнул крошки табака, провел по губам шершавой ладонью.

— Вот еще комик, — удивился Сокирко. — Кормежка дармовая, спи сколько хочешь. Где же фронтовику пожить, как не в госпитале?

— На то имелись свои причины, — пробормотал Фильчук. — Так и быть, расскажу, чтобы не подумали бог знает чего. Я, братцы, из дивизии генерала Бакланова. Может, слышали? В «Красной звезде» о нем не раз писали... В разведке служу... Так вот, под Марковкой осколок мины оторвал мне кончик большого пальца. И указательного зацепил немного... Пустяк! Пришел я в медсанбат. Думаю, промоют рану, перевяжут и вернут в роту. Не тут-то было. Майор Вахрадзе, начальник медсанбата, заладил свое. «Во-первых, говорит, разведчику необходимо безукоризненное здоровье, а у тебя — дефект: одной рукой немца не придушишь. Во-вторых, говорит, служба ваша классически выматывает нервы, а без нервов, товарищ, ты уже не разведчик... Эвакуирую в госпиталь!»

— Душевный этот Вахрадзе, — расчувствовался Сокирко. — Наверное, в Одесском медицинском институте учился. Там все гуманисты...

— Вот таким макаром майор Вахрадзе и упрятал меня в госпиталь. За три дня отоспался, и стало стыдно. Вокруг калеки, тяжелораненые. А здесь какой-то палец... Просто стыдоба!.. К тому же начал я замечать некоторые изменения в окружающем пейзаже. В степи какие-то бородачи поле разровняли, и получилась прекрасная взлетная площадка. И хотя в последнее время зарядили проливные дожди, однако с позднего вечера до утра на дорогах выли «студебеккеры» с минами, снарядами и фугасами. А позавчера гудели танки всю ночь. Ого, думаю, не иначе как наступление готовится. Мне ли загорать в такое время в госпитале?! Вмиг шинель под мышку, ноги на плечи — и поминай как звали.

— Будут разыскивать, — вставил словцо Весельчаков.

— Пускай ищут, я ж не в тыл... В свою законную дивизию возвращаюсь. Правда, дома за побег из госпиталя не похвалят: старшина Татьянин сильно уж не любит «анархистов»... Отругает и за то, что не по форме одет...

— Вот-вот, где это ты эти ультрамодные ботинки раздобыл? — встрепенулся Сокирко. — Теперь таких днем с огнем, да еще с тремя прожекторами, не найдешь даже на одесской толкучке!

Фильчук погасил улыбку, глубоко затянулся крепким табачным дымом:

— От села, где расположился госпиталь, до ближайшей железнодорожной станции — сорок пять километров. Иду пешком, а надеюсь на попутную машину. Дождь стал накрапывать. Сначала ленивый, редкий. Потом пошел проливной. Дорогу всю пачисто размыло. Еле вытягиваю ноги из чернозема. И как на грех — ни единой машины. К сумеркам едва добрался до села. Усталый, голодный. Вижу, в одном дворе женщина возле сарайчика возится. Зашел несмело: солдату при ордене попрошайничать не годится. Поздоровался с хозяйкой, спрашиваю: «Не дадите ли вы мне червячка заморить? Сапоги за это подарю». Посмотрела она на сапоги, улыбнулась: «Да за такую хромовую кожу все мое хозяйство со двора пойдет... Поешь лучше даром». «Нет, не к лицу мне, фронтовику, объедать вас», — и пошел было дальше. Догнала возле ворот: «Подожди, голубчик! Из-за своей гордости все равно без сапог останешься».

Зачерпнул я воду в бочке, помыл сапоги. А сапоги — как новенькие!.. Хозяйка тем временем нашла в кладовой эти башмаки, что сейчас на мне, и обмотки. «Переобувайся», — говорит. Пока я мучился с обмотками, женщина принесла мне жареного гуся, буханку хлеба и пол-литра самогонки. Звала в хату, но я поблагодарил за гостеприимство — и айда на запад...

Больше километра отшлепал. Глядь — вблизи дороги копна сена. Разостлал шинель, опорожнил полбутылки,

кусом гуся не побрезговал. Поужинал что надо, зарылся в сено и ударил храповецкого.

Утром проснулся — нет ни хлеба, ни гуся, ни бутылки. Только следы под копыто. Всю грудь обожгло: как же это человек до такой подлости дошел — обворовал раненого солдата. Вспомнил о своих сапогах — тоскливо стало, глянул на обмотки — сам на гуся похож. Выбрался на дорогу, а тут грузовик летит на полной скорости. Проголосовал я — он остановился. Шофер, такой приятный солдат с Урала, посадил меня в кабину, аккуратно объезжает ухабы. Почти возле станционного поселка догнали всадника на гнедой кобыле. Покачивается, песенку мурлычет, а из кармана торчит гусиная лапка. Ну, думаю, надаю ворюге подзатыльников. Вскочил из кабины, а тот, басурман, узнал меня — и аллюром в чистое поле!..

* * *

Поезд набирал скорость, как будто хотел быстрее пролететь открытую местность.

По обе стороны железнодорожного пути пестрели желтые, с черными краями воронки. В дальних воронках виднелась зеленоватая вода. Кое-где валялись закопченные оси вагонов, покореженные рельсы. Неподалеку от молодого, недавно посаженного лесочка лежал вверх колесами разбитый «газик», еще дальше привалился на разорванную гусеницу артиллерийский тягач. На холме — три свежие могилы...

Вдали, у самого горизонта, синел лес. Двухколейное железнодорожное полотно, проткнув зубчатую стену, пропало в чаще.

Внезапно, чуть ли не из-за солнца, вынырнули два «мессершмитта» и скользнули вниз. С платформ по ним ударили зенитки. Однако самолеты, рассеивая пулеметные очереди, безнаказанно пронесли над эшелоном, взмыли ввысь и исчезли за лесом.

Состав вздрогнул, уменьшил скорость и наконец остановился. По всему эшелону пронеслась недобрая весть: машинист и его помощник убиты, кочегар смертельно ранен...

Вдоль состава рысцой бежал подполковник и выкрикивал:

— Машинисты есть? А помощники?

Никто не отвечал.

Когда он приблизился к платформе минометчиков, Фильчук отозвался:

— Товарищ подполковник, разрешите попробовать?

— А, новичок... Что значит попробовать? Машинист?

— Нет, сын машиниста. Отец не один раз брал меня с собой.

— Как фамилия?

— Сержант Фильчук.

— Сможешь?

— Постараюсь.

— Подбери бригаду.

— Вот она: ефрейтор Весельчаков и рядовой Сокирко.

— Только на вас надежда!

* * *

В паровозной будке было душно. Стрелка манометра повисла.

— Сначала, ребята, — сказал Фильчук, — надо поднять пар. Ты, Сокирко, отвечать будешь за топку. Смотри!

В руках Фильчука заходила лопата. Засыпав наполовину дно топки, он вытер пот:

— Ровный пласт угля не должен превышать двенадцати сантиметров. Понял? Давай шуруй!

Запыхавшегося Сокирко сменил Весельчаков.

Стрелка манометра доползла до «десяти». Фильчук повернул сверкающую рукоятку реверса, посмотрел на шкалу возле маховика и, открыв регулятор, снова повер-

нул рычаг. Передние колеса несколько раз пробуксовали, и паровоз, тяжело дыша, тронулся.

Фильчук неторопливо вытер паклей руки и высунулся из оконца. Именно в такое оконце, только на далеком Урале, смотрит сейчас и отец...

«...Отец, отец! Ты и в мыслях не представлял, что твоему Тольке придется вести па фронт эшелон с сотнями людей, военной техникой, взрывчаткой... Не зная графика, профиля пути, системы сигнализации... Без элементарных навыков. Ты, отец, жаловался, что отклонили твое девятое заявление, не отправили на фронт... Как хорошо, что тебя не послушали, что ты, старый и седой, не был на этом паровозе час тому назад...»

— Чего приуныл, Анатолий? — слышался за спиной голос Весельчакова. — Подъезжаем к какому-то полустанку.

Весельчаков ошибся: это была станция, вернее, ее развалины. По обеим сторонам железнодорожного полотна корчились большие арбели¹. Неподалеку валялась пропитая пулеметной очередью камуфлированная цистерна. От вокзала сохранилась только правая сторона с чудом уцелевшим окном, закрытым потрескавшейся фанерой. На разрушенном перроне бегал худой, небритый железнодорожник с желтым флажком. Он крикнул: «Берегитесь!»

За семафором, сколько мог видеть глаз, раскинулась равнина. И здесь следы войны — разбросанные взрывами колеса, обгоревшие лесозащитные насаждения. Возле кустарника возвышалась куча дюралюминиевых обломков, а из земли торчало продырявленное крыло истребителя с черным крестом.

— Добавь-ка, Михаил, угля. — Фильчук покосился на скоростер. — Невеселый этот перегон.

Сокирко молча принялся работать лопатой.

¹ Товарные вагоны увеличенной тоннажности.

— Воздух! — крикнул с тендера сержант, командир зенитного расчета.

Обеспокоенный Фильчук по пояс высунулся из окошка. С северо-запада шла эскадрилья «юнкеров».

Моторы бомбардировщиков тяжело гудели, и их густой, ноющий гул надвигался прямо на эшелон. Вокруг ни лесочка, ни оврага: не убежишь и не спрячешься... Фашистские летчики хорошо знают, что во время авианалета поезда останавливаются... Итак, придется схитрить...

В тот миг, когда бомбы выскользнули из люков, Фильчук резко затормозил. Столбы земли и пламени выросли метров за сто от локомотива. В воздухе еще шипели, звенели, жужжали осколки, а паровоз уже рванулся вперед. Напрягая стальную грудь, захлебываясь от горячего пара, он быстро неся, словно состязаясь в скорости с гитлеровскими коршунами.

«Юнкеры» сделали правый разворот и зашли с хвоста эшелона. Что задумали фашисты? Скорректировать бомбометание по первому звену? Взять эшелон в вилку — разорвать рельсы спереди и сзади? А следующим заходом?.. Заметив, что первые бомбы оторвались от самолета, Фильчук увеличил скорость. За последним вагоном потянулась огненная аллея, а на степь, похожую на большой зеленый ковер, как будто кто-то разлил черную смолу. Фильчук повернул рычаг влево: боялся, что котел не выдержит...

Бомбардировщики снова развернулись вправо и набрали высоту. Сверкнули на солнце заостренные крылья, и самолеты с пронзительным ревом понеслись на паровоз.

Влево от железнодорожного полотна взметнулась вихрастая полоса пламени. Тендер толкнуло, и сержант — командир зенитного расчета — влетел в будку. Запахло раскаленным железом и кисловато-горьким перегаром тротила. Сокирко неумело перевязывал окровавленного Вельчакова.

— Из пулеметов, сволочи, секанули! — выругался одессит. — Чтoб они сквозь землю провалились!

У фашистов, наверное, кончились боеприпасы. Головной самолет описал над неповрежденным эшелoном круг, взмахнул крыльями, и вся эскадрилья растаяла на горизонте.

В голове Фильчука шумело... Он поковырял пальцем то в правом, то в левом ухе — грохот не утихал, а, наоборот, усиливался. И тогда Анатолий понял: это с переднего края доносилась артиллерийская канонада. Он выглянул из окошка и увидел солдата с красным флажком: дальше проезда не было.

Эшелон остановился перед замаскированной землянкой. Оттуда выбежал майор, похожий на цыгана, и бросился к паровозу:

— «Хозяйство» Петрова? Где начальник эшелона?

Из первого вагона прыгнул на землю подполковник и, доставая из планшетки какие-то бумаги, сказал:

— Я начальник эшелона, Липатов.

— Майор Ганпев... Благополучно обошлось? Потери велики?..

— Погибла паровозная бригада. Четверо бойцов легко ранены.

Ганиев знал, что в Лисках свободной бригады не было, и удивленно спросил:

— Кто же вел эшелон?

Подполковник повернулся к Фильчуку, который только что сошел с паровоза.

— Спасибо! Большое солдатское спасибо. Оставайся у нас, дружище. — Липатов посмотрел на «скороходовские» башмаки и невольно улыбнулся.

— Не могу, товарищ подполковник. В дивизии — то-варщи.

— Понимаю. — Липатов крепко пожал ему руку и кого-то окликнул: — Лещенко! Пусть старшина немедленно выдаст гвардии сержанту Фильчуку новое обмундирование. Полный комплект!

В дверь настойчиво стучали. Старый учитель неторопливо опустил с кровати иссохшие ноги, натянул валенки и, кашляя, вышел в сени. Непослушными руками он долго возился в темноте и никак не мог отодвинуть засов. Когда ему удалось наконец открыть дверь, ослепляющий луч карманного фонарика больно ударил в глаза. Раздался сердитый окрик на немецком языке:

— Кто в доме?

— Только я и жена, — ответил хозяин, с трудом припоминая чужие слова.

— А военные части стоят в селе?

— Были танкисты. Вчера подались куда-то. Осталось несколько солдат полевой жандармерии...

— Мне нужен кусок чистого бинта или марли: проклятые партизаны ранили в руку. Разбудите побыстрее старуху, пускай починит и выгладит мой мундир. И умыться мне надо. Ну, живей!

Плотный немец, сверкнув красивыми черными глазами, бесцеремонно скинул мундир, отцепил погоны оберлейтенанта, достал из карманов какие-то бумаги и залез на плюшевый диван. Левая рука его от локтя до плеча была кое-как перевязана порванной на куски рубашкой. На тонком полотне расплылось большое красное пятно.

Из соседней комнаты, шаркая поношенными туфлями, вышла совсем седая женщина.

— Пожалуйста, Маша, поищи бинт и перевязки ему руку. Здорово досталось. Видишь, кровотечение какое! — обратился старик к жене.

— Пусть хоть совсем изойдет кровью...

Учитель недовольно глянул на жену и недвусмысленно показал на язык. Жена махнула рукой:

— А черт с ним: он же не понимает ничего...

Быстро перевязав рваную рану, она отрезала ножни-

цамп кончики бинта и указала обер-лейтенанту на тазик с водой:

— Умывайтесь... Да хоть бы в последний раз!

Непрощенный гость мылся долго, старательно, с наслаждением фыркая, — мыльные брызги летели во все стороны. Учитель подал офицеру розовато-белое мохнатое полотенце. Тот вытер лицо насухо, прислушался, как за стеною, скользя по мокрой тряпке, шипит утюг, и вдруг широко улыбнулся.

— Вас ист дас: последний рас? — спросил он, внимательно посмотрев на Ивана Сергеевича.

На бледном лбу старика запульсировала узловатая сияя жилка, а в расширенных зрачках промелькнул страх. Но он сразу овладел собой и вежливо ответил:

— Это что-то похоже на поговорку. Вернее, пожелание приятно умыться...

Хозяин посмотрел гитлеровцу в глаза: офицер ничего не понял. Разминая сигарету, он заметил:

— Такая гостеприимность мне по душе. Только попрошу вашу супругу, чтоб она не задерживалась долго. Я не собираюсь здесь ночевать.

Обер-лейтенант щелкнул зажигалкой, выпустил в потолок сизое облачко дыма и подошел к комоду. Над ним висела фотография. Со снимка улыбался стройный военный с двумя квадратами в петлицах.

— Кто это? — спросил обер-лейтенант и сухим пальцем коснулся фотоснимка.

— Это мой племянник. Когда служил действительную в Советской Армии... — не колеблясь, ответил старик.

Из смежной комнаты донесся возмущенный голос хозяйки:

— И какое его свинячье дело!

— Вас ист дас: швиня чьедель? — переспросил немец. Старик растерянно развел руками.

Обер-лейтенант потушил окурок и устало склонился над столом.

Встревоженным хозяевам казалось, что он задремал. На самом деле офицер думал. И мысли незваного ночного гостя были чересчур странными. Из полубытья наплывали различные воспоминания.

...Огромный, сверкающий тысячами огней город. Стогосый прощальный вечер выпускников института иностранных языков. Знаменитый седобородый профессор Звягинцев говорит о красоте дерзаний, о величии подвигов, о бессмертии человеческих творений. Отличник Володя Сорокин сам себе клянется: всегда и везде быть похожим на своего любимого учителя. Профессор подходит к Володе, хочет что-то сказать, но от волнения не может произнести ни слова... Над Невой занимается рассвет...

...Строгое, почерневшее от бессонных ночей лицо Добриченко. Серые, немного печальные глаза, что давно не смеялись. Как всегда, скуп и решительно лейтенант дает последние наставления:

— Документы настоящие. Будь, Владимир, внимательным. Провала быть не должно. Помни, что, возможно, от тебя зависит успех будущего наступления. Желаю удачи!..

Но Сорокину сразу же не повезло. Еще на нейтральной полосе разведчик потерял впотьмах финский нож. Дважды возвращался он по своим следам (что же это за разведчик без финки!), но поиски оказались напрасными. В короткой и злой схватке Сорокин задушил немецкого часового в окопе боевого охранения и забрал у него хороший складной нож. Потом ужом выполз из окопчика, пробрался оврагом к шоссе, на ходу вскочил в кузов тупоносого «оппеля», что ехал в фашистский тыл. Устроившись на брезенте, разведчик нащупал песком несколько поврежденных телефонных аппаратов, аккумуляторов, катушек с кабелем. Он тут же пустил в дело своей трофей — отрезал им телефонную трубку с проводами и спрятал в карман.

Вскоре над машиной сомкнулись густые мохнатые ветки придорожных елей; в воздухе терпко запахло хвоей.

На одном из крутых поворотов, когда скорость замет-

но уменьшилась, Сорокин выпрыгнул из машины и скрылся в лесу.

За пятьдесят метров от дороги он зацепил ногой толстый телефонный кабель. Разведчик вспомнил о трубке. Он слегка надрезал изоляцию ножиком, оголил концы и подключился к линии.

Гитлеровцы разговаривали с помощью цифрового кода, но иногда какой-то «Адлер» (по-видимому, кто-то из штабных начальников), переходя на обычную речь, убежденно доказывал:

— Четвертую танковую армию необходимо усилить двумя-тремя полками самоходной артиллерии. Надежно прикроем танки истребителями. Эта армия должна выполнять роль бронированного тарана!

Немногословный бас на другом конце провода после короткой паузы возразил:

— Четвертая армия будет в резерве. Вас подкрепим пятнадцатым танковым корпусом. Перебросим из-под Сум. Главную колонну генерал-лейтенанта Шмидта вы должны встретить. На пути ее следования очень важно поставить четкие указатели, чтобы ночью тапкисты не наскочили на минные поля...

«Хотят наступать, а дороги не разминировали. Что бы это могло значить?» — подумал Сорокин и еще крепче прижал к уху теплую трубку. Но гитлеровцы снова перешли на код.

К полудню он заметил из кустов, как по шоссе с грохотом спешили по направлению к Белгороду приземистые танки, подтягивались орудия разных систем, неслись, мягко пружиня на рессорах, шестиствольные минометы. Гробовидные бронетранспортеры везли горластую фашистскую пехоту.

Возле километрового столба остановился покрытый коричневой пылью бронетранспортер. Из него на шоссе высыпали немцы. Насвистывающий ритмичную мелодию солдат едва не наступил на разведчика...

В течение дня Сорокин еще несколько раз подключался к телефонной линии противника. В кратких высокопарных приказах чаще всего упоминались Белгород, Обоянь, Курск. Гитлеровцы до того торопились, что после обеда передавали приказы, распоряжения, телефонограммы без каких-либо шифров. Владимир жадно запоминал названия военных частей, их нумерацию, маршруты, даже фамилии генералов. Из всего подслушанного по телефону и увиденного собственными глазами разведчик понял, что в ближайшее время гитлеровское командование намеревается осуществить крупное, хорошо организованное наступление на широком фронте.

К вечеру Сорокин устал и проголодался. Очень захотелось пить. Он зачерпнул пригоршней мутно-зеленую воду из Ворсклы. От гнилой воды несло тинной и какими-то лекарствами, но жажду он все же утолил.

Настало время возвращаться. В сумерках разведчик выбрался на развилку дорог, в центре которой торчал синий указатель с надписью: «Rundfahrt Minenfelds rechts»¹. На фанерном щите огромными буквами написано, что двухкилометровый участок заминирован. По обеим сторонам шоссе — несколько указателей с надписью: «Mіnen» («Мины»).

На шоссе царил немая тишина. Сорокин выдернул синий указатель и фанерный щит, забросил их в кусты, а указатели «Mіnen» расставил вдоль объезда. Кое-где земля была твердой — пришлось забивать стояки камнем. Удовлетворенный своей затеей, Сорокин вытер пот, стряхнул пыль с офицерского мундира и исчез в лесу. Бесшумно, как тень, направился разведчик к линии фронта. Но не успел он отойти и триста метров, как из-за спины донеслось протяжное, едва уловимое гудение танков. Сорокин повернул к шоссе, затем залег под кустом боярышника.

¹ Объезд минного поля вправо (нем.).

Грохот все усиливался, перемешиваясь с лязгом стали. Танки шли на большой скорости. Наконец на развилку выскочил плоский «тигр», вострепнулся, задрал кверху длинностволую пушку с глазастым набалдашником, и застыл на месте. Из люка вылез механик-водитель, посмотрел на дорожные знаки. Осветив фонариком указатели, удивился и постучал гаечным ключом по броне неповоротливой башни. Из башни выглянул полковник в очках с золотой оправой. Он достал сигарету, прикурил и велел подать карту. Черкнув по карте синим карандашом, полковник показал рукой на Борисовку.

За головной машиной двинулась вся колонна... Сорокин радостно увидел, как взрывная волна швырнула в небо восьмитонную башню. Синевато-желтое пламя охватило «тигра», танцевало, выгибаясь на покореженной коробке, рассыпалось вверху полыхающими искрами. Гроыхнуло еще несколько взрывов. Поднялась беспорядочная стрельба. По лесу ударили танковые пушки.

Левой руке стало горячо. Надо было как можно быстрее уходить из этого ада. Поднимаясь на ноги, Сорокин почувствовал особый, тошнотворный запах крови. Кое-как перевязав рану, разведчик решил зайти в какую-нибудь хату на окраине Борисовки: надо было промыть и как следует забинтовать руку. А главное — починить и выгладить одежду, ибо внешний вид обер-лейтенанта мог вызвать серьезное подозрение патрулей или полевой жандармерии...

Голос старика прервал поток нахлынувших мыслей: — Господин обер-лейтенант, мундир готов.

Хозяин держал одежду осторожно, двумя пальцами — словно боялся обжечься или испачкаться. На лице его застыло едва скрытое отвращение.

В это мгновение послышался грохот: в дверь со двора злобно колотили прикладами карабинов. Старик бросился открывать, но дверь уже вышибли вместе с оторванными петлями. В хату почти одновременно ввалились два

унтер-офицера полевой жандармерии. Один из них — с гноющимися глазами, с отвислым подбородком — ударил хозяина рукояткой парабеллума. Старик упал на пол.

Другой жандарм, заметив офицера, щелкнул каблуками и отрапортовал:

— Герр обер-лейтенант! Это родители двух офицеров Советской Армии. Они... связаны с партизанами. Их надо повесить!

Обер-лейтенант посмотрел на женщину. Она тяжело дышала, как рыба, выброшенная из воды. Жандарм подскочил к хозяйке, схватил ее за волосы. Седые пряди просочились между крючковатыми пальцами.

Сорокина кинуло в жар. Рука мгновенно выдернула пистолет и дважды вздрогнула от глухих выстрелов. Жандармы рухнули замертво.

— Быстрее в лес! Не отставайте! — по-русски выкрикнул Сорокин, торопливо пряча оружие.

Женщина удивленно раскрыла глаза. Сорокин поднял на руки бесчувственного хозяина.

На крыльце он минуту постоял, прислушался — село молчало. Разведчик облегченно вздохнул и толкнул калитку на огород.

Бежать узенькой тропинкой, да еще с такой ношей на руках, было тяжело. Ботва картошки путалась под погами. Иногда нога попадала в выемку, подгибалась. Но Сорокин, не оглядываясь, спешил к клетню. Возле перелаза он бережно положил старика на траву, отдышался. Женщина сильно отстала. Разведчик нетерпеливо ее ожидал, поглядывая на часы.

Тем временем старик открыл глаза и, увидев обер-лейтенанта, вздрогнул.

— Вы — мерзавцы! — Голос учителя был полон негодования. — Вы ограбили и сожгли Европу. Но народ на колени не поставите! Да, я послал на войну двух сынов. И они скрутят вам шею!

Сорокин наклонился к нему:

— Тише. Я и так хорошо знаю, кто вы. Нужно немедленно бежать в лес: смерть — за плечами. Дорогу в партизанский отряд знаете?

Иван Сергеевич отрицательно покачал головой:

— Нет, я с партизанами не связан...

Запыхавшаяся женщина толкнула старика под бок, но он, ничего не понимая, только моргал глазами.

— Пойдемте! — Сорокин помог учителю подняться.

Тот едва держался на ногах. Разведчик снова взял его на руки и опустил, когда все трое добрались до опушки леса.

— Ну вот, — сказал он, едва переводя дух, — теперь разыскивайте партизан. В село вам возвращаться нельзя.

Словно в подтверждение этих слов, там, где осталось в темноте село, затрещали выстрелы, взревел мотор бронетранспортера.

— Началось, — с досадой проговорил Сорокин. — Не теряйте времени. Я совсем не тот, за кого вы меня принимаете. Сможете идти?

— Да. А вы — с нами? — в замешательстве спросил старик.

— Нельзя. Надо до рассвета перейти фронт... А партизаны непременно задержат: при мне только немецкие документы. До свиданья!

За спиной Сорокина сомкнулись ветви орешника.

* * *

Худощавый лейтенант с печально отвисшими, как у Тараса Шевченко, усами надевал быстрыми, привычными движениями зелено-коричневый маскировочный костюм. Он искоса посмотрел на чернявого сержанта, который, плюнув и нелюбезно помянув черта, стягивал немецкий хромовый сапог с низким подъемом.

— Наказать бы тебя, Сорокин... Собрал такие ценней-

шие сведения, а рисковал жизнью, как дитя! Хорошо, что жандармов в селе было маловато... Нервы, браток, закаляй!

— Я заслужил наказание, — тихо сказал Сорокин. — Но я не мог иначе.

НЕТ, НЕ ПРИЗРАКИ!

Из темноты мрачно торчат ряды грозных надолбов. За ними тянется проволочное ограждение в четыре ряда. Над остроконечными шипами трепещут фиолетово-оранжевые короны. Красиво — будто стоя мотыльков.

Разведгруппа забирает влево. Впереди — ровная черная полоса. Сержант Чуйков осторожно щупает рыхлую землю. На его лбу выступает холодный пот: минное поле. «Пушкарь и Грайченко, вперед!» — шепчет Чуйков.

Темнота. Тишина. Страх. Напрягая зрение, Чуйков видит, как два силуэта медленно вывинчивают смертоносные запалы. Кажется, проходит целая вечность...

Наконец разведчики у вражеской траншеи. Дикий крик часового: «Alarm!»¹

Чуйков судорожно ищет и никак не может найти нож. И... просыпается...

Между кронами деревьев плывут окутанные дымкой розовые облачка. По бересте деловито стучит дятел. Солдаты еще спят. Только под старым развесистым дубом, словно цапля, на одной ноге стоит Юрчук. Чуйков улыбается, подкручивает длинные черные усы:

— Это ты, Юрчук, правильный способ придумал. На одной — носом не заключаешь. Вокруг спокойно?

— Так точно, товарищ сержант. Даже не верится, что мы во вражеском тылу. Жуткая ночь была...

— Мне даже во сне эта ночь привиделась, — признался Чуйков. — Чтoб ей пусто было! Надо думать о предстоящей...

¹ Тревога! (нем.)

Чуйков закурил. На душе стало тревожно: «Позавчерашний «язык» мог наврать... Но если оберст-инженер, который руководит всей фашистской обороной, действительно разъезжает на бронетранспортере под номером 613, за такой птицей стоит поохотиться».

Сержант плюнул на окурок, присыпал его прошлогодними листьями. «Скорее бы вернулись Сорокин и Сомов, и не с пустыми руками. Организуем засаду. Лучше всего у развилки дорог. Мина в такой ситуации ни к чему: на нее может наскочить не тот, кто нужен. Милое дело — противотанковые гранаты. Если что не так — махнем в лес».

Возле шоссе сменились дозорные. Гуля доложил, что около пяти часов движение возобновилось.

Чуйкову захотелось самому посмотреть на дорогу. Облюбовав ветвистый куст дягеля, он залег. Мимо него к передовой двигались грузовики с бревнами, со стальными рельсами, с кабелем, даже с армейскими кроватями. «Повидимому, немцы устраиваются надолго...» С передовой в тыл дребезжал порожняк. Устало прокряхтел старенький бульдозер. Мелькнула автоцистерна. А ожидаемый бронетранспортер не появлялся.

Взволнованный Чуйков вернулся в орешник: «Где же все-таки этот оберст? Возможно, заночевал на передовой? Не хочет терять времени на разъезды. Ладно, придавим комарика немножко, да еще и про запас: кто знает, какая ночь впереди...»

Но уснуть Чуйкову не пришлось. Пушкарь раздвинул ветки и потянул сержанта за руку:

— Заросли шелестят. Ходит кто-то...

С автоматом наготове часовой притаился за кустом можжевельника. Теперь уже отчетливо были слышны вкрадчивые шаги.

— Где-то здесь наши остановились, — донесся из-за дуба тихий баритон Сорокина.

— Верно! Глянь-ка, следы Чуйкова ведут через поляну к орешнику. — Сомов уверенно пошел прямо на замаскированного сержанта.

Послушать новости собралась вся группа.

— Ну что? Видели оберста? — спросил Чуйков, растилая плащ-накидку.

— Задание выполнено, — начал Сорокин, устало опускаясь на землю. — «Язык» говорил правду. Начальник инженерно-технических работ этого участка фронта и в самом деле разъезжает на бронетранспортере. Номер машины — 613. Фамлия оберста — Клодт. Нам посчастливилось подслушать разговор двух офицеров — они перекусывали на опушке леса. А потом Сомов видел, как оберст собственной персоной вылезал из бронетранспортера. Клодта сопровождают три мотоцикла. На колясках — ручные пулеметы. Взять оберста днем, да еще на переднем крае, невозможно. Сегодня он будет возвращаться в штаб армии вечером. Таким образом, сержант, твоя идея относительно засады правильная. Но как избавиться от мотоциклистов?

Чуйков пожал плечами:

— Без стрельбы, наверное, не обойдется. Как ни прикидывай, а придется рискнуть... Меня беспокоит другое. В сумерках может оживиться движение на шоссе. А свидетели и наблюдатели в таком деле абсолютно лишние.

— Конечно, — переобуваясь, согласился Сорокин.

Чуйков долго разглядывал деревянную пуговицу на плащ-накидке. Наконец поднял голову:

— Группа, слушай боевое задание. Пушкарь п Гуля останвят бронетранспортер противотанковой гвпатой. Сомов, Савченко и сержант Сорокин возьмут на себя мотоциклистов. Юрчук и Грайченко в случае необходимости прикроют группу огнем. Оберста берем живым. Пост возле шоссе снимаю до девятнадцати ноль-ноль. После обеда всем, кроме часового, — отдыхать. А с тобой, Сорокин, мы еще прикинем...

Остывшее солнце повисло на западе, тени удлинились. От фронта один за другим гремели порожние грузовики. Промчалась санитарная машина. Движение на шоссе приостановилось. Чуйков вопросительно посмотрел на Сорюкина:

— Неужели оберст подался проселочной дорогой?

— Вряд ли: немцы избегают глухих дорог. Рано еще...

Слева от переднего края донеслось гроыханье. Сержанты прислушались.

— Для бронетранспортера слишком громко, — заметил Чуйков. — Наверное, танк прет... А ну, Сомов, поклонись матушке-землице!

Широкоплечий сибиряк растянулся на траве, приняв ухом к земле.

— Первым идет тяжелый танк, за ним — бронетранспортер, а потом — несколько мотоциклов.

— Неважные дела... — покачал головой Чуйков. И приказал: — Без команды не стрелять.

Земля едва слышно задрожала. Взгляды разведчиков прикипели к развилке. Сначала из-за придорожных деревьев показался длинный ствол орудия, потом выкатился «тигр» с синими фарами. Танк шел на максимальной скорости, но его заметно догонял бронетранспортер. На борту белел номер 613. За бронетранспортером стрекотали три мотоцикла с колясками.

— Чтоб вам ни дна ни покрышки! — выругался Чуйков. — Ну ничего. Будем караулить хоть неделю, а своего добьемся. Только бы оберст не убежал.

Прошел второй день, третий, четвертый. И ежедневно с утра бронетранспортер устремлялся к передовой, а вечером, высекая из булыжника мостовой искры, мчался мимо засады в тыл. Разведчикам явно не везло: то оберста сопровождала усиленная охрана, то как раз на повороте остановилась авторота грузовых «оппелей», то бронетранспортер тащил за собой прицеп, облепленный фашистами.

К вечеру пятого дня бронетранспортер выскочил на развилку без моторизованной охраны. Только в кузове маячило восемь фигур. Немец на правом борту беззаботно водил по губам гармошкой. Ее звуки заглушал мотор.

...В кабине было душно, и полуприоткрытые дверцы покачивались на петлях. Механик-водитель фельдфебель Шайн курил сигарету и изредка поглядывал на приборы. Его раздражала настойчивость, с какой оберст Клодт стремился как можно быстрее закончить инженерно-оборонительные сооружения. Но именно из-за оберста он выпущен допоздна околачиваться на переднем крае, а потом с дрожью в коленях нестись в штаб армии через этот пахмуренный лес, ежеминутно рискуя жизнью. О! Шайн хорошо знает, что такое русские леса. В них всегда прячется смерть. Недаром же сам доктор Геббельс признал, что в брянских дебрях свернула себе шею не одна дивизия...

Шайн заметил, как из кустов выпорхнуло что-то похожее на черный графинчик и тут же рассыпалось на тысячи светляков, осветив ярким заревом лес. Кабина вспыхнула горячим синим пламенем. Под бронетранспортером раздался взрыв. Дважды отозвалась лесная чаща гулким эхом. И тогда из придорожного орешника дружно ударили автоматы. Очумевшие фашисты шарахнулись из кузова, за бронетранспортером затарахтел пулемет. На шоссе бухнуло несколько гранат. Пулемет захлебнулся. Наступила тишина.

Вслед за Чуйковым из лесу выскочили Гуля, Сорокин и Пушкарь. Пока товарищи обыскивали убитых и собирали трофейное оружие, Сорокин выволок из кабины мертвого оберста, достал из кармана бумаги. Свидетельства, пропуска, фотоснимки... Все ерунда! Конечно, чертежи и схемы оберст возил в портфеле или в папке... Но где они?.. Сорокин поднял сиденье. Вот она, желтая кожаная папка. Кроме топографической карты в ней было несколько листов плотной ватманской бумаги.

— Порядок! — обрадовался Сорокин.

Из-за поворота двумя снопами света рассеяли тьму фары грузовика. За ним остановились еще две машины с солдатами. Гитлеровцы быстро попрыгали через борт и открыли огонь. Сомов и Пушкарь угостили незваных свидетелей лимонками. Положение разведчиков усложнилось.

— В лес! — приказал Чуйков. — Юрчук и Грайченко, прикройте группу. — Он глянул на часы. — Сейчас двадцать два ноль-ноль. Продержитесь с полчаса, и порядок.

— Слушаюсь! — шепотом ответил Юрчук.

С двумя трофейными автоматами Грайченко бросился к сосне. В кустарнике застрочил ручной пулемет Юрчука.

Чтоб обескуражить немцев, разведчики часто меняли позиции. Ручной пулемет стрекотал из-за толстого бревна, огрызался из придорожных кустов, посылал очереди из подлеска. Немцы залегли, не осмеливаясь перейти шоссе.

— Вперед! Вперед! — крикнул офицер и перескочил кювет.

Пуля Грайченко свалила его на землю.

На этот выстрел гитлеровцы ответили беспорядочным огнем. Между деревьями закружилась посеченная листва. «Отползу немного в сторону, а они пускай себе шпарят наугад, — подумал Грайченко. — Нам бы время выиграть...»

Но фашисты, по-видимому, догадались, что ведут бой всего-навсего с двумя советскими бойцами, и начали перебираться через шоссе в разных местах. Дорога покрылась трупами, но нескольким немцам удалось перебежать шоссе. Теперь пули зазвенели отовсюду. А отходить разведчики еще не могли: рановато...

«Окружили... Надо спиной друг к другу... Чего это умолк Юрчук?»

Запутываясь ногами в зарослях папоротника, взволнованный Грайченко бросился к бревну, откуда еще ми-

нута назад косил гитлеровцев его товарищ. Маленький Юрчук подпер кругляк плечом, словно силился подкатить колоду поближе к шоссе. С левого надбровья текла кровь...

Грайченко поднял пулемет, оперся локтями на бревно и нажал на спусковой крючок. Стрелял по кругу короткими очередями — берег боеприпасы.

Когда трижды звонко щелкнул затвор, Грайченко понял: патроны кончились. Он оглянулся, второпях перебрал пустые диски. «Перебегу к дубу — там ребята сложили захваченное на бронетранспортере оружие...» Быстро поднялся, ступил шаг. Сильный удар в грудь остановил разведчика. Грайченко закачался, взмахнул левой рукой. Мелькнули зеленые фосфорические стрелки, и циферблат угас...

* * *

Генерал Бакланов подвинул на край стола схему фашистской обороны, достал из папки Клодта зеленоватый конверт, скрепленный сургучной печатью 304-й пехотной дивизии. В конверте было разведдонесение Гейнца Вальтера, командира этого соединения. Один из абзацев генерал Бакланов перечитал дважды:

«На дивизионную разведгруппу, которая отдыхала в прифронтовой усадьбе лесника, неожиданно напали советские разведчики. Им удалось снять часового и поджечь дом. Солдаты фюрера открыли ураганный огонь с чердака. В ожесточенном ночном бою погибли унтер-офицер Грюсс и пять солдат. Лейтенант Шмитгоф и двое рядовых пропали без вести. Русские действовали дерзко и бесшумно, как заколдованные призраки».

Красным карандашом Бакланов подчеркнул последнюю строку, закурил папиросу и подошел к окну. В соседнем дворе возле ротной кухни хозяйничал Чурбаков: наполнил два котелка гречневой кашей, накрыл их шерстяным одеялом и стал поливать ноготки возле хаты. «Любит цветы, — подумал командир дивизии. — И Юрчук

любил... Говорят, Грайченко собирал почтовые марки... Не вернулись... А Чурбаков подогревает для них ужин... Не верит, ждет. Этого вы, господин Вальтер, никогда не поймете!»

И НА ДНЕ МОРСКОМ...

Среди однополчан майор Конрад Верд — холеный аристократ, первенец известного рурского инженера — слыл умным офицером. Вот и сегодня он, как всегда, любопытно излагает свои мысли...

— Герр генерал, в принципе я с вами согласен, — сказал Верд, учтиво кланяясь командиру дивизии. — Наблюдательные пункты действительно рекомендуется выбирать на командных высотах. Аналогичные требования изложены и в русских наставлениях. Поэтому не удивительно, что в течение трех лет советская артиллерия терпеливо перепахивает метр за метром склоны господствующих высот: ведь там же наши КП и НП. И вот как раз на этой местности мы можем приготовить русским хороший сюрприз.

— Поточнее, — попросил генерал Шюрф, тщательно приглаживая усы изящной пластмассовой щеточкой.

— Ваш командный пункт, герр генерал, надо оборудовать на высоте 275,3. Во-первых, она не намного ниже господствующей. Во-вторых, на ней расположено кладбище. Можно имитировать похороны. Под видом похоронной процессии перебросим туда материалы, инструмент и солдат. До переднего края девять километров. Даже опытный наблюдатель на таком расстоянии вряд ли заподозрит... В-третьих, русские с уважением относятся к усопшим, они и мысли не допустят, что мы потревожим нескольких мертвецов. А в-четвертых, стереотрубу на кладбище удобно замаскировать под перекладину креста.

Генерал задумался, снял пенсне и кусочком замши протер стекла.

— Знаете, Конрад, у русских есть мудрая пословица. Хочу ее смысл уточнить: семь раз отмерь, а потом еще раз подумай, стоит ли резать... — Шюрф поднял пенсне. — А вообще в плане вашем есть кое-что, заслуживающее внимания, — он повернулся к своему адъютанту, подшивающему боевую документацию. — Хорст, немедленно распорядитесь, чтобы командный пункт дивизии был оборудован на высоте 275,3, в квадрате четырнадцать-восемьдесят. К двум часам закончить все работы. На рассвете проверю.

Гауптман Хорст молча отковырял и вышел.

* * *

Запись в дивизионном журнале разведки гласила: «12 июля 1944 года в 17.15 три грузовых «оппеля» в сопровождении двух взводов пехоты медленно приблизились к воротам кладбища на северо-восточном склоне высоты 275,3. В кузовах — несколько гробов, коричневые крышки которых выступали над закрытыми бортами на 12—15 сантиметров. При спуске в овраг в кузове передней машины сверкнули металлические предметы. Похоже — топор и лопата. Все машины покинули кладбище ровно через час после салюта — в 18.15. В кузовах находилось по восемь солдат. Вывод: на кладбище противник задумал какие-то инженерно-земляные работы. Высота — НП или КП? Сержант Гуля».

В позапрошлую и прошлую ночь разведгруппы Щербакова и Ломтикова тщетно пытались перейти линию фронта. Предусмотрительные немцы всюду выставили двоянные посты, усилили боевое охранение, заминировали почти весь передний край. Группу Ломтикова фашисты обнаружили и хотели было отсечь. Из траншеи выскочило более взвода автоматчиков. Ребятам пришлось отстреливаться. В перестрелке фрицы потеряли с десятка два убитыми. Вот Гуля, наверное, как раз и наблюдал, как похоронные команды занялись своим невеселым делом...

«На прошлой неделе взять «языка» не удалось, — Пушкарь почесал не в меру широкий затылок, поправил пилотку, — а уж на этой надо сообразить обязательно. Если немцы действительно роют на кладбище НП, конечно, стоит рискнуть...»

— Что скажешь про решение Гули? — не поворачивая головы, спросил осунувшийся после двух бессонных ночей лейтенант Добриченко; его бинокль уже в который раз двигался вправо — к высоте 275,3.

— По-моему, Гуля прав, — не сразу ответил Пушкарь. — В гробах перевозили другой груз. Мины? Отпадает. Зачем им высоту минировать? Боеприпасы? Чересчур много для двух заводов. Скорее всего, стройматериал и шапцевый инструмент. Немцы далеко не глупы. Тактическая уловка! Свежипка!

В глазах Добриченко загорелись, но тотчас же погасли крохотные искорки.

— Теперь вообразим, — продолжал Пушкарь, — что стапет делать вражеский офицер после того, как наблюдательный пункт будет готов. Конечно, саперов и связистов тут же отпустит. А в блиндаже останется либо сам, либо — младший офицер с двумя-тремя солдатами. Вот сцапать бы такого «языка» во мраке могильном!

— Помни о минных полях. Мина на mine... — вздохнул Добриченко.

* * *

К двум часам ночи в обшивку ячейки наблюдения был вколочен последний гвоздь. Конрад Верд критическим взглядом окинул весь узел, вошел в генеральский блиндаж и поднял телефонную трубку.

— Алло, герр четырнадцатый? Кто? Адъютант? С добрым утром, старина. Доложите шефу, что его новая дача готова.

— Хорошо! Пожалуйста, передайте всем благодарность. Солдатам предоставляется суточный отдых. Вам

лично шеф очень признателен, обещал наградить по заслугам.

— Зиг хайль! Я чертовски устал. Здесь оставляю лейтенанта Файлера, сам еду в село...

— Шеф приказал вам оставаться на месте до его приезда. На рассвете вы будете ему очень нужны. Организуйте охрану. До свидания.

— Пока, — недовольно буркнул Верд и положил трубку.

Отправив саперов и связистов, он прилег на диван. «Да, что ни говори, — размышлял майор, — а у судьбы тоже есть баловни и пасынки. Вот хотя бы этот белоручка Хорст... Всю войну просидел под крылышком то у одного генерала, то у другого... А наградами и повышениями в чинах не обойден. Другой вечно в холоде и голоде, под открытым небом, под пулями да минами... Однако так, по соседству с могильными червями, еще никогда не приходилось... — Верд невольно содрогнулся. — Впрочем... страшны не черви, не покойники... Живых надо бояться! Так говорил отец еще лет двадцать тому назад. Прав был старик — и поныне у нас где-то глубоко сидит страх перед мертвецами и могилами... Пора бы привыкнуть... За три года в фатерлянде появились тысячи новых кладбищ. А чего мы достигли? Ни жизненного пространства, ни вермахта», — майор подозрительным взглядом окинул блиндаж, как будто кто-то мог разгадать его мысли.

На стульчике у двери беззаботно похрапывал связист, рядом с ним на топчаше прикорнул ординарец майора — Хуго Фукс. Вокруг царил полумрак: снарядная гильза, заменяющая здесь каганец, чадила блеклым огоньком. Верд встал, слегка взболтнул керосин в светильнике и снова устало прилег на диван, который возили специально для генерала.

* * *

Перед рассветом тучи заволокли небо, и тьма сгустилась. Обогнув ползком еще четыре холмика, Сомов обра-

довался. Немцы допустили ошибку. Вокруг командного пункта они снесли два дерева, вырубili все кусты. На фоне облачного неба потомственный сибирский охотник Сомов разглядел силуэт вражеского часового. Упругим плечом Сомов коснулся Пушкаря и сдeлал жест, словно устранял кого-то с пути. Пушкарь кивнул.

Сибиряк скрылся за могилой. В тишине различалось только шуршание пустырника под тяжелыми сапогами немца. Сомов полз быстро, но, как ни прислушивался Пушкарь, определить, где находится сейчас его приятель, не мог. Тогда сержант решил следить за немцем. За спиною часового бесшумно появилась более плотная фигура и на миг обхватила немца. Донесся глубокий вздох, и опять все стихло. Опустив тело часового на землю, Сомов взмахнул рукой. И вот уже к нему поспешал Пушкарь с товарищами.

* * *

В полусне Верд не сразу понял, что произошло. Почему в блиндаже темно? Слышно ровное дыхание Фукса и связиста, но в блиндаже еще кто-то есть...

— Кто тут? — вскрикнул майор.

Яркий луч фонарика ударил ему прямо в лицо, чьи-то сильные, ловкие руки связали и подняли с дивана.

Крик разбудил связиста и Фукса. Но они даже не успели вскинуть автоматы. Раздались два pistolетных выстрела. Русский стрелял метко: оба немецких солдата были убиты наповал. Верд, поняв, что уцелел он один, воспрял духом: «В меня Иван палить не станет: такой «язык» ценен только живой», — он хотел боднуть русского головой, но резкий рубящий удар в подбородок свалил майора на пол. Не успел Верд опомниться, как его бесцеремонно вышвырнули из блиндажа...

* * *

Пока разведгруппа скрывалась днем в заболоченном лесу, Верд вроде примирился со своею судьбой. Но как

только в сумерках разведчики направились к линии фронта, надежда на спасение опять затеплилась в нем. «Русским неминуемо придется ползти через передний край, — думал Верд. — Вблизи наших окопов можно наступить на сухую ветку, чтобы треск был слышен подальше... Или при случае шмыгнуть в сторону... Стрелять русские не отважатся. Надо быть наготове...»

Группа двигалась гуськом. Впереди Верда мерно покачивалась пятнистая спина Пушкаря. Вылинявшая пилотка сползла на самый затылок. Немец с непамятостью смотрел на него. «Вот куда всадить бы пулю» — лицо Верда скривилось от злости.

Над их головами отшепталась зеленая листва дрожащего ольховника, отшуршала хвоя старого бора, отшумела резвыми кудрями дубрава, а пемец помышлял все о том же...

С хмурого неба сеялась изморось — осенняя, безнадежная, мелкая, словно ее дважды пропустили через сито. Шедший следом за пленным разведчик Валериан Имеладзе предложил Конраду Верду плащ-палатку, но тот демонстративно отказался.

В лес все глубже проникала тьма. Очертания расплывались, и теперь уже было трудно что-либо разглядеть. Но вот чаща осталась позади. Между деревьями показался косогор. Из-за него вытянула длинную шейку ракета, зашипела, как старый гусак, и рассыпалась сотнями тоненьких лучинок.

Пушкарь повернул к пленному спокойное, задумчивое лицо. «Сейчас фриц помышляет о побеге, — догадался сержант. — Надеется, что его разыскивают, что подразделения на переднем крае предупреждены... Надо его ошарашить, подавить психологически, сломить окончательно! Пусть знает, что при любой ситуации ему несдобровать».

Левой рукой Пушкарь схватил немца за шиворот, рванул на себя, а правой вытащил кляп.

— И на морском дне сыщем! — раздельный шепот буквально обжег пленного. — Во время допроса вы, Конрад Верд, кичились интеллигентностью, своим происхождением. Даже русским свободно владеете... Но вы — не аристократ, а... подонок. Потому что в такую минуту интеллигент о другом думал бы... Совсем о другом!

— О чем же мне прикажете думать? — язвительно спросил немец.

— О времени, когда наши дети будут ездить из Москвы в Берлин, а из Берлина в Москву, как друзья, как родственники...

— Фапатик! — прохрипел Верд. — Я сейчас крикну, и вас через пять минут не станет.

— Орите. И погромче. Все равно дети будут ездить! Только без папы... Но учтите: за войну я разучился шутить. Идите, как мышь! — Пушкарь презрительно бросил на землю кляп и шагнул во тьму.

Верда подтолкнули в спину стволом автомата, и он, сам не понимая, что делает, кинулся вдогонку за Пушкарем.

Потом они ползли. А ночное небо полосовали разноцветные пунктирные нити, со всех сторон гремела пальба, и обескураженный, потерявший ориентацию Конрад Верд совсем не узнавал местности. Все было пным — хмурым и грозным... Пленный старался ползти рядом с Пушкарем, даже немного впереди, словно убегал от чего-то ужасного...

Взметнулась ракета. Теперь она выпорхнула из-под самых ног — ослепительно-яркая, беспощадная. Верд искоса глянул на сержанта. Пушкарь хитро подмигнул. «Что это — первый тик?» — удивился немец. Но в ту же минуту лицо Пушкаря расплылось в широкой, лукавой улыбке: дескать, ракета-то наша, русская, вот мы и дома...

В темноте сверкнул зеленый глазок карманного фонаря. Чей-то грудной баритон приглушенно спросил:

— Где тебя, Пушкарь, до сих пор носит?

— Ты лучше погляди, какого чубарика-чубчика мы из могилы вынули... Это тебе, брат, не вдоль по Питерской...

С ПРИДАНЫМ

Схватка была мгновенной, как яркая вспышка молнии. Под стальным брюхом немецкого тягача одновременно ухнули две противотанковые гранаты, и ослепительное пламя взвилось выше сосен. Эхо нескольких автоматных очередей разнеслось в глубине леса. А через двенадцать секунд все смолкло.

Из орудийного расчета в живых остался только один солдат в мешковатой форменной куртке. Его схватили, запихнули в рот какую-то тряпку и велели бежать вприпрыжку за худощавым, шустрым разведчиком.

Бежали минут двадцать. Затем перешли на обычный походный шаг. Тряпку вынули, дальше стало дышать легче. А на душе Эрхарда Вольке было все так же тоскливо и муторно. Он понимал многое. Его отец, седоусый аахенский железнодорожник, в 1918 году нес мимо собора с гробницей Карла Великого красный флаг. Эрхард помнил, как в их домишке часто собирались машинисты, кочегары. Они приносили в их тесную комнатку не только запах мазута и креозота... Разве забудет он, как до позднего вечера читали у них нелегальные книжки? А потом под старой липой спорили и мечтали...

После жестоких американских бомбардировок от липы остался только черный пенёк. Тысячи «мустангов» бомбили крохотные лачуги бедняков — грузчиков, паровозников, путейцев. А рядом в цехах огромных военных заводов Шахта и Крупна на «тиграх» и «пантерах» сшивали броневые плиты, отливали пушечные стволы...

«Спрут спрута не сожрет», — думал Вольке.

...В 1933 году нацисты стали полновластными хозяевами Германии, удрученный Зигфрид Вольке сказал как-

то сыну, что это — начало гибели национального престижа. 22 июня 1941 года старик обнял Эрхарда: «Война с Советской Россией принесет людям много бедствий. Но верь мне, сынок: большевики наверняка свернут шею фюреру!»

Шпикив, доносчиков и провокаторов было больше, чем достаточно: в августе сорок первого отца швырнули в карцер Плетцензее и после трехнедельных пыток расстреляли. Через месяц от инфаркта скончалась фрау Вольке. Эрхарда спроводили на Восточный фронт: дескать, там ему и кагут...

— Послушайте. Вольке, — спросил по-немецки высокий, черноглазый разведчик, прочитав записи в зольдбухе¹, — что вы делали в тылу после первого ранения? Ведь срок немалый — почти два года.

— Шесть месяцев провалялся в госпиталях. Потом выписали белый билет и послали в шахту. Подручным крепильщика... — немец умолк.

— Пожалуйста, продолжайте. Я вас внимательно слушаю.

— Когда в сорок третьем была объявлена тотальная мобилизация, меня направили в артиллерийский полк. До Шепетовки ехали по железной дороге. В Шепетовке несколько дней простояли — и в бой под Житомир. Удар советских войск был страшен. Можете представить, в полку осталось всего четыре орудия... Переформировка под Лодзью. Снова фронт... Забарахлил мотор тягача... Дивизион ушел вперед, на новые огневые позиции, а наше орудие вынуждено было остановиться...

Вольке сообщил о себе все, что, на его взгляд, заслуживало внимания. Сперва он говорил медленно и спокойно, глядя прямо в глаза Сорокину, потом заговорил быстрее, а когда начал рассказывать о разных воипских частях и подразделениях, то перешел на скороговорку. Тонкий психолог, Сорокин понял: пленный уверен, что его уни-

¹ Зольдбух — солдатская книжка (нем.)

чтожат сразу же после допроса, но старается сообщить побольше сведений, чтобы убедить русских в искренности, а главное — избавить от многих неприятностей... Сорокин решил быть откровенным до конца:

— Вы хорошо понимаете, Вольке, насколько нежелательно и опасно ваше присутствие в разведгруппе, выполняющей боевое задание? Теперь все «языки» в один голос называют себя антифашистами, а некоторые даже проклинают Гитлера. Где же эти, с позволения сказать, антифашисты были раньше?

— Я сын коммуниста, — твердо произнес Вольке. — И прошу мне верить!

Сорокин перешел на русский:

— Дай-ка, Грицюта, его документы.

Содержимое бумажника из крокодиловой кожи было самым обычным. Зольдбух, всевозможные фото: отец с сундучком в железнодорожной фуражке; мать — сорокалетняя женщина с открытым, честным лицом и тревогой в глазах; какие-то девушки. Внезапно Сорокин поднес к самым глазам старую, исцарапанную и потертую открытку.

— Внимание, братцы, — он поднял сизоватый прямоугольник над головой.

С открытки смотрел Ленин...

Все были поражены. Еще бы! Портрет Ильича в кармане гитлеровского солдата. За такую открытку ему на каждом шагу грозил расстрел. Но теперь...

— Откуда у вас это? — тихо спросил Сорокин.

Вольке спокойно, будто ничего особенного не произошло, ответил:

— В сорок третьем перед отправкой в бой наш полк восемь дней стоял в Шепетовке. Нас разместили на частных квартирах. Я попал к довольно пожилой хозяйке...

— По какой улице? — встрепенулся Иващенко.

Вольке непонимающе заморгал.

— Как называлась улица? — перевел Сорокин и объ-

яснил: — У нас есть шепетовчанин, младший лейтенант Кравчук.

Немец улыбнулся уголком рта:

— Понимаю. Но название улицы забыл. Помню только, что напротив больницы — усадьба со старыми елями. Однажды я зашел к хозяйке за тарелкой. Пока она искала, я подошел к этажерке. Среди школьных учебников на средней полке стояла книжка в переплете из коленкора. В ней был портрет Лепина и эта открытка. Конечно, я посоветовал немедленно спрятать книжку, а открытку попросил отдать мне. Хозяйка сперва растерялась... Потом рассказала, что оба ее сына служат в Советской Армии, что с ними — неизвестно... Пожелала, чтобы я выжил в этой адской войне. И вы знаете, с того дня я поверил, что уцелею... Все немцы немного сентиментальны...

— К сожалению, это еще не самая плохая их черта, — грустно заметил Сорокин и окинул товарищей вопросительным взглядом.

— По-моему, парень не потерянный, — глухо сказал старший разведгруппы сержант Щербаков.

— Пассивный малость, — задумчиво вставил Макаров, — пусть исправляется.

— Переведи ему, Сорокин, — почти шепотом произнес Щербаков, — что новой Германии понадобятся не тюхимакухи, а борцы. И верни автомат.

— Берите, Вольке, — сказал Сорокин, протягивая оружие. — Надеюсь, вам понятно? — заметив, что руки немца задрожали, он дружелюбно добавил: — Ничего, ничего, все будет нормально!

— Довольно лирики! — проворчал Щербаков. — Работа не ждет... В путь!

* * *

Когда ремешок автомата привычно лег на плечо, Вольке понял, что русские не только сохранили ему жизнь, но и

приняли как товарища. Почувствовав свободу действий, пемец решил, что обязан как-то отблагодарить своих новых знакомых. Вольке поравнялся с брюнетом, который его допрашивал четверть часа тому назад, и затараторил русскому на ухо:

— Господин унтер-офицер! Судя по всему, вашу группу интересует обстановка в Редькинцах. На западной окраине этого села расположен штаб нашего полка. Если понадобится «язык», то более подходящего, чем первый помощник начальника штаба майор Априхе, вам не найти.

— Это почему же? — глаза Сорокина черными буравчиками вонзились в лоб немца.

— Очень знающий офицер, подлый и жестокий нацист. Подчиненные Априхе давно протерли брюки на коленях, моля всевышнего избавить их от шефа...

— Разобрал, о чем речь, Федор? — Сорокин многозначительно глянул на Щербакова.

Старший группы кивнул.

Вольке сообразил, что неумышленно нарушил субординацию. Он деликатно извинился и продолжал:

— Пожалуйста, учтите еще и такую деталь. Майор Априхе отвечает за штандарт, по-русски — за знамя полка. Вечером он снимает полотнище с древка и кладет себе под подушку рядом с пистолетом. Сам ординарец майора мне рассказывал... Конечно, дом в котором живет Априхе, всегда охраняют лучшие солдаты комендантского взвода.

— Вы знаете кого-нибудь из охраны?

— Некоторых.

— Пожалуйста, Вольке, проводите нас к этому дому через огороды. Из трех китов, которые необходимы в ночном поиске — благоразумие, расчет и смелость, — первый важен для вас вдвойне.

— Понятно, господин унтер-офицер.

— Еще одна премудрость. Шум — наш враг. Ходить надо тихо. По траве — снизу ногу двигайте, с корня давите на стебель.

Последним, как правило, оставлял штаб майор Анрихе. Перед уходом он аккуратно сортировал различные документы, прятал их в сейф, снимал с древка полотнище штандарта и минуту любовался черной шелковой свастикой в золотистом кругу, от которого во все стороны расходились окаймленные золотом черные клинья — отблески величия третьего рейха. Командиру полка оберст-лейтенанту Граузаму боевой штандарт вручил не кто-нибудь, а сам фюрер...

Анрихе аккуратно сложил и спрятал полотнище в свой портфель, потом сухо попрощался с дежурным и вышел на улицу. Нервным движением достал портсигар, закурил и трижды глубоко затянулся. Майор был возмущен. Сегодня старший офицер разведки гауптман Шот заявил вслух, что в победу Гитлера теперь могут верить лишь дураки, а разумные люди должны всерьез подумать о том, как спасти свои головы. За такую информацию друзья Анрихе из гестапо не пожалеют и тысячи марок... Но почему, уходя из штаба, Шот сверкнул зелеными лучистыми глазами и твердо сказал: «Подлецы всегда плохо копчают...»? Кого он имел в виду? На что намекал толковый, даже талантливый разведчик? Не беда, все равно Шот ничего не узнает. Гестапо никогда не медлит...

На горизонте догорал закат, и небольшой домик, в котором квартировал Анрихе со своим ординарцем, казался ему сейчас почему-то розовым. Цвет этот пробудил приятные воспоминания. В 1943 году майор приказал сжечь целиком партизанское село на Полтавщине. Горющие хаты тоже были такого цвета...

Майор торопливо открыл дверь, прошел в свою комнату. Ее окна выходили на запад — кровавые блики, просеявшись сквозь листву, сновали по стенам. Анрихе раздраженно опустил штору, щелкнул выключателем.

Взяв со стола бутылку немецкого коньяка «Азбах», майор наполнил рюмку. Пил медленно, с наслаждением.

Вторую выпил залпом. Потом отодвинул бутылку, расположился за столом и начал писать. Ровным, разборчивым почерком он исписал три листка. Внимательно перечитал текст: Шоту недобрововать. Анрихе зло ухмыльнулся, налил еще коньяка и выпил.

«Все-таки в обороне спокойно живется, — думал Анрихе, снимая сапоги. — Можно по-человечески поспать. И партизаны не страшны: двое часовых возле дома! Ну-ка, проверю...» Анрихе быстро сунул ноги в комнатные туфли, чуть оттянул штору.

Во дворе за домом враскачку шагал часовой. Он заметил майора, отдал честь и побрел дальше.

Довольный Анрихе миновал темный коридор и вышел на крыльцо. У ворот стоял часовой, охраняющий дом с улицы. Это был Гейнц Ворбс — смелый, дисциплинированный обер-ефрейтор из комендантского взвода. Чтобы как-то объяснить свое появление, Анрихе сказал:

— Душновато. Не правда ли, Гейнц?

Часовой молча (на посту разговаривать запрещено) отковырял.

Возвратясь в комнату, Анрихе подошел к железной кровати армейского образца и прилег на двойной матрац.

Спалось плохо. Сперва приспился фельдфебель Рехтсляйн. Он сидел на подоконнике полураздетый и, болтая ногами, щурил близорукие глаза.

— Когда я по неосторожности сказал, что после Сталинграда фюрер может заказывать отходную, вы, герр майор, сообщили в гестапо. Эти молодчики расстреляли меня на берегу Днепра. Теперь я пришел за вами. Слышите, герр майор?

Рехтсляйн потряс костлявым кулаком, подбежал к кровати и вдруг превратился в... гауптмана Шота. Правой рукой он схватил майора за горло и гаркнул: «Вставай! Подлецы плохо копчают!»

От ужаса Анрихе проснулся.

— Вставай! — повторила темная фигура.

Майор запустил руку под подушку: ни штандарта, ни оружия...

— Тихо! Моментально одевайся! — Тень недвусмысленно ткнула майора под ребра стволом парабеллума.

Априхе кинулся к окну, чтобы позвать на помощь часового. Его схватили за плечо с такой силой, что хрустнули суставы. Но часового майор все-таки разглядел: солдат лежал возле сарая, поджав под себя ноги. Издали казалось, что кто-то переломил его пополам...

Майору связали руки, как слепого выводили наружу. С крыльца он увидел другого часового — Ворбса привязали к забору, и он стоял, как живой.

— За мною и — ни звука! — предупредил рослый солдат в маскировочном костюме.

* * *

Лес вторично поглотил разведгруппу. Нервное напряжение немного улеглось, и Щербаков разрешил путникам передохнуть.

— Сейчас там смена часовых... Обнаружат... Надо скорее переходить линию фронта, — встревожился Эрхард Вольке.

Услышав баварский говор, майор Априхе вытаращил глаза.

— Скажи ему, Володя, пусть не волнуется, — попросил Сорокина Щербаков. — Хотя майор и с богатым приданным, но в этих дебрях сам леший за тысячу лет никого не найдет. Все будет в ажуре: «Alles in Ordnung!»¹

ЭХ, ДОРОГИ...

Топко и пронзительно взвизгнули тормоза. Тупорылый грузовой «ошпель» остановился как вкопанный. Водитель приоткрыл дверцу и окинул путника придирчивым взгля-

¹ Все в порядке (нем.).

дом: китель примят, на груди, рядом с железным крестом, расплылось жирное пятно, в руках — старый саквояжик. Высокая награда и нашивки о ранениях взяли верх — и водитель учтиво спросил:

— Вам куда, герр фельдфебель?

— В семнадцатую дивизию.

— Это мне как раз по пути. Садитесь в кабину, — любезно предложил водитель и легонько подтолкнул своего помощника: дескать, уступи место старшему по званию.

Но стройный, черноглазый фельдфебель отказался:

— Благодарю, не надо. Доеду в кузове...

— Ливень будет, промокнете... — предупредил водитель.

Небо и вправду затягивало желтоватой пеленой. С востока горизонт теснила зловещая фиолетово-черная туча. Фельдфебель стоял на своем:

— Спасибо. После контузии в кабине меня подташнивает. Лучше на свежем воздухе. Тем более что и попутчик есть, — он компанейски подмигнул обер-ефрейтору, свесившему за борт взлохмаченную голову.

— Тогда быстрее в кузов: мы спешим.

Фельдфебель ловко вскинул правую ногу на резной скат, подтянулся на руках и перелез через борт.

В кузове было много свежекошенного сена. От него шел пряный запах клевера, горечавки, медуницы. Глубокая вмятина, напоминающая чем-то гнездо, свидетельствовала о том, что обер-ефрейтор, пользуясь возможностью, здорово здесь отоспался после бессонных фронтовых ночей.

— Наступление русских захлебнулось. А во время передышки можно кое-что себе позволить. Будут матрацы для всего оружейного расчета, — обер-ефрейтор кивнул на сено и поинтересовался: — Вы, очевидно, из госпиталя недавно?

— Позавчера выписался.

— Сейчас разыскать своих трудно. Много новых соеди-

пей и частей подбросили. В районе Золочева командование что-то замышляет. Ничего, пусть эти лежебоки после Бельгии и Франции пошухают настоящего пороху, — обер-ефрейтор кисло ухмыльнулся, и его красивое лицо стало злым и ненавидящим.

— Да, пришлось нашему брату здорово хлебнуть в этой проклятой России. В сорок первом здесь, за Львовом, я получил свое первое боевое крещение. Русские и тогда дрались за каждый верстовой столб...

— Теперь вот опять за Львовом, только с обратной стороны, — обер-ефрейтор ждал, какое впечатление производят эти слова на попутчика, но тот молчал.

Обер-ефрейтор приподнялся на локтях:

— Будем знакомы. Меня зовут Густав Норде. Водитель тягача из сто двадцать третьего артиллерийского полка.

— Адольф Гофен, — представился фельдфебель, подавая новому знакомому руку.

Норде пристально взглянул на тонкие, длинные пальцы фельдфебеля и переспросил:

— Адольф Гофен? Вы не из Дрездена?

— Да, я уроженец Вайсенкирша¹. А вы?

— Я, герр фельдфебель, — раздельно произнес Норде, что-то обдумывая, — тоже вырос в этом районе. — Он сделал паузу и странно покосился на правую кисть Гофена: — И имел честь хорошо знать...

Норде не договорил — к его шее взметнулись цепкие руки фельдфебеля, большие пальцы впились по обе стороны кадыка. Лицо обер-ефрейтора побагровело, голова откинулась назад.

Гофен бесшумно опустил бездыханное тело на сено, прижался ухом к его груди. Мертв...

Не отрывая глаз от кабины, Гофен подполз к заднему борту. Водитель и его помощник ничего не слышали. Гру-

¹ Один из районов Дрездена.

зовик по-прежнему разрезал тяжелый предгрозовый воздух. «Скорость, по-видимому, шестьдесят километров в час», — решил фельдфебель.

С востока быстро наплывала березовая роща. И как раз перед нею шоссе круто сворачивало вправо. «Опнелъ» значительно снизил скорость. Воспользовавшись этим, Гофен ловко скользнул за борт. Приземлился он удачно, по инерции пробежал несколько метров и скрылся в роще.

* * *

В просторной риге на западной окраине села Козубцы собралась почти вся разведрота. Усталый, с черными обводинами под глазами, старший сержант Владимир Сорокин пытался отделаться несколькими скупыми фразами. Но поиск во многом был поучительным, и даже чуткий лейтенант Добриченко не сжалился.

— Разведгруппа будет отдыхать целую неделю, — расщедрился он. — Поэтому, братец-ленинградец, не хитри.

Вездесущий ординарец ротного Баймуратов дружелюбно протянул Сорокину флягу с холодным какао:

— Маленько подкрепись. Пей хоть до дна, только расскажи.

— Излагай, мэгобари¹! — Чернющая правая бровь Имедадзе наискосок пересекла весь лоб — коснулась шевелюры. — Больно слог у тебя хорош. После войны, кацо, будешь академиком!

Пророчество Имедадзе было поддержано добрым смехом. На бледных щеках Сорокина выступил едва заметный румянец. Старший сержант глотнул из фляги и сказал:

— Линию фронта мы преодолели без особых осложнений. До самого Львова пробирались лесом. Ночью идем, днем отлеживаемся в кустарниках. Надо заметить, у фрицев режим тоже оказался точно таким же. Двадцатую тап-

¹ Мэгобари — друг (груз.).

ковую и триста четвертую дивизии особого назначения они перебрасывали как раз ночью. Мы, конечно, все засекли и подсчитали. В телефонную связь подключились, любопытную перебранку двух генералов гитлеровских подслушали. Прямо скажу: не те у них речи, что в сорок первом. Знает кошка, чье сало съела... Потом наш старший, Виталий Сербиненко, предложил: «Давайте, хлопцы, прощупаем фрица до самых печенок. Заодно первыми на советскую государственную границу выйдем. Это сразу за Судовой Вишней...» Кто же откажется от такого соблазна? Даже несмышленому салаге и то известно, что разведку надо вести на возможно большую глубину. Согласовали по радио с «Восьмым», передали все собранные сведения... Начальник разведки благословил. Ну, значит, — вперед на запад! Ночью в лесу под Великим Любеком паткнулись на какое-то крупное соединение. Шли, можно сказать, по спящим фрицам... Кто? Откуда? С какими целями? Аллах их знает... Только перед самым рассветом немецких артиллеристов едва не всполошили. Хорошо, часовой как сонная ворона, а то не миновать бы осечки... И опять те же три вопроса открыты... Хочешь не хочешь, а если обстановка не прояснится, надо «языка» брать.

— Это за сколько же километров от фронта? — полюбопытствовал дотошный Пушкарь.

— Километров пятьдесят наберется. Вопросы попрошу задавать в конце... Сделали привал в лесу, у дороги на Судовую Вишню. Все комарика дают, а Савченко наш сон охраняет. Глядит — по обочине шоссе бредет фриц. Прихрамывает. В руке — дорожный саквояжик. Сразу видно: либо из отпуска, либо из госпиталя тылового возвращается. И в том, и в другом случае немца никто разыскивать не станет. И ни в каких списках он не числится... Скрутили. Отвели в сторонку, допрашивать стали. Разговорчивый такой — о семье, о родном Дрездене все рассказал. Недоволен порядками: полтора года тому назад

мизинец на правой руке миной отчекрыжило, теперь в легких два осколка засели, а все на фронт гонят. Вспомнил, что до Перемышля его подвезли артиллеристы из сто двадцать седьмого гаубичного полка — это те, у которых эмблемой служат скрещенные мечи. А мы эмблему эту в лесу на рассвете видели, когда часовой чуть алярм не поднял... Поведал еще нам, что до ранения служил ротным фельдфебелем в семнадцатой дивизии.

— А дальше? — не выдержал ротный воспитанник Алеша Маленко.

Сорокин приобнял мальчугана.

— Сейчас услышишь... В конце допроса откуда ни возьмись две эскадрильи наших Пе-2 появились. Развернулись — и в пике. Прямо на нас! Ну, думаю, заскок у соколов какой-то, не иначе. Кто же мог знать, что за дорогой в двухстах метрах фрицевские склады горючего? Эх и сабантуй грянул! Правда, это когда со стороны наблюдаешь... А если сам под своими бомбами оказался — тут уже больше на плач бабий похоже... Мы-то пичего, уцелели, а вот «языку» осколок бомбы в голову угодил. Забрали из его саквояжика чистое белье, запасные китель и брюки. Накрыли фрица трофейной плащ-палаткой.

— Тоже мне гуманисты! — фыркнул Яремчук.

— Помолчи ты, праведник! — сперва Ломтиков повысил голос, но, встретясь взглядом с Добриченко, виновато поник.

Лейтенант кашлянул и велел Сорокину продолжать рассказ дальше.

— Тогда-то как раз и возникла идея: воспользоваться документами и обмундированием покойного Гофса. Как известно, в аспирантуре немецкий я штудировал обстоятельно, даже диссертацию по-немецки задумал написать... А в зольдбухе фотографии Гофена не было. Вот и «воскрес» фельдфебель... Путешествие по вражеским тылам было весьма полезным. Разумеется, пичего общего с прогулкой по Невскому или по улице Горького... Неважно

себя чувствуешь, особенно если встречаешься с патрулями. Четыре раза останавливали, ироды... Но, как видите, обошлось... Когда педантичные фрицы любезно указали мне самую короткую дорогу в семнадцатую дивизию, я для отвода глаз поначалу направился туда, а спустя десять минут — в противоположную сторону. Чтобы побольше высмотреть. Вот таким макаром «добирался» и в пятьдесят первый пехотный полк, и в сто двадцать седьмой артиллерийский... Короче говоря, побродил так, что ноги словно чугуном налились. Пришлось проситься на машину. Все окончилось бы мирно, да обер-ефрейтор Норде «земляком» оказался. Когда он стал присматриваться к моей правой руке, я вспомнил, что у настоящего Адольфа Гофена недоставало мизинца. Да и во внешности фриц, конечно, разницу подметил. Нетрудно было догадаться, что фортуна поворачивается ко мне спиной... Остальное было делом инициативы. — Сорокин вздохнул и умолк...

ПО ВЫЗОВУ

В чаще ельника лапчатые ветви переплелись, как колтун в волосах, а между ними еще гнездились тут и там клубочки темени. Сержант Пушкарь спросонок долго всматривался в предрассветный мрак. Разглядев наконец едва заметную фигуру часового, он спросил:

— Тишь и божья благодать?

— Порядок, — ответил Яремчук и насупился. — Денек предстоит веселый...

— Выше голову! Ценнейшие сведения добыли...

— Добыть добыли, а какой от них прок, ежели передать «Астре» не можем, — Яремчук снял пилотку, тряпул рыжеватым чубом. — Больно далеко до своих. Радия не достанет...

Около мшистого пня под плащ-палаткой кто-то шевельнулся.

— Чего спозаранку митингуете? — раздался низкий, не унывающий пикогда баритон Сорокина.

— Что и говорить, забот и на «студебеккере» не увезешь, — сострил Пушкарь, переобувая сапоги. — Узнали о противнике многое, подсчитали вражеские пушки, танки, бронетранспортеры. А откуда и куда прет немец столько техники? Эмблемы-то все новые. Нужен «язык» — хоть умри.

— Так ты же прихотлив, как капризная невесточка, — упрекнул товарища Сорокин. — Связист — мало знает. Ездовой — мелюзга. Регулировщик — опасно, будут искать.

— Совершенно верно. Нужен «язык» с изюминкой. Уж если рисковать, так знать, ради чего.

— Слушай, Пушкарь. У меня мелькнула идея. Вчера, когда Горяев пытался по радиции связаться с «Астрой», какой-то «Рейн» сообщал «Шпрее», что к пей в ближайшие два дня нагрянет инспектор верховного командования сухопутных войск генерал Блик. Судя по слышимости, «Шпрее» находится где-то близко. Смекаешь?

— Пока нет.

— Давайте по радиосвязи сообщим туда, на «Шпрее», чтобы сегодня, допустим, к десяти часам выслали офицера для встречи инспектора.

«Ну что ж, — размышлял Пушкарь, — могут клюнуть...»

— Не уверен?! — Сорокин вскинул крутую черную бровь. — Дерзость — это уже половина победы!

— Не обижайся, — Пушкарь озабоченно смотрел в небо. — Речь тебя не подведет. С точки зрения вермахтовских правил и понятий — тоже все нормально. А что, если радисты на «Шпрее» различают по голосу всех, сидящих на «Рейне»? К тому же инспектор может прибыть с усиленной охраной.

— В любом случае мы ничего не теряем, — возразил Сорокин. — Если пеувязка, в лес — и на восток.

— Добро, — Пушкарь ударил пилоткой по ладони. — Где, по-твоему, следует назначить место встречи, чтобы сподручнее было схватить?..

— На западной опушке леса, у развилки дорог...

— Не мешало бы еще разок все взвесить, обдумать... — Пушкарь помолчал и добавил: — Впрочем, пусть Горяев развернет рацию.

* * *

Своей давней привычке — после утреннего кофе совершать небольшую прогулку — генерал-майор Фруге не изменял даже во время жарких боев. Теперь, когда линия фронта на время стабилизировалась, а наступление русских, как полагал Фруге, застопорилось, не было никакого резона сразу же после завтрака корпеть в душном штабе. Да еще в таком дыму, где не только топор, а тягач артиллерийский повис бы...

Среди генералов группы армий «Центр» Фруге по праву считали лучшим знатоком и любителем ботаники. После войны он мечтал поселиться в округе Эрфурт, на берегах реки Хельме, чтобы разводить и выращивать там, в Золотой Равнине, на «Гольдене Ауэ» чудо-лимонник, доселе росший разве что только на Дальнем Востоке, и еще женьшень. Ничего не скажешь: интересное и полезное занятие, а главное — можно неплохо на этом заработать...

В кустах бересклета Фруге заметил толстый, похожий на коричневый палец, росток сосны, усеянный нежно-зелеными иглами. Постепенно корочка ростка посветлеет, цвет ее станет напоминать цвет липового меда, иголки выпрямятся, и вот уже вместо одного светло-желтого пальца — целая пятерня...

Фруге с наслаждением вдохнул терпковатый запах весенней листвы и быстро зашагал к дому. У крыльца к нему подбежал синеглазый, исполнительный гауптман Ширвиндт — офицер из оперативного отдела.

— Герр генерал! В семь часов двадцать минут получена радиграмма. «Рейн» сообщил, что генерал-инспектор Блик намерен в первую очередь посетить именно нашу

дивизию и потому просит встретить его на развилке дорог, у опушки леса Башмак.

— Встретим как подобает. Прикажете гауптману Воху от моего имени. Пусть возьмет с собой автоматчика и выезжает на любой автомашине. Много людей брать не совету: инспектора и без того хорошо охраняют...

— Яволь, герр генерал.

* * *

У развилки «оппель-адмирал» мягко затормозил. Из машины выскочил шустрый обер-ефрейтор, поправил автомат и отворил переднюю дверцу. Гауптман Вох ступил на шоссе, расправил полы отлично сшитого мундира, достал сигарету.

Обер-ефрейтор услужливо щелкнул зажигалкой.

— Превосходная вещичка, — заметил гауптман и глянул на часы. — В нашем распоряжении еще девять минут. Пойдемте, Штрекке, погуляем в лесу. Вы ведь тоже из Тюрингии?

— Яволь, герр гауптман. Однако... Тут могут быть партизаны! — с опаской выпалил Штрекке.

— Какие партизаны? — Вох презрительно покосился на солдата. — Ведь это последние километры украинской территории, точнее, бывшая советско-польская граница. Здесь стык между украинскими и польскими партизанами. А стык, Штрекке, самое безопасное место. У русских Иван всегда кивает на Петра...

На всякий случай гауптман расстегнул кобуру, перескочил через кювет и вошел в лес. Штрекке неохотно поплелся за ним.

В глубине леса черный дрозд трижды меланхолически спросил: «За-а-а-чем жить?» По-видимому, ни гауптман, ни ефрейтор не знали, что эта птица кричит лишь тогда, когда поблизости есть люди. А возможно, сочли, что птицу встревожило их появление...

Шофер вылез из машины, поднял капот. Вероятно, ему понадобился какой-то инструмент, потому что немец открыл багажник, достал пластмассовую коробку с ключами. Из орешника донеслось едва различимое шуршание, треснула сломанная ветка. Шум сразу же утих, и водитель опять беспечно склонился над мотором. Исправив неполадку, он глянул на часы: до десяти оставалось двадцать четыре секунды. Вот-вот появится инспекторская машина. Где же гауптман и автоматчик? Шофер тронул клаксон. Вдали трижды откликнулось слабеющее эхо. Прислушался — тишина. Он засигналил громче, но из лесу никто не появлялся. Ничего не понимая, водитель глянул направо, налево — вдоль шоссе. Со стороны Баранува показалась легковая машина. Шофер побежал навстречу, размахивая руками и крича. Открытый черный «хорьх» командира 31-го пехотного корпуса даже не остановился. Шофером овладела полная растерянность. Он вернулся к «оппель-адмиралу», сигнализировал еще и еще, а эхо волнами катилось по лесу и замирало вдали. Зная крутой нрав генерала Фруге, возвращаться в дивизию без гауптмана и автоматчика водитель не решался. А здесь оставаться — боязно...

* * *

Метров четыреста связанных по рукам и ногам немцев тащили на себе. Двигались быстро, бесшумно. Замыкавший группу Сорокин следил, чтобы не осталось никаких следов: примятая трава, незаметно оторвавшаяся пуговица, оставленный на сучке кусочек материи, окурок, вдавленные или сдвинутые с места камешки могли выдать всю группу.

На крохотной полянке, окруженной зарослями папоротника, сделали минутный привал.

— Напрасно шофера не убрали! — сожалел Пушкарь. — В лес искать однопольчан он, конечно, не пойдет... Побойтся... Но в штабе тревогу поднимет, дай боже!

— А по-моему, все обошлось как по заказу. Фрицы сами в лес пришли. Скрутили их без стрельбы. К чему фейерверк? Я вот сейчас пару слов гауптману скажу... Чтоб не шумел... — Сорокин шагнул к пленным, опустился на корточки возле офицера и произнес по-немецки: — Герр гауптман, вы отлично понимаете, что в такой обстановке вражеских «языков» уничтожают. Короче говоря, ваша жизнь — в ваших руках. Залог — благоразумие и правдивость. Ноги вам развяжут. Идите быстро и — ни звука. Понятно?

В глазах гауптмана злость сменилась страхом, страх — надеждой.

Пленных развязали, помогли им подняться, и вся группа двинулась на восток.

Разведчики не могли знать, что штаб дивизии, пазванный кодом «Шпрее», в 12.00 связался с «Рейном» и сообщил: генерал-инспектор Блик до сих пор не появлялся, а офицер и автоматчик, высланные встретить его, исчезли. Выяснилось, что сегодня инспектор и не собирался приезжать в дивизию. Разъяренный генерал Фруге велел арестовать дежурного офицера-связиста и немедленно поднять по тревоге роту автоматчиков с овчарками.

...День клонился к вечеру, когда разведчики сразу с трех сторон слышали отдаленный собачий лай.

— Псов пустили, гады! Хорошо, что болота начинаются. На карте они обозначены непроходимыми. Но лесник говорил, что есть потайная тропка. У двух сухих осин берет начало. Не они ли это? — Сорокин указал на два полуогнивших на корню дерева.

— Сейчас погляжу! — Подняв с земли длинную, крепкую палку, Сомов побежал к осинам.

Через минуту сибиряк позвал:

— Сюда! За мною — строго след в след...

Пушкарь с тревогой глянул на него:

— Уверен?

— Порядок! Не мог же дед обмануть: у него два сыпа в армии. До островка с километр будет.

Впереди расстился зеленый ковер векового мха, ежегодно гниющего и вырастающего на своем перегное. Как бы спасаясь от предательской топи, навстречу людям брели одинокие ольхи и сосенки.

Шест Сомов погрузился в зыбкий торфяник, под ногами сибиряка зачавкало бурое месиво, и он пошел, раскачиваясь, как на пружинящем батуте. За Сомовым двинулся Пушкарь. Потом — гауптман Вох и Штрекке. Немцев подгонял Сорокин. Замыкали группу Горяев и Яремчук.

Над болотом висело удушье. В ноздри ударял терпкий запах гниющих водорослей и торфа. Каждый шаг давался с большим трудом: отяжелевшие ноги приходилось буквально выдергивать из студенистой засасывающей дрыгвы.

Казалось, трясина дышит, то тут, то там вспучивались огромные бурые пузыри и быстро лопались.

А ноги погружались все глубже, вязкая жижа цеплялась за бедра, и Сомов раздвигал ее своим телом.

От страха гауптману Воху почудилось, что тропка ускользнула куда-то в сторону, и он беспомощно повис над невидимой бездной. Немец дико вскрикнул и потерял сознание. Его успел подхватить Пушкарь.

— Эх, едрен корень, — пробормотал сержант. — Эта гпиль и пог не держит, и плыть не дает...

— Крепись, братва, — оглянулся Сомов. — Видите среди мшаника кочки? Значит, дно попрочнее будет.

И действительно, вскоре почва стала повышаться, началось редколесье.

— Вот это бросок, — переведя дух, заметил Пушкарь. — Сутки придется одежду выкручивать!

— Ничего, — пробасил Сомов. — Зато отсюда не только овчаркам, но и самому Гиммлеру можешь два кукиша поднести. Зыбуны-то вроде наших, сибирских.

Поминая добрым словом лесника, разведчики ступили на твердую землю.

Сорокин облегченно вздохнул:

— От развилки той кругом-бегом километров двадцать отмахали. Теперь наша рация снова в строю.

— Достанем, — кивнул Пушкарь, — только сперва немцев допросим.

Гауптман сразу назвал свое имя, фамилию, должность, рассказал о личном составе и вооружении дивизии.

— Танковая дивизия с эмблемой «шлемы в лаврах» прибыла из Африки, — сообщил он. — Пехотная дивизия, солдаты которой пользуются английскимп флягами, — из Франции. Танковая дивизия СС переброшена из Югославии. В нашем штабе говорили, что создана новая группа армий. Но конкретно о ней я не знаю ничего.

— Теперь, — повеселел Пушкарь, — можно и «Астре» доложить. Работай, Горяев!

...Морзянка умолкла. Радист Горяев снял наушники и захлеб застрочил:

— Наступление начнется завтра, то есть на двое суток раньше. Поэтому «Астра» велела нам оставаться здесь, а после того, как наши танки войдут в прорыв, сесть противнику на хвост. «Хозяин» доволен, всех обнимает и приказывает хорошеенько отдохнуть.

ДАЛЬНИЙ РЕЙД

Иссиня-черная туча, смахивающая очертаниями на австралийский материк, залегла над передним краем. Ее насквозь пронизала молния и вмиг рассыпалась веером синих зигзагов. Где-то высоко с грохотом перевернулся огромный ковш — сплошная звенящая завеса дождя загрохотала немецкие траншеи, приземистые холмики дзотов, проволочные заграждения, минные поля...

Дождь быстро переметнулся на другую сторону. Окопчик стало заливать водой.

— Пошли отсюда, пока не промокли совсем! — забеспокоился майор Воронов.

— Подождем. — Добриченко из-под капюшона глянул на небо. — Ливень скоро пройдет. Авось что-либо и прояснится... Интересно, как немцы пережили омовение...

Лейтенант, приблизив к глазам бинокль, долго смотрел в одну точку, потом радостно позвал:

— Полюбуйтесь и вы, товарищ майор!

Воронов взял бинокль.

Зампирированную ложбину между двумя высотками пересекали провололочные заграждения в шесть рядов. Под колючей проволокой, на самом дне котловины, бурлил и пенился весенний поток. Он ширился на глазах, размывая удобный лаз.

* * *

Ночью разведгруппа во главе с лейтенантом Добриченко воспользовалась этим лазом.

Первую линию обороны разведчики миновали один за другим, стараясь не потерять из виду впотьмах широкую спину Сомова, посланного в головной дозор. Последним шел Иванчук; он старательно «заметал» следы. Сегодня ему досталось много хлопот: разведчики пересекали узенькие полоски истоптанной ржи, низкорослого ячменя, реденького проса. Иванчук поднимал наклонившиеся стебли, печально гладил руками колосья. На его родной Киевщине пшеница плескалась сплошным золотым океаном — глазом не окинешь... А здесь — жалкие полоски... На полтора года пришла на обездоленные земли Западной Украины желанная свобода. Только распрямились спины, исполосованные панскими кнутами, как в июне сорок первого года грянула новая беда, ободрала и разорила и без того бедного крестьянина, вернула к нищете — к узеньким полоскам, походившим на глубокие рубцы на теле украинской земли... «Ничего, — подумал Иванчук. — Пройдут тракторы, глубоко распахнем эти полосы, и зашумит здесь

не карликовый ячмень, а колосистые густые поля высоко-сортной пшеницы».

За вспаханным полем начинался луг. Кое-где из травы выглядывали гнилые пни, а вокруг них — редкая поросль ольшаника. Кусты ивняка спускались вниз; стала попадаться заросшая осокой топь. Зачавкала под погами вода: группа приближалась к небольшой речке. Сомов притаился за кустом, рассматривая что-то в темноте. Группа остановилась. Не усмотрев никакой опасности, сибиряк отыскал в траве длинную палку и стал замерять глубину речушки. Пока он исследовал дно, Сорокин разбежался и одним махом перелетел на другой берег. За ним — остальные разведчики.

Вдали, слева, замелькали синие точки: фашисты на грузовиках подбрасывали что-то по шоссе к переднему краю. Добриченко провожал взглядом автоколонну до тех пор, пока огни подфарников не исчезли за пригорком.

Разведчики прошли прибрежный луг, редкий кустарник и добрались до леса. Лейтенант мысленно представил карту, быстро определил местонахождение группы и приказал двигаться на северо-запад. Где-то там, в конце маршрута, у Большого леса приютилась маленькая станция, которая очень интересовала штаб армии.

...Весь следующий день разведчики провели в наблюдениях за этой станцией, привокзальными постройками и шоссе. Удобно устроившись в густых зарослях леса, разведчики видели, как с самого утра вокруг военного эшелона бегали гитлеровцы. Они разгрузили двенадцать орудий, столько же тягачей, двадцать минометов. Артиллерию и тягачи кое-как замаскировали в лесу за переездом. Возможно, техника должна была дожидаться особого распоряжения, а быть может, гитлеровцы просто не рискнули передвигаться днем.

Очень аккуратно снимали фашисты с платформ зеленые ребристые «сундуки». Около сотни этих загадочных «сундуков» нашли место под брезентовым навесом.

Затем пожилой железнодорожник отцепил два вагона в конце эшелона. Брюхатый немецкий паровоз, сорвав голос, тоненько пискнул и дернул состав. Порожняк отгромыхал колесами на стрелках и скрылся за семафором.

Возле вагонов с техникой снова засуетились солдаты. Толстый фельдфебель что-то прокричал. Из сторожевой будки выбежало около десяти давно не бритых, хмурых мужчин. «Бандеровцы», — сообразил Добриченко. Впервые он видел их так близко. С собачьей преданностью козыряли они каждому невзрачному фашистику, бережно носили карабины и за пакгаузом грузили их на подводы. Потом бандиты направились на Печеновку...

Ценные сведения собрал Сорокин, обнаружив в лесу небольшой, тщательно замаскированный полигон. Подслушав разговор двух офицеров, сержант понял, что через полчаса фашисты начнут проводить испытание нового реактивного оружия. Сорокин осмелился подползти близко к забору. В одной из досок он выковырнул сучок. Через отверстие разведчик разглядел, как из светло-кофейной трубки вырвалось жаркое пламя синего цвета. Шипящий снаряд, мотнув огненным хвостом, пробил восьмисантиметровую броню, как картон.

— Раздобыть такой снаряд можно? — нетерпеливо спросил лейтенант.

— Полигон охраняет рота автоматчиков. Десять пулеметов. Электрическая сигнализация...

«Итак, — сделал вывод Добриченко, — засекреченная зондеркоманда испытывает новое вооружение во фронтовых условиях и, кроме того, снабжает винтовками бандеровцев. Задержаться бы здесь еще хоть на сутки. Это небезопасно». Он полез в карман за папиросой, но портсигар, вырезанный из корня груши, оказался пустым.

Ротный толкнул Сорокина под локоть:

— Дай табачок, сержант! Говорят, чужой крепче...

— Какой же он чужой? Прислал дед Чуйкова. Как спирт! — Разведчик передал командиру кисет и сложенную в гармошку газету.

Добриченко оторвал ровный прямоугольничек, скрутил козью ножку и с наслаждением затаился.

— Назад тронемся до наступления сумерек. Надо лес осмотреть.

Описав полукруг, в центре которого осталась станция, разведчики взяли курс на юг. Группу по-прежнему вел Сомов. Он пробирался сквозь чащу легко и уверенно, словно тут родился и вырос. И в самом деле, этот участок леса напоминал ему родную сибирскую тайгу. Сомкнутые вершины сосен и лохматых елей не пропускали свет, и люди двигались в зеленом полумраке. Черная земля пахла плесенью, подгнившей хвоей, влажным мхом. Иногда ноги натыкались на скользкие замшелые валуны. И вдруг под сапогами захлюпало болото.

Сомов остановился и, подождав лейтенанта, вопросительно посмотрел на него.

— Бери левее. — Добриченко пальцем сбил с плеча мокрицу. — Северная опушка леса, наверное, более интересна.

Сомов посмотрел на компас и свернул влево. Местность постепенно подымалась, стало сухо. Заросли отступили. Вышли на поляну, окруженную кустами шиповника. В высокой траве то тут, то там валялись выветренные плитки торфа.

Лейтенант поднял одну из них и стал внимательно рассматривать. Тем временем Сомов пересек поляну и поманил пальцем командира к себе. В лес вела просека, на которой возвышались две кучи торфа и опрокинутая вагонетка.

— Где-то неподалеку должна быть узкоколейка, — шепотом произнес Сомов.

Добриченко согласился.

Догадки подтвердились: за сто метров от просеки разведчики увидели однолинейное полотно. Лейтенант потрогал добротные, хорошо просмоленные шпалы:

— Ну вот и танкистам угодили. Пройдут, как на параде. Продвинемся еще на север. Теперь будьте осторожны: каждый ствол опасен.

И ротный не ошибся. Трижды разведгруппа пыталась достичь северной опушки леса и трижды возвращалась обратно: всюду было много солдат. По-видимому, гитлеровское командование перебрасывало на фронт новые соединения.

К вечеру разведчики остановились у лесного ручейка.

— Товарищ лейтенант, — прошептал Сорокин, — может, задержимся на денек, выясним обстановку?

— Нет, — категорически возразил Добриченко. — Наши сведения уже ждут в штабе армии. Кроме того, днем здесь очень легко засыпаться: лес кишит немчурой.

Сорокин, облизав обветренные губы, зачерпнул немного воды.

— Как лед... Немного выше — родник. Прополощу рот!

За Сорокиным поплелся Сомов.

Лейтенант переобулся, мысленно прикинул обратный маршрут, а разведчики все еще не возвращались. «Как дети! — рассердился Добриченко. — Дорвались к воде, полошут рты...»

В темноте треснул сухой хворост. «Это, наверное, Сорокин отяжелел после водопоя... Ног поднять не может! — возмутился лейтенант. — Вот всыплю ему чертей!»

Из тьмы выплыл плечистый Сомов. За ним кто-то пезнакомый лениво топтал валежник. Добриченко, прищурясь, рассмотрел гитлеровский мундир. Немец?! Сорокин — он шел третьим — шепотом доложил:

— Пил...

— Скорей отсюда! — оборвал его лейтенант.

Вдали уже потрескивал валежник: перепуганный голос звал Пауля.

...Допрашивали «языка» в зарослях кустарника, за узкоколейкой.

— Отвечайте тихо, — предупредил Добриченко. — Как вы попали в плен?

Сорокин вынул кляп. С опаской поглядывая на огромного Сомова, немец залепетал:

— Герр офицер, на ужин нам дали селедку. После соленого захотелось пить, а фляга пустая. Слышу: вблизи журчит ручеек. Бояться нечего: под каждым деревом свои. Дай, думаю, наберу свежей воды... Стал на колени... Здесь меня и схватили, заткнули рот. Этот герр офицер, — пленный вежливо взглянул на Сорокина, — любезно подерживал меня за локоть...

— Тогда продолжайте разговаривать с ним, а я послушаю. — Добриченко устало сел на кучу шпал.

— Ваша фамилия? — спросил у немца Сорокин.

— Пауль Шифф.

— Год рождения?

— Одна тысяча девятьсот двадцать седьмой.

— Войсковая часть?

— Девятнадцатая мотодивизия, сорок шестой полк.

— Когда и откуда прибыли?

— Позавчера. Из Саарской области.

— Много войсковых частей в лесу?

— Военных здесь много. Техники более чем достаточно: орудия, самоходки, танки... Кажется, восьмая танковая дивизия.

Пугливый взгляд немца все время перепрыгивал с Сорокина на Добриченко. По-видимому, пленный пытался установить, кто из них выше по званию.

А когда после вопроса Сорокин вопросительно посмотрел на командира роты, немец все понял. Какое-то мгновение он стоял живым мертвецом, потом, жадно проглотив воздух, быстро-быстро заговорил, обращаясь к лейтенанту:

— Герр офицер, я не боюсь смерти... Нас у родителей

было трое. Старшего брата, Густава, казнили в берлинской тюрьме, Плетцензее... Средний погиб под Севастополем... Я — последний. Мать не переживет...

За годы войны Добриченко видел около двухсот «языков». Это были разные люди — нахальные и лстивые, смелые и трусливые, умные и глупые, циничные подлецы и одураченные работяги. Разговаривая с ними, лейтенант научился почти безошибочно отличать, где правда, а где ложь. В словах пленного была правда. Лейтенант знал, кого бросали в подземелье самой ужасной тюрьмы рейха... В руках Добриченко была судьба третьего сына фрау Шифф, и ротный колебался...

Наконец лейтенант поднял голову:

— Вы, Пауль Шифф, верно оцениваете только свое положение и совсем не считаетесь с нашим. Если бы в ваши когти попал кто-нибудь из нас? Что бы вы сделали?

Рука лейтенанта вывела на животе немца крест.

— Но вы же — советские! — «Язык» дважды повторил последнее слово, как будто сознавал, что сейчас только оно возымеет силу.

— Да, мы — советские! — с гордостью подтвердил лейтенант. — Мы предоставим вам, Пауль Шифф, возможность доказать, что вы не из подонков.

— Я буду жить? Герр офицер, вы говорите правду?

— Правду. — Добриченко повернулся к пленному спиной, давая понять, что разговор окончен. — Верни ему кляп, Сомов! И возьми шефство, ясно?

Лейтенант «погадал» на звездах, дал знак двигаться. Группа вытянулась в цепочку. Добриченко постоял немного, прислушиваясь к лесным звукам, и догнал Сорокина:

— Передай, чтоб шли вдоль узкоколейки...

За несколько метров от восточной опушки леса узкоколейка оборвалась. По-видимому, ее намеревались или продолжить, или отремонтировать, потому что вокруг лежали шпалы, груды щебня, ржавые рельсы.

Между деревьями время от времени вспыхивали немецкие ракеты. За холмом лениво стучал крупнокалиберный пулемет.

Движением руки Добриченко остановил группу, внимательно посмотрел на «языка». Шифф, словно защищаясь от смерти, качнулся.

— Вы, кажется, не из пугливых, — насмешливо прошептал лейтенант по-немецки. — Сейчас вам развяжут руки. Делайте все, что прикажут. Это — фронт. Спасая вас, мы рискуем собственной жизнью...

Возвращаться из тыла врага всегда труднее, чем переходить линию фронта, отправляясь на боевое задание. Остался па сучке, пенке или колючей проволоке кусочек материи от маскировочного костюма, кто-то не замаскировал окурки или па рассеянности бросил спичку на лесную просеку, оставил па влажной земле след сапога — и наблюдательный враг, который умеет хорошо ориентироваться и анализировать мелочи, легко поймет, что в тылу орудут советские разведчики.

Тут же по радио передадут сигналы зондиртревоги, и целые отряды станут прочесывать лес автоматными очередями, будут рваться с поводков овчарки, притаятся всюду «секреты» и засады, на переднем крае удвоят посты... Для разведгруппы, действия которой сковывает «язык» со свободными руками и ногами, опасность увеличивается втрое.

Короткими перебежками разведгруппа миновала курстарник, проползла открытую местность и замерла под пригорком. Добриченко и Сорокин подпрыгнули па склон, поросший терновыми кустами. Отсюда уже близко к немецкой траншее. Из-за вышки взлетела ракета. Слепяще-холодный фонарик повис над передним краем.

— Вот это номер! — Сорокин показал па проход, который так хорошо послужил разведчикам.

Возле проволочного заграждения ротный увидел четыре серо-зеленые фигуры. Трое фашистов лежали в во-

ронке, четвертый устанавливал ручной пулемет. Наверное, вчера гитлеровцы заметили лаз под заграждением и устроили засаду. Разведгруппа попала в ловушку...

Сорокин заметил, как изменилось лицо лейтенанта: глаза сузились, стали совсем маленькими, морщины над переносицей углубились. Опершись подбородком на кулак, Добриченко неотрывно наблюдал за немцами.

— Беда, — вырвалось у Сорокина.

— Они ожидают наших с нейтральной, — спокойно заметил Добриченко. — А мы — у них в тылу. Сообразил?

— Но их четверо! Если не спят, только чудо...

— Возьми троих разведчиков и действуй, только без шума. Я буду наготове.

— Слушаюсь! — Сорокин скатился в долину.

Добриченко еще раз окинул взглядом траншею. Слева ударил трассирующими пулями пулемет. Его поддержал другой — с соседней высоты. Сократились интервалы между вспышками ракет. Неужели фашисты что-то заподозрили?

Секундная стрелка на часах завершила девятый круг. «Где же ребята? — забеспокоился ротный. — Каждая секунда дорога. Пора бы переползти им холм...»

Сзади тихо зашелестела трава. «Это Сомов «языка» переправляет поближе, — сообразил Добриченко. — Правильно, пускай и немец осмыслит». Лейтенант посмотрел вправо, поднял руку.

Теперь все взгляды были прикованы к четырем фигурам, которые ползли по дну ложбины. «Слишком медленно — до утра не доползут...»

В зарослях конского щавеля голосисто застрекотал сверчок. Пулеметчик шевельнулся. Солдат стало восемь человек. Что за оказия?.. Нет, это просто устали глаза, двоится...

Рядом с гитлеровцами замерли четыре разведчика. Добриченко и Сомов затаили дыхание.

Под кустом можжевельника взмахнула крылом сон-

ная птица. Горным обвалом прокатился этот звук над ложбиной. Конец? Нет, часовой возле пулемета еще ниже склонил голову: предательски страшен тяжелый предутренний сон!

Что это? Проснулся? Потягивается... Разводит руками... Хотя бы не оглянулся... Уже не успеет!..

Холодный блеск пожа...

Добриченко слышит за спиной всхлипывания и оглядывается. «Язык» обеими руками закрыл глаза.

Тишина.

Сорокин сигналил пилоткой: путь свободен!

Только сейчас лейтенант ощущает первый озноб...

СЕРЕЖКА С МАЛОЙ БРОННОЙ

Сначала начальник разведки майор Воронов хотел поручить это задание Сомову. Сибиряк Сомов отличался сметливостью, с двухсотметрового расстояния попадал в пятак, читал следы, как легкую книгу. Но Сомов при своем двухметровом росте был очень замечен.

Перебирая в памяти имена разведчиков, майор Воронов словно увидел перед собой по-мальчишески проворного ефрейтора Фролова. Сережа Фролов родился и вырос в Москве, родную Малую Бронную считал лучшей улицей мира, а подмосковные леса — царством охоты. Токарь Николай Иванович Фролов научил сына бить диких уток без промаха, потом стал брать парня на волков.

Разведчики любили Сережу за тихий, кроткий нрав. И хотя лейтенанта Добриченко иногда раздражала постоянная улыбка на лице Фролова, которая не исчезала в самых сложных ситуациях, он считал Сережу одним из лучших разведчиков дивизии.

— Товарищ гвардии майор, — послышалось на пороге, — ефрейтор Фролов готов выполнить любое задание.

— Это действительно так? — спросил майор, критиче-

ски осматривая щуплую фигуру в маскировочном костюме.

— Так точно!

— Тогда слушай внимательно. Ты помнишь, как погиб капитан Качур?

— Убит на правом берегу Донца. Пуля прошла сквозь левый глаз.

— А подполковник Шурдук?

— Также в левый глаз...

— А подполковник Богданов?

— Понял, товарищ гвардии майор: одип почерк... Речь идет о гитлеровском снайпере. Подстерегу!

— Не лезь под пулю. Фашист коварный и хитрый!

Гитлеровский снайпер в самом деле отличался удивительной находчивостью и наглостью. За селом Долгополье на Полтавщине разведчики пахли его логово в копне сена. Под Кременчугом фашист стрелял из-за убитой вздутой лошади. А на Правобережье, в Петровке, он устроил засаду прямо в печи сожженной хаты: вынул кирпич с тыльной стороны и устроился как дома. Враг приобрел себе репутацию неуловимого...

Майор пытливо посмотрел на Фролова.

— Тяжело тебе придется, Сережа. Возьми кого-нибудь на помощь. Лейтенант Добриченко разрешил.

— Командир роты предлагал мне.

— А ты?

— Одному безопаснее.

— Дело твое. Только чтоб гитлеровский снайпер через неделю был передо мной. Живой или мертвый. Хватит!

Воронов пожал Сереже руку и отпустил его. Потом от имени генерала Бакланова майор приказал всем командирам батальонов всячески помогать разведчику.

На следующий день с переднего края сообщили, что на рассвете вражеский снайпер убил капитана Лихачева. Разрывная пуля вошла в левый глаз... Начальник разведки немедленно позвонил Добриченко.

— Раззява твой Фролов! — в бессильной злобе произнес майор. — Где он сейчас?

— На переднем. — Голос командира роты показался дерзко спокойным.

— Даром хлеб народный едите!

— Товарищ гвардии майор, незаслуженная обида как ножевая рана: долго не заживает.

— Сейчас не до пустых разговоров. Усилить наблюдение! — Трубка телефонного аппарата умолкла.

Фролов подстерегал врага четвертые сутки. От переутомления голова раскалывалась: сказывалось постоянное нервное напряжение. Иногда Сережа брал в рот немного соли. Тошнота медленно отступала, потом снова подкатывалась к горлу. В воспаленных и мутных от бессонницы глазах расплывались красные круги. Однако разведчик продолжал упрямо метр за метром осматривать каждый кустик, каждый бугорок на местности. Особенно внимательно изучал Сережа разбросанные хатки безлюдного хутора Подляски.

Передохнув, Фролов перевел взгляд на небольшое кладбище. Шесть надгробных плит, семнадцать крестов, девяти гранитных памятников. Все на месте. Вот только крайний справа памятник темнее, чем был вчера. А может, это зрение его подводит? Сережа протер стекла бинокля и снова взглянул на памятник: тот и в самом деле был темнее. «Что это? — размышлял разведчик. — Освещение то же самое, дождя не было. И молоденькая поросль вокруг памятника какая-то удивительная: в природе листья постепенно уменьшаются кверху и книзу, а на этих побегах внизу они крупнее. Неужели он? Остроумно — забраться в могилу!»

Фролов еще раз проверил свои наблюдения. Сомнения не было: памятник бутафорский. Разведчик схватил карабин. Он внимательно всматривался в памятник час, второй, пятый... В глазах снова замелькали красные пятна,

а вокруг памятника по-прежнему никакого движения. Как раз в это время Сомов принес товарищу полный котелок лапши с жареной телячьей печенкой.

— С какой это стати Чурбаков ресторанные блюда готовит? — улыбнулся Сережа.

— Для тебя. Угощайся, — выдавил из себя неразговорчивый сибиряк.

— Слушай, Федотыч! Пока я малость подзаправлюсь, рассмотри эти ближайшие памятники, — попросил Фролов, вытягивая из-за голенища ложку.

Сомов молча припал к брустверу. С минуту он внимательно смотрел в одну точку, потом повернул голову и хитровато прищурил глаза:

— А этот твой памятник не стрелял?

— Нет.

— Надо было бы спровоцировать!

— Да я несколько раз выставлял на штыке старую генеральскую фуражку. Специально выпросил у комдива.

— Значит, разгадал. Вообще, Сережа, ты хоть на один глаз покимарь до вечера. Я не прозеваю, будь уверен!

— Спасибо, Федотыч! Но расквитаться с ним должен я.

— Ты ж едва на ногах держишься...

— Дождусь!

— Ну, удачи тебе, дружище!

Выбритый затылок Сомова исчез за углом окопа, а Сережа снова прислонился к брустверу.

Солнце медленно пряталось за горизонт. «Вот дьявол, — не выдержал Фролов, — еще один депь упустил!» Он хотел было вытянуть кисет и сразу окаменел: на памятнике чернело квадратное отверстие. Сереже показалось, что даже виден чей-то глаз. Фролов прижал к плечу карабин, нажал на крючок. Щель не закрылась.

«Попа!» — облегченно подумал разведчик и бессильно опустился на твердую почву. Смертельно хотелось спать, но еще нужно было доложить командиру роты, что зада-

ние выполнено. Едва передвигая тяжелые ноги, Фролов поплелся к связистам.

Добриченко сразу же позвонил начальнику разведки.

— Товарищ майор! Наконец стервецу каюк. — Лейтенант даже захлебнулся от радости.

— Поздравляю Фролова и вас лично. Обо всем подробно напишите в разведдонесении. А ночью я буду вместе с вашей ротой. Не возражаете?

Ночью готовилась разведка боем. Добриченко любил ночные бои. Разведчики часто углублялись в тылы противника, действовали там отважно и находчиво. Рота дважды громила штабы фашистских дивизий, и к начальнику разведки попадала ценная оперативная документация. И в этот раз Воронов рассчитывал добыть «оперативные» трофеи. Кроме того, не терпелось посмотреть на уничтоженного Фроловым снайпера, который причинил столько вреда.

Первый запов к артиллерийской подготовке сделали «катюши», в течение часа неистовствовала дальнобойная артиллерия. Снаряды один за другим паковали вражеские траншеи. Нервы гитлеровцев не выдержали. Полуприглушенные и ослепленные немцы беспорядочно выпрыгивали из окопов и, перегоняя друг друга, с диким криком мчались к опушке леса.

— Видите, как побежали тевтонцы генерала Фалька... Между прочим, я видел его вблизи, — похвастался Добриченко.

— Ну и какой он? — Майора Воронова разбирало любопытство.

— Во-о такой, — лейтенант смешно падул щеки, — брюхатый и круглый, как пивная кружка!

Вскоре наши орудия перенесли огонь в глубь гитлеровской обороны и что есть силы били уже по лесу. Иногда снаряды рвались на верхушках сосен — трескучая хвоя летела в небо тысячами искр. Издали это напоминало огромный фейерверк...

— Лейтенант Тряскин, действуйте! — приказал Добриченко и, посмотрев на перебежавших разведчиков, добавил: — Фрицевские огневые точки уничтожены. Попили!

На кладбище они присоединились к группе разведчиков, которые рассматривали перевернутый взрывной волной «памятник». Мастерски разрисованный фанерный макет напоминал срезанный копус. В крепкой фанере было несколько продолговатых прорезов и квадратных окошек для ствола винтовки.

— Хитро придумано! — заметил Добриченко и направился к разрытой могиле.

В вывороченной снарядам земле торчал приклад снайперской винтовки, иссеченной осколками на щепки. Кусочки, что расходились веером от рукоятки, смахивали на лепестки причудливого цветка. Мелкие песчинки покрыли ствол и оптический прицел.

Фролов вытащил из ямы мертвого унтер-офицера с продольной лысиной. При вспышках ракет она тускло поблескивала, а оскаленные желтые зубы напоминали зерна кукурузы.

В нагрудном кармане снайпера Сережа пашел солдатскую книжку на имя Вилли Штумпфа и потертый блокнот. В нем хранилось несколько любительских фотографий. На одной из них была залитая кровью женщина возле сожженной хаты. Рядом — улыбающийся Штумпф, наступивший па голову несчастной жертвы тяжелым сапогом. На обороте надпись: «Эта украинка несла партизанам воду».

Хмурый Добриченко быстро перелистал книжку, потер переносье:

— Бандит... Но у Штумпфа нет ни одной награды. А снайперов Гитлер отмечал щедро. Нет, Сережа, это не тот...

— Неужели?

— Жаль... Твоему фрицу дьявольски везет!

Разведка боем была успешной, перепуганные гитлеровцы отступали почти без сопротивления. Только из третьей траншеи фашисты попытались огрызнуться пулеметным огнем, но разведчики забросали гнездо гранатами.

Генерал Бакланов решил закрепить успех разведки и развить наступление. Этой ночью дивизия приблизилась к Висле еще на двадцать километров.

И фашисты, и наши войска оказались в одинаково невыгодном положении: местность ровная-преровная — ни кустика, ни бугорка. Только на нейтральной полосе серым привидением маячил подбитый фашистский танк. Немцы дважды старались оттянуть его в тыл, но с машиной, наоборот, случилось что-то непонятное.

К полудню Фролов принес на командный пункт разведдонесение и наспех набросанную Добриченко схему ориентиров. Сережа улыбался веселее, чем всегда.

— Какие новости? — поинтересовался Воронов.

— Чудесные, товарищ гвардии майор. Теперь фриц не убежит.

— Почему?

— Негде ему, прохвосту, прятаться: равнина голая, как барабан.

— Так и тебя же он рассмотрит хорошенько.

— Черта с два! — Разведчик загадочно подмигнул.

— Тогда в добрый путь!

О своем намерении Сережа рассказал Добриченко.

Командир роты одобрил замысел: удобнейшей засады, чем танк, не было, и фашист непременно воспользуется подбитой машиной. В любом случае Фролову следует застать в танк с вечера и ожидать «гостя» на месте.

— Я тоже так думал. — Сережа доверчиво посмотрел на лейтенанта.

— А если он совсем не придет? — потер переносицу Добриченко.

— Тогда я останусь там на день. Только стрелять буду, конечно, в немцев...

При других обстоятельствах Добриченко рассмеялся бы от такого «объяснения», но сейчас он промолчал.

— Ты бы поспал, — сокрушенно вздохнул Добриченко, отдавая Сереже свой пистолет. — Возьми на всякий случай. В тесноте с ним удобнее.

— Слушаюсь! — козырнул разведчик.

— Желаю удачи! — Лейтенант подсадил Фролова на бруствер. — Я буду ждать.

Пока Добриченко с помощью кода докладывал начальнику разведки об этих проводах, Фролов тихонечко подползал к молчаливому танку. За несколько метров от бронированного чудовища он распластался на земле, вытер со лба пот и уткнулся в тепло согнутого локтя. Прислушался: слышны были только звонкие удары собственного сердца. «Ишь как молотит. Неужели это страх?»

В небо протянулись хрупкие хвостики немецких ракет. Фролов подождал, пока угаснет их мертвый блеск, и стал взбираться на влажную броню. Неожиданно ему послышалось хриплое дыхание. Но встревожился он зря: это потрескивала раскаленная щедрым июльским солнцем краска. Успокоившись, разведчик осторожно взял за ручку откинутой крышки и заглянул в люк. Внутри танка было темно и тихо. Оттуда шел сладковатый запах запекшейся крови. Сережа еще раз прислушался, положил на броню карабин и полез в черную яму. Правая ступня коснулась чего-то мягкого. Фролов резко отдернул ее. Тело сразу стало невесомым, мелко-мелко задрожало правое веко. Разведчик, пересилив себя, опустил ногу немного в сторону и нащупал стальное днище. Несколько секунд он стоял неподвижно, потом на ощупь отыскал сиденье водителя и осторожно сел. Двигаться не осмелился: пемцы могли заминировать танк.

Темепь сгущалась. Даже осветительные ракеты не надолго прорывали сплошной мрак. В воздухе нависла густая духота, словно перед грозой. «Досада! Так и буду сидеть слепым кротом. Теперь сможет выручить только

слух... А что же это мягкое?» Сережа не хотел рисковать, но любопытство взяло верх — рука произвольно потянулась вперед. Мягкий предмет, что так напугал солдата, оказался сложенным матрацем. «Неужели это он подготовил? Хозяйственный. Ну ладно! Хватит подергиваться...» — успокоил себя Фролов и устроился так, чтоб удобнее было наблюдать за люками водителя и командира машины. Башенный люк его не беспокоил: с какой стати немец начнет взбираться на башню за двести метров от нашего боевого охранения?

Голова отяжелела, все меньше звуков улавливал слух. Прогоняя навязчивый сон, Фролов припоминал заученные когда-то стихи, больно кусал руку. Однако усталость слепила глаза. А ночь, как нарочно, не спешила. Она, изменивца, прислуживала фашистскому спайперу...

Гитлеровец залез на танк бесшумно. Когда он склонился над люком, из-за туч несмело выглянула лупа, и Фролов отчетливо увидел его грудь. От неожиданности у Сережи остановилось дыхание. Снайпер откинулся назад и спрыгнул на сиденье командира танка. Рукояткой пистолета Сережа ударил его по голове, потом подхватил бесчувственного немца и положил на матрац. Быстрым движением выдернул пояс из маскировочной рубашки, скрутил гитлеровцу руки и, разжав ему зубы, втиснул клип.

Сергей быстро наметил план действий. Он поставил немца на ноги, подпер его плечом, потом вытолкнул наверх. Подтянувшись на руках, разведчик оказался на лобовой броне, скользнул по покатоj плите на землю. Потом нацелил гитлеровцу на спину трофейную винтовку, собственный карабин, положил пленного на себя и пополз к своим.

Гитлеровец оказался значительно тяжелее, чем можно было предполагать. Он крепко прижимал разведчика к земле. Сережа вдоволь «наелся» травы и пыли. Немцы время от времени постреливали трассирующими пулями.

Шальные «мухи» жужжали совсем рядом. Но Фролов было безразлично: во-первых, фашисты стреляли наугад; во-вторых, пленный был надежным прикрытием.

Перед окопами нашего боевого охранения из-под земли донесся приглушенный голос:

— Стой! Пароль!

— Победа!

К Сереже бросились две тени.

— Клади его на плащ-палатку. Небось намучился. Крупный экземпляр, — бормотал тот самый голос, что запрашивал пароль. — Давай поможем разведчику.

Фролов охотно свалил свою ношу на постеленный брезент. Втроем они быстро дотянули пленного к основным окопам. Здесь их встретили Добриченко, Воронов, Спиридонов и Сомов. Сибиряк обыскал немца и отдал документы командиру роты.

— Ну и влепил ты ему здорово, Сергей! — удивился Спиридонов, выплескивая на лицо фашиста третью флягу. — Не иначе, как с перепугу!

Словно услышав едкую реплику Спиридонова, спайпер открыл один глаз. Фролов наклонился и вытянул кляп.

— Glauben sie mir...¹ Я не снайпер!

Лицо Добриченко перекосилось от злости.

— А это что? — Тонкий палец лейтенанта побежал между двумя строчками в солдатской книжке: офицеров -- 22, солдат — 76.

Гитлеровец упал на колени:

— Герр лейтенант, пощадите. У меня есть дети...

И тогда впервые за всю войну Добриченко изменила выдержка. Острый подбородок необычно задрожал, из груди лейтенанта вырвался стон и поднялся до падрывно высокой ноты:

— У него есть дети!.. А у этих девятина восьми, —

¹ Поверьте мне... (нем.)

ротный махнул снайперской книжкой, — не было?.. Не было детей?.. И матерей? И невест?

Добриченко закусил белую как мел нижнюю губу и хватил пистолет. Майор всем телом навалился на его руку:

— Павло, ты с ума сошел!

Лейтенант вырвал руку с такой силой, что Воронов отлетел метра на четыре. Добриченко шагнул к побледневшему гитлеровцу, но, овладев собой, остановился.

— Отправить в штаб, — уже вполне спокойно приказал лейтенант Сереже. — Пускай допрашивает его Соколин...

В тот же вечер майор Воронов написал письмо Сережиной матери. Хотелось рассказать ей о сыне, о том, что за мужество и отвагу он представлен к правительственной награде — ордену Красной Звезды.

Указ Президиума Верховного Совета СССР мы прочитали за Вислой. Но Сережи уже не было.

Он погиб на сандомирском плацдарме.

...Почти столетие охранял покой польского села Некрасов могучий вяз. Вершина его, правда, усохла, но крепкие плечи — могучие ветви — каждую весну покрывались пылыми листьями, давая живительную тень уставшим пешеходам. Той ночью дерево, охваченное пламенем, словно огромный факел, устремилось в небо. Подпрыгивающий огонь достигал свежих развалин католической каплицы. Там, опершись коленом на каменную плиту, стрелял и стрелял раненный во время переправы Фролов. Враги окружили бойца со всех сторон и постепенно сужали кольцо. Они подкрадывались без единого выстрела: ведь за живого советского разведчика генерал Фальк собственноручно выплачивал двадцать пять тысяч марок.

Сережа сознательно выпустил последнюю пулю: у него еще была противотанковая граната. Он повернулся лицом к развалинам, отодвинул предохранитель и спрятал руки за спину.

— Рус Иван, сдавайся! — горланили на разные голоса облаглевшие фрицы.

Фролов молчал. Возможно, он мысленно прощался со своей суетливо-нежной матерью... А может, увидел златокосую подмосковную березку. Кто знает?..

Гитлеровцы приближались боязливо, словно под ногами у них была коварная трясина. Кровавое пламя вяза бросало угрюмые тени на заостренные лица, на хищные улыбки. Десять метров, семь, пять...

— Берите! — Выдержув чеку, Сергей закрыл лицо рукой.

Но теперь беречь глаза ему не было нужды. Он опустил руку в то мгновение, когда рядом с догорающим вязом вспыхнул другой не менее мощный и яркий факел. Ослепительная огненная грива рванулась высоко-высоко вверх, словно хотела, чтоб маленькую фигуру разведчика было видно всему миру.

Боевые товарищи похоронили Сережу под старой вербой на самом берегу Вислы.

...Вот почему однополчане погибшего не могут нынче без слез слышать задушевной песни:

В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой
Сережка с Малой Бронной
И Витька — с Моховой...

ГОСТЬ ИЗ ЛЕСА

Между настороженными соснами размеренно вышагивал часовой. Выгоревшая на солнце гимнастерка туго стягивала богатырскую грудь, под рукавами топырились завидные мышцы. Широкая, как саперная лопата, рука застыла на автомате. Не верилось, что двухметровый великан может ступать так мягко, совсем неслышно: под тяжелыми сапогами не хрустнет ни одна сухая веточка.

Часовой остановился возле кустов репейника в мохнатых красных шапках и задумался...

Вот они, его побратимы-разведчики, спят, сваленные усталостью тяжелого ночного боя.

Словно казак у разбитой дороги, согревает спиной матушку-землю Федор Чуйков. Разбросав черный чуб, Щербаков улыбается: наверное, во сне видит свой портрет на областной Доске почета в родном Воронеже. Калачиком свернулся непоседливый Николай Спиридопов, только нос торчит из-под шинели...

Спят солдаты. Они умеют и спать и есть «про запас».

Иван Сомов (это он охранял сон разведчиков) прислушался: в роще что-то зашуршало. Солдаты разведроты шутя говорили, что сибирский охотник Сомов даже слышит, как растет трава... Часовой еще раз прислушался. Вдали под чьими-то осторожными шагами шелестела прошлогодняя хвоя.

— Стой! Кто идет? — разбудил разведчиков грозный окрик.

Сна как не бывало.

В кустах зазвенел детский голосок:

— Это я, прошу пана... Вацек.

Из зарослей орешника на опушку леса выпрыгнул худенький, в поношенной одежде мальчик лет одиннадцати, с большими синими глазами и копенкой пшеничных волос.

— Чего шатаешься среди военных? — нарочито неприятливо спросил Сомов, рассматривая пришельца.

— Это я, пшепрашем, к пану полковнику. — Мальчик растерянно развел руками. — Это я, Вацек Спихальский. Разыскиваю вашего самого большого начальника. Имею срочное дело...

Сомов показал глазами на командира роты. Мальчик посмотрел на тощую фигуру лейтенанта:

— Это не начальник: полковники толстые и на авто ездят.

— Правду говоришь, Вацек, — засмеялся Добриченко. — Я не полковник. Но мне можешь рассказать все. Садись.

Приветливый голос командира роты, наверное, понравился мальчику, и он охотно примостился рядом. Подошел Демьян Пилипенко — стройный, красивый парень. Он родился и вырос в Тернопольской области, хорошо знал польский язык и был переводчиком, когда лейтенанту приходилось разговаривать с местными жителями.

— Слушаю тебя, Вацек, — сказал Добриченко.

— Там, за лесом, есть маленькое село... Осаля Лесиско — знаете? С той стороны, от пемцев, начинается болото... Потом пригорок и большой овраг. В этом овраге спрятано много немецких танков. Может, сто штук... И часовые ходят...

— Когда ты это видел? — Добриченко вытянул из планшетки карту.

— Сегодня утром.

— А как перешел линию фронта?

— Да я ночью здесь каждый пенечек найду. Это — панские леса. Тато за ними присматривал. — Мальчик опустил глаза.

— А где же сейчас отец?

— Нету. Повесили немцы... А мама уже давно умерла от чахотки, — шмыгнул носом Вацек.

— С кем же ты живешь?

— С бабусею... В лесу... Сейчас малина есть... В селах полно немцев, могут застрелить.

— А ночью сможешь отыскать овраг?

— Конечно.

— Не испугаешься?

— Что вы!

— Хорошо, Вацек, иди с этим солдатом в землянку. — Лейтенант взял за локоть Сомова. — Он тебя накормит. Наверное, кишки давно марш играют?

— Да немного чего-нибудь поел бы...

— Ну вот и позавтракаете вдвоем, — улыбнулся Доб-

риченко. — Как только наступит вечер, двинетесь к пемчуре.

Возле входа в землянку мальчик остановился:

— А танки не убегут?

— Нет, — успокоил его Сомов, — пощелкаем их.

* * *

Над линией фронта изредка вспыхивали немецкие ракеты. Чтоб отвлечь внимание врага, артиллерийский дивизион капитана Терещенко открыл огонь по маленькому хуторку. А за три километра от хуторка на стыках батальонов метнулись в лес две тени.

Вацек вел Сомова напрямик. Около часа петляли они между стволами уснувших деревьев. В воздухе запахло мокрым лесом, ржавой водой и илом. На болоте протяжно кричала выпь. Время от времени трясина глухо вздыхала.

Лес поредел, и под ногами зачавкала вода. Шли осторожно, след в след.

Вдруг луч прожектора осветил крайние деревья.казалось, высокие сосны покачнулись и упали в проглотившее их болото. Тьма стала еще гуще.

Спереди на возвышенности надрывно скрипело расщепленное снарядом дерево. Под этим деревом они и остановились. Вацек показал рукой па белые клочья тумана, что клубились над большим оврагом. До боли в глазах всматривался Сомов в черные разводья и наконец заметил накрытые защитными сетками танки. Это были хваленые «королевские тигры». Сомов насчитал девяносто пять машин. На последнем танке сетки не было. Дальше он ничего не мог рассмотреть.

«Надо заглянуть в овраг с флапга», — подумал разведчик и знаком велел Вацеку ползти за ним.

Они углубились в лес, затем свернули влево. Голова Сомова в маскировочном уборе, похожая на приземистый куст, повисла над обрывом. Отсюда разведчик увидел до-

статочно глубокий овраг, по очертаниям напоминающий вытянутую флягу. На дне между ольховыми деревьями притаились танки. Сомов отыскал незамаскированную машину и от нее продолжил счет. Зрачки разведчика расширились: в овраге скопилось сорок танков. Он протер глаза и начал пересчитывать с конца...

К своим вернулись без приключений. Сомов ушел на наблюдательный пункт, а Вацек остался в землянке. На свежем сене под теплой шинелью мальчик быстро уснул. Сквозь сон Вацек услышал отдаленный грохот и перевернулся на другой бок. Это был не гром — ровно в три часа рывкнула наша дальнобойная артиллерия.

По небу волна за волной покатились смертоносные залпы, по другую сторону фронта в ложбине раздались взрывы. Пламя жадно пакинулось на танки, металось на броне длинными языками.

Вацек проснулся рано — вместе с солнцем, но в землянке уже пикого не было. Он выбежал наружу. Позолоченные утренними лучами, разведчики смешно размахивали руками и ногами, боролись, гоняли мяч. После физзарядки солдаты окружили мальчика.

— Добрый день! — поздоровался Вацек.

— Доброе утро! — за всех ответил Добриченко. — Ну как, хорошо отдохнул?

— Так, пане лейтенант. А когда будут стрелять орудия?

— Какие орудия? — удивился Добриченко.

— Те, что должны фашистов пощелкать.

— Эге, уже отстрелялись.

— Как же это — без меня?

— Ты же спал, а артиллеристам, Вацек, надо было немедленно открыть огонь. Чтоб фашисты не показали нам пятки... Понимаешь?

— А танки не удрали?

— Нет, не успели.

Мальчик постоял молча, покружился на одной ноге:

— Тогда уж я пойду, пане лейтенант...

— Куда, Вацек?

— В лес.

— Подожди немного. Вот освободим твоё село, и ты тогда, никого не опасаясь, пойдёшь домой.

— Нет, — деловито сказал Вацек, — бабуся ждёт меня, она ведь голодная...

Копенка волос запрокинулась, когда малыш посмотрел вверх на Сомова.

— Пшепрашем, — обратился он к разведчику, — мне очень нравится звездочка. Подарите, пане!

Сомов молча снял пилотку, отвинтил красную звездочку и протянул её Вацеку.

— Спасибо тебе, дружок! Обходи немцев десятой дорогой; сейчас они злые, — посоветовал Добриченко, протягивая мальчику плитку шоколада и кусок хлеба с колбасой. — Лесовику пригодится.

— Бардзо дзенькую, пане лейтенант. До видзенья!

Направляясь к лесу, Вацек несколько раз оглядывался и приветливо махал рукой.

* * *

Через два дня линия фронта отодвинулась на запад. Среди других польских сёл советские войска освободили и Осалю Лесиску. Сомову захотелось посмотреть на знакомый овраг.

— Товарищ гвардии лейтенант, — обратился он к командиру роты, — разрешите отлучиться на часок. Интересно, не промазали ли артиллеристы.

— Двигай. Только не задерживайся: одна нога здесь, другая — там!

Сомов шел быстро. Он много исходил, охотясь в сибирской глуши, и поэтому чудесно ориентировался в лесу. Безошибочно выбрался на едва заметную тропинку,

что вела к трясине. Земля под ногами начала понемногу прогибаться. Здесь пробирались они вместе с Вацеком той тревожной ночью. Вот и дерево изувеченное, скрипит себе... Вскоре и поворот...

Свернув вправо, Сомов посмотрел впереди себя и... замер. Прямо на тропинке лежал мальчуган с копейкой окровавленных пшеничных волос. Над правой бровью заpekлась пулевая рана. Рядом валялся растоптанный кусок хлеба. В руке Вацек что-то крепко зажал. Сомов разогнул холодные пальцы и увидел ярко светящуюся звездочку...

— Кто же тебя, такого маленького?.. — хрипло прошептал разведчик и посмотрел вокруг.

На влажной болотистой почве, как па пластилине, остались вмятины от подкованных фашистских сапог. Посредине правого задника четыре гвоздя загнаны крестом...

Следопыт Сомов как бы собственными глазами увидел то, что произошло. Убийца шел с переднего края. Вот там, под сосною, он остановился, закурил и выбросил пустую пачку из-под сигарет. Несколько минут фашист топтался на месте: три кучки пепла серели одна возле другой. Потом он пошел дальше. На повороте фриц замер: он заметил Вацека. Отсюда и раздался выстрел — из-под узорчатых листьев папоротника сверкала стреляная гильза...

От Вислы до Эльбы изучал Сомов следы подкованных вражеских сапог. Почти ежедневно появлялись на прикладе его карабина мстительные засечки. Но разведчик так и не нашел детоубийцу...

БУДЕТ ЖИТЬ

В искромсанных вражеским огнем августовских сумерках саперы павели понтоны через Вислу. И хотя пикирующие бомбардировщики «Юнкерс-87» дважды разру-

шали переправу, за ночь на левом берегу великой польской реки все-таки укрепились наша пехота и несколько десятков артиллерийских батарей.

Всю ночь мокрые, уставшие солдаты упорно долбили ломами твердый верхний слой известняка, рыли окопы. К рассвету бойцы оборудовали на высоте 225,7 наблюдательный пункт командующему артиллерией корпуса. Пока саперы стелили надежное перекрытие из толстых бревен, полковник Дубов настойчиво спрашивал по телефону у своих подчиненных, сколько переправлено «огурцов» — так полушифрованно назывались снаряды. Сведения поступали безотрадные: полковник частенько ругался и твердо обещал с кого-то «снять штаны».

К Дубову неслышно подошел солдат. Из-под крутого, нависшего лба глядели веселые глаза.

— Товарищ полковник, — доложил он, — по приказу командира роты разведки сержант Пушкарь прибыл в ваше распоряжение.

— Хорошо! Устраивайся как дома, — сказал полковник и склонился над топографической картой.

Не успел Пушкарь установить стереотрубу, как за немцкой обороной прокатился глухой гром, над головами просвистел одинокий снаряд. Потом в сером небе завывли, зашуршали стальные болванки. Это было начало вражеской артподготовки. Фашистская артиллерия в течение часа методически долбила высоту и близлежащие окопы. Казалось, взрывы ухают и клокочут уже где-то глубоко, в земной толще. Один из снарядов, выбросив огненный куст рядом с наблюдательным пунктом, разнес радиостанцию, убил радиста.

Когда артподготовка кончилась, Дубов спросил у разведчика:

— Ну как там, парень? Шевелятся арийцы?

— Сюда идут две танковые колонны. Расстояние — пять километров. — Пушкарь освободил полковнику место возле стереотрубы.

Занимался рассвет. Сквозь утреннюю пелену тумана Дубов увидел недалеко от запрятанного в садах Щеглина завесу рыжей пыли. Он медленно повернул стереотрубу направо: такая же туча расстилалась над селом Хшанув. Западный порывистый ветер доносил на высоту тяжелый гул моторов. Фашистские танки двумя дорогами двигались на городок Пацанув.

— Разверни-ка, парень, запасную рацию. Добриче-ко говорил, что ты мастер на все руки. Сможешь? Правильно. Молодец! А теперь свяжись с «Камой» и спроси, что там видно.

Начальник разведки артиллерийского противотанкового полка — «Кама» — доложил: противник перешел в наступление, бросив в бой сто пятьдесят танков и два полка пехоты. Как стало потом известно, именно в этот день начальник генерального штаба сухопутных войск Гейнц Гудериан, надрезав блестящим лезвием палец левой руки, собственной кровью подписал приказ: «Немедленно ликвидировать висленский плацдарм русских и развернуть решительное контрнаступление группой армий».

Дубов хорошо знал, что переправившаяся ночью паша артиллерия, имея только по четыре-пять снарядов на орудие, конечно же, не сможет остановить вражескую танковую армаду.

— Капитан, — обратился он к своему помощнику Яременко, — садись на «доджа» и мчись к переправе. Скажи, что вся надежда на дальнобойную да на авиацию. Запомни-най местность, будешь корректировать огонь.

— А как вы, товарищ полковник?

— Здесь остаюсь. Хватит — набегался в сорок первом да в сорок втором!

— Товарищ полковник, без вас не поеду. Не имею права, понимаете?..

— Все понимаю! Если я погибну, так честно. Сам виноват, не сумел вовремя доставить боеприпасы. Иди!

Капитан сделал несколько шагов, оглянулся, хотел что-

то сказать. Но Дубов сердито махнул рукой, и Яременко побежал к замаскированной автомашине.

— И ты уходи, парень! — посмотрел полковник на Пушкаря. — Мне не поможешь, а погибать... рановато еще...

Разведчик поправил пилотку и сказал, что без приказа командира роты он отсюда не уйдет.

Дубов молча поднес к глазам свой, испытанный в боях морской бинокль. Гитлеровские танки уже подползали к нашим батареям, выдвинутым на прямую наводку. Орудия молчали.

Когда танковые колонны, выстроившись римской цифрой пять, развернулись для атаки, из-за туч на них бросилось девять горбатых штурмовиков. Три заходами «илы» подожгли одиннадцать танков. Удар был настолько неожиданным, что фашистские танки беспорядочно расползлись в разные стороны. У штурмовиков кончились боеприпасы — вся «девятка» одновременно сделала правый разворот и на бреющем полете пошла на свой аэродром.

Танки с черными крестами на броне оправились, припяти боевой порядок и, потянув за собой длинные хвосты пыли, снова мчались к высоте. На южном склоне они прошли трехсотметровую отметку. Артиллеристы все еще не открывали огонь: решили преждевременно не демаскировать себя, стрелять наверняка. «А вдруг...» — Дубову стало страшно даже подумать, что бойцы орудийных расчетов растерялись и сейчас побегут. Полковник снова схватил бинокль. Почти одновременно рванулись и откатились назад длинные стволы левофланговой батареи. Все три снаряда накрыли цель. Один «тигр» загорелся сразу, как коробок со спичками. На втором пылала плоская башня, и от машины потянулась в небо дымовая завеса. Третий танк завертелся на месте и, сбросив перебитую снарядом гусеницу, остановился. Из него выскочили четыре танкиста и кинулись наутек.

Грохот боя нарастал. Наша артиллерия стреляла отлично: тридцать фашистских танков дымились на склонах. Колочий ветер гнал на высоту едкий дым.

И все же силы были неравные... Гитлеровцы поняли, что у защитников маловато снарядов, и обнаглели. Два «тигра», отделившись от основной группы, двинулись на противотанковые орудия, что заняли огневую позицию вправо от редкого кустарника. Закованные в броню чудовища вырастали с каждым метром. Мощные моторы ревели совсем близко. Из «тигров» время от времени, словно змеиное жало, высовывались длинные языки синеватого пламени и, жадно лизнув длинный снаряд, прятались в разинутых оружейных пастьях.

Пушкарь казалось, что ствол танкового орудия направлен прямо на него, и разведчик невольно съежился... Пятьсот... четыреста... триста метров... «Ну!» — крикнул Пушкарь, и в это мгновение наводчик потянул за шнур. Передний танк вспыхнул, как будто его облили бензином.

Второй «тигр» остановился, его пушка хищно смотрела круглым черным глазом. Когда туча, поднятая взрывом, рассеялась, наше орудие осиротело... Стальной хищник, сверкнув траками, пополз к наблюдательному пункту.

Дубов смахнул рукавом слезу. Рассердившись, он бросил помятую фуражку в блиндаж, зажал зубами угасшую сигарку. Рука потянулась к нише, в которой сохранились бутылки с зажигательной смесью.

— Ты, парень, напугай арийцев противотанковой гранатой. А я подкину им огня!

Взгляд Пушкаря перескочил с бутылки на противотанковую гранату: прищурившись, он как бы оценивал их уничтожающую силу. Надвинув пилотку почти на уши, разведчик, согнувшись, побежал траншеей навстречу танку... В одном из ее изгибов он широко размахнулся и бросил гранату. Едва успел он упасть, как дно траншеи вздрогнуло, пилотку сорвало с головы. Пушкарь вскочил на ноги и увидел распоротое брюхо пылающего чудовища.

На земле, стараясь сбить прицепившееся пламя, катались вражеские танкисты. Дубов трижды выстрелил, затем положил пистолет на бруствер и выпнул серебряный портсигар с конской подковой на крышке.

— Как тебя зовут, парень? — спросил командующий артиллерией, угощая разведчика сигаркой.

— Александр Пушкарь.

— Знаменитое имя. И фамилия артиллерийская... Из орудия стрелять приходилось? Нет? Считай, что приходишь, — кивнул полковник в сторону умолкшего орудия. — Дадим фрицам по смотровым щелям. За мной!

Дубов выскочил из траншеи и быстро побежал. На его голове задорно подпрыгивал седой вихор. Пушкарь бросился вдогонку. В артиллерийском окопе они оказались одновременно. Запыхавшийся полковник присел на корточки, перевел дыхание:

— Погибших бойцов, Саша, перенеси в блиндаж... Чтоб не радовалось это собачье отродье, чтоб не издевались.

Тем временем на высоту хлынула новая волпа фашистских тапков. К наблюдательному пункту устремились четыре «тигра». На каждом из них красовалась своеобразная эмблема: оскаленная клыкастая морда тигра под скрещенными дубовыми ветвями.

— Смотри, породистые твари, — непослушными губами улыбнулся Дубов.

Приближающийся грохот постепенно переходил в неистовый рев. Земля под ногами задрожала.

— Танков четыре, а снарядов только три... Давай-ка, парень, вон ту чушку, — кивнул Дубов на снаряд с острой бронебойной головкой.

Пушкарь протер тряпкой гильзу, зарядил орудие. Он посмотрел на затвор так, словно за ним спряталась его оставшаяся жизнь.

Мощно, резко, до боли в ушах, прогремел выстрел. Башню с танка смело, как крошку со стола. Из нее со звоном посыпались снаряды боекомплекта...

Орудие жадно проглотило второй снаряд. Кончик ствола медленно двигался впереди вражеского танка. Полковник выждал, когда «тигр» с дубовыми ветками на бортовой броне, объезжая подбитого собрата, неосмотрительно подставил бок, и потянул за шнур...

Со слепой злобой рванулся на смельчаков третий танк. Последний снаряд пронизал его лобовую броню.

Четвертое чудовище двинулось на незащищенное орудие...

— В ров! — выдавил из себя Дубов и через бруствер, выложенный дерном, скатился в окоп.

Пушкарь — за ним...

— Ну, вот и все! — Полковник вытер руки, неуклюже обнял Пушкаря и по-отцовски расцеловал его.

Саша прикоснулся щекой к седому виску. У него перехватило дух.

Взрыв закрыл пламенем весь мир — далекий лес, задымленное небо, огромное стальное чудовище на обгоревшем склоне.

— Это наша дальнобойная! — радостно выкрикнул Дубов, падая вместе с Пушкарем на устланное соломой дно окопа.

Сверху тоненькими струйками посыпалась земля. И вдруг всю высоту накрыл раскатистый грохот, как будто огненное солнце взорвалось и залило землю расплавленным свинцом. Высота беспомощно застонала, задрожала, словно в лихорадке. В окопчик что-то свалилось. Саша почувствовал тупой удар, и его проглотила удушливая темнота. В ушах все время звенело, дышать становилось все труднее. Разведчик хотел расстегнуть воротник, но руки были бессильны...

* * *

Страшный огненный шквал прокатился над высотой 225,7. Он сжег траву, разнес блиндажи, вырыл глубокие воронки. Взрывная волна разметала танковые башни, орудийные стволы, рваные гусеницы. Изувеченные трупы в

серо-зеленой форме валялись везде: то поодиночке, скорченные в самых невероятных позах, то целыми кучами.

Разведчики, переправившиеся сразу после артналета, раскопали заваленный землей и щепками блиндаж копающего, вытащили оттуда исковерканный телефонный аппарат, помпую фуражку полковника. Людей в блиндаже не было.

— Вообще мы напрасно здесь возимся. Кто бы это полез в нору и ждал, пока его возьмут голыми руками? — усомнился старший сержант Сорокин.

— Везде поищем. В бою всякое бывает. Продолжать поиски! — приказал Добриченко, вылезая из котлована.

Он отряхнулся, погрузил лопату в мягкий холмик. Под заступом что-то звякнуло. Лейтенант копнул еще, разгреб землю и поднял автомат. Это было оружие Пушкаря: на прикладе хозяйственная рука старшины Татьянина вывела масляной краской зеленый кружочек.

На губах Павла расплылась соленая капля. Не оборачиваясь, лейтенант передал найденный автомат Сомову, а сам пошел дальше — к продырявленному «тигру». Подкалиберный снаряд прошел боковую броню и взорвался в середине танка. Командир роты посмотрел в том направлении, откуда был произведен выстрел. За сотню метров от подбитого «тигра» из земли торчал длинный ствол нашего орудия.

В укрытии орудийного расчета лейтенант увидел трех мертвых артиллеристов. Рядом с укрытием зияла огромная воронка. По ее краю прошел фашистский танк. Его правая гусеница почти полностью завалила длинный окоп. Лейтенант задумчиво опустил на насыпь, закурил. Он затынулся так глубоко, что горькие крохи табака попали на язык. «Из рта горечь можно выплюнуть, а куда девать ее из души? Сколько ребят похоронил за войну, а все еще не могу примириться... Наверное, человек никогда не привыкнет к смерти...» Он нахмурился и вдруг заметил, что в одном месте поздраватый известняк зашеве-

лился. Показалась грязная рука, затем манжет защитного цвета. Став на колени, Павел принялся быстро разгребать землю. Вскоре высунулась вторая рука. Головы не было видно. Добриченко пригоршнями выбирал землю. Сначала показались темные редкие волосы, затем — массивный лоб и черно-фиолетовые веки, знакомый острый нос. Голова, склоненная на грудь, при малейшем прикосновении вздрагивала.

Разведчики осторожно положили Пушкаря на плащ-палатку, Добриченко пемного оттянул на его груди гимнастерку; от воротника полоснул по пей ножом. Лейтенант внимательно осмотрел запавшую грудь, живот, потом усадил бойца, похлопал его по спине. Ран не было видно: Пушкаря просто завалило землей, и он потерял сознание от удущья.

— Там... еще... — раскрыл Пушкарь синие губы и снова потерял сознание.

— Сомов, немедленно гони сюда первую попавшуюся машину! А вы, ребята, копайте скорей! — приказал Добриченко и склонился над Пушкарем.

Дубова быстро откопали. Полчаса разведчики растащили занемевшее его тело, делали искусственное дыхание. Наконец полковник дважды чихнул и раскрыл глаза.

— А-а, Добриченко, — сказал он так, словно никого другого и не собирался увидеть, — а мы здесь с твоим солдатом хорошо воевали. В одном расчете. И с того света, выходит, вместе вернулись... Как он там?

— Будет жить!

— Славный парень! Орден заслужил. Давай закурим, ротный, раз уж повезло...

БУДНИ

Майор Воронов развернул карту необычно — западной рамкой к себе — и, языком передвинув папиросу из одного уголка рта в другой, взглянул на обнаруженные разведгруппой огневые точки.

— Сведения ценные, — заключил он. — И преимущество «языков» соблюдена.

— Какая преимущество? — не понял я.

— Сейчас разьясню. — Воронов положил окуроч в пельницу. — Этак мы скоро всех Бушей из вермахта переловим. На Волге Сербиненко подстерег ефрейтора Буша, под Воронежем Пушкарь приволок обер-ефрейтора с такой же фамилией. А твоя группа фельдфебеля организовала... И ранги растут, и немцы становятся более разговорчивыми. — Воронов подошел к окну, свернул в рулон черную плотную бумагу. — Ну вот, братец мой, уже и светает... Говоришь, ребята уснули? Иди и ты, отдохни как следует.

— Слушаюсь, товарищ майор.

— Чтоб никто не беспокоил, закройся в сарае.

— Нет, лучше на свежем воздухе.

* * *

За сараем высится копна сена. С тепеовой стороны я устроил уютную нишу, снял лапти и с наслаждением потяпнулся. Что может быть приятнее сна на свежем душистом сене!

Но уснул не сразу. Видимо, сказывалось нервное напряжение. Рейд был не из легких — пришлось убрать двух немецких часовых, долго бродить по вражеским тылам. Там, за передним краем, командир разведывательной группы не имеет права проявлять волнение, растерянность, не говоря уже о страхе. Таишь это в себе, пока не вернешься...

Вокруг — золотая осень. Прозрачный, палящий на сухой полыни воздух чуть горчит. Метров за двести от копны перелпвается желтым, багряным и зелеповатым пламенем лес. Направо, в овраге, рдеет красными кистями калина. Удивительно: ветра нет, а грозди качаются. Наверное, воробьи лакомятся ягодами. В безоблачном небе спешат за Вислу косяки гусей. Отсюда до передовой толь-

ко пять километров, а война лишь изредка напоминает о себе ленивым грохотом, но совсем не пугает пернатых кочевников.

Глаза слипаются — так хорошо, так тепло и уютно...

Вдруг из-за сарая послышался топот. «Строевым!» — командует Спиридонов. Топот усиливается, становится четче, а после резкого «Стой!» — исчезает.

— Вольно... Садитесь на траву, — разрешает Спиридонов.

— На сене мягче, — отзывается чей-то незнакомый голос.

— Будем работать здесь, — категорически говорит Спиридонов, — потому что людей сентиментальных сено всегда тянет на воспоминания. А нам, разведчикам, нечего жнизя бояться... Ну хорошо! Чтоб не повторять общеизвестного, установим такой порядок: вы спрашиваете — я отвечаю. Кое-что расскажет нам и сержант Сербиненко. Начнем!

«Это Спиридонов будет учить уму-разуму новичков». И спать хочется, и на новое пополнение взглянуть подмывает... Выглядываю из своего логовища. Новички расположились полукругом, Спиридонов сидит на футляре изпод стереотрубы.

— Сколько времени будем заниматься? Фамилия моя — Дамаканов. Однако из чукчей мы, — поднимается низкорослый солдат. Вместо глаз — узкие щелочки, в них сверкают две живые дробинки.

— Сидите, Дамаканов. До тех пор пока будем в обороне — ежедневно, в течение трех недель. Ну, а тонкости нашей работы постигнете в деле. Романтика романтикой, а каторжного труда у разведчиков хоть отбавляй... Бурлаков, сколько вы сделали попыток, прежде чем научились бесшумно преодолевать полосу сухого хвоста? — спрашивает Спиридонов совсем юного солдата.

На щеках Бурлакова выступает стыдливый румянец. Новичок молчит. Вместо него отвечает бойкий боец в чи-

стой, но уже не однажды штопанной на локтях гимнастерке (видать, «попахал» землишку):

— Ефрейтор Сомов гонял его восемнадцать раз.

— В свое время мне везло меньше, — добродушно признается Спиридонов. — Или валежник был более трескучим.

Бледный, немного сутулый брюнет робко поднимает руку:

— А мои успехи товарищ Сомов оценил весьма необычно: стоило мне невольно поднять мягкое место, как мой наставник припечатал его кулаком к земле... Мне, студенту, такая методика, откровенно говоря, показалась дикой.

— Значит, студент... Ну что ж, в нашей роте уже есть студенты, даже аспирант — старший сержант Сорокин. Ему тоже от Сомова на орехи доставалось. Так вот, с педагогической точки зрения Сомов, возможно, сбился с азимута. А с точки зрения гуманистической, на мой взгляд, правильно действовал: о вас же заботился!.. Помню, полтора года тому назад пришел к нам боец, по фамилии Сохатов. Такой уж герой — не подходи! Сомов учил его ползать, а он корчил из себя черт знает кого и место, что ниже спины приходится, на полметра от земли возносил. Помучился с ним Сомов и плюнул. А чем все кончилось? На следующую ночь немецкий снайпер всадил Сохатову разрывную пулю. В то самое место... Понятно?

— Вы, товарищ сержант, изложите нам самую соль: что, значит, в разведке самое главное. Чтоб, значит, сразу быка за рога... — басит немолодой уже ефрейтор с медалью «За отвагу».

Спиридонову нравится такая деловитость.

— Вопрос сложный, задачи военной разведки можно разделить на две группы: разведка противника и разведка местности. Самым важным считаю два момента: постоянное наблюдение за противником, особенно за его главными силами, и обязательное правило — никогда не

повторять одних и тех же приемов во время поиска. Ну, конечно, непрерывность: разведку ведут днем и ночью, летом и зимой, при любых условиях, в любую погоду. Всеми возможными средствами и способами. И еще одно: в тесном взаимодействии с артиллерией и саперами.

— Разреши, Николай, мне кое-что уточнить, — вмешивается Сербиненко. — Чтоб своевременно получать важные сведения о враге, разведку следует вести сразу на большую глубину. И еще хочу сказать: мы, разведчики, должны хорошо знать военную технику врага, уметь пользоваться его оружием.

— Вчера, — подхватывает аккуратный, тщательно выбритый солдат, — как только привели нас из штаба дивизии, сержант Пушкарь рассказывал о фашистских минах. Интересно, очень занятно! Особенно о минах-сюрпризах — всякие «портсигары», «часы», «зажигалки»... Но говорю со всей ответственностью, что Пушкарь чрезмерно увлекается смекалкой гитлеровских минеров. Об одной мине он прямо так и сказал: «С большим умом придумано!» Не к лицу нам, советским людям, восхвалять врага, преклоняться перед ним!

Сербиненко ммурит брови, но отвечает сдержанно:

— Рассуждаете вы не совсем правильно... А о сержанте Пушкаре говорите просто глупости. С ним я защищал Днепр, Днп, потом вместе возвращались назад... Пришли вот сюда — на Вислу. И дальше пойдем, не сомневаюсь! А враг... враг значительно умнее и изобретательнее, чем кое-кто и до сих пор считает. И то, что мы громили и продолжаем громить не плакатных глупцов, не юродивых и бездарей, а могучую, отлично вооруженную армию, делает честь нам, а не им... — Сербиненко недружелюбно посмотрел на приглаженного бойца и скрутил козыю пожку.

— Верно, — подтвердил Спиридонов, перелистывая свой блокнотик. — У кого еще будут вопросы?

— Разрешите? Рядовой Чмыськ. О враге — все понят-

но. А для чего разведывать местность? Взял карту — и все видно...

— Где вы воевали, Чмисык?

— Нигде... Я впервые...

— Тогда прощаю. Карта не всегда дает точное представление о местности. Наши ребята помнят, как в районе Михайловки прорывал немецкую оборону танковый корпус. За передним краем две бригады этого корпуса вскочили, как черт в вершу, на неразведанную заболоченную местность, которая, конечно, не была обозначена на карте. Из восьмидесяти танков тридцать четыре застряли, став хорошей мишенью для гитлеровской артиллерии... А совсем недавно, уже на территории Польши, произошел такой курьез. На карте, вблизи Барапува, значилось кладбище, а осмотрели местность — его и в помине нет. Мы сюда, мы туда — чистенькое поле. Щербаков тогда спрашивает у местной крестьянки: «Где кладбище?» Она сказала, что фашисты еще в сорок первом сровняли с землей могилы: собирались полевой аэродром строить. Вот вам и карта!

Круглолицый боец спрашивает с места:

— Рядовой Хмелько. Наблюдение днем я себе представляю. А вот что увидишь ночью? Темень темень...

— Не секрет, что разведке чаще всего приходится действовать ночью, и поэтому важно уметь ориентироваться. В темноте можно много чего заметить. На фоне неба контуры отдельного дота видны на расстоянии до четырехсот метров. Танк, автомашину, опушку леса можно увидеть с расстояния двухсот метров даже в осеннюю ночь. Отблеск артиллерийского выстрела достигает пятнадцати, а вспышки пулеметов — двух километров. Огонек сигарки — и то видно за полкилометра.

Ночью разведчику очень помогает слух. Например, сержант Щербаков по звуку определяет, где находится орудие — на опушке леса, посреди площади или между строениями... А Грицота один раз сам себя превзошел.

Подходит ко мне и говорит: «Против нас новая немецкая дивизия. На рассвете появилась». «Не может быть, — возражаю. — Пулеметы стреляли из тех же самых гнезд. С прежних позиций ведут огонь пушки». «А манера стрельбы, — говорит Грицюта, — совсем другая!» Прислушиваюсь — так точно, прав Грицюта! Теперь разрешите, я у вас кое-что спрошу...

«Черта лысого уснешь! — подумал я и стал обувать лапти. — Пойду-ка лучше в лес!» Тихоцько, чтоб не привлекать внимание, оставил я копну сена.

В лесу пахло сухими листьями, муравейниками, грибами, смолой. На стволах трепетали солпечные отблески. Я выбрал сухую поляну, что густо поросла папоротником, внимательно осмотрел ее. Для такого тщательного изучения были причины: ежегодно в двадцатых числах сентября леса средних широт кишат змеями, ужами и другими пресмыкающимися, которые на зиму прячутся под землю.

Неприятных соседей вблизи не оказалось. Сбросив маскировочную рубашку, я прикрыл ею голову и накопел ушул.

Не помню, долго ли я спал. Проснулся от резкой боли в правом плече. И ноги что-то тяжелое придавило. Дернулся, раскрыл глаза — двое повичков вяжут мне руки за спиной, третий — поперек пог лежит. А под елью, держась за живот, хохочет Тряскип. Аж слезы из глаз текут!

— Ты что? — кричу. — Совсем спятил?!

— Извини! — вытряхивает оп из себя и спова начинает хохотать: — Ха-ха-ха, го-го, ха-ха!..

Как хочется дать ему по загривку, но при подчиненных неудобно.

Тряскип дружелюбно помогает мне подняться.

— Здесь, Саша, недоразумение небольшое, — он переходит на шепот. — Извини, пожалуйста, сейчас я все объясню!

Направляемся к низине. Когда-то тут была топь, те-

перь вода высохла, но земля под ногами прогибается. Тряскин показывает следы от лаптей. Как будто и мои, но я, кажется, обходил низину справа.

— Теперь посмотри сюда, — говорит Тряскин. — Здесь он стоял, отсюда и выстрелил дважды. Мы нашли две гильзы от автомата. В кого он стрелял? Гляди! — Тряскин показывает на сучковатую сосну.

Под деревом, словно просмоленный узловатый канат, скрутилось туловище большой змеи. На прошлогодней хвое вижу оторванную пулями гадкую голову.

— Скажи на милость, — говорит Тряскин, — кто из нашей роты может попасть в змеиную шею с тридцати метров? Только Сомов! Логично? Вот мы и пошли по следу, чтобы убедиться. Но на сухой местности следы исчезли. Слышим — в кустах кто-то сладко храпит. Ну, кажется, наш сибиряк уснул. Пускай, думаю, новички разомнутся, попробуют свою силу. А ты, как нарочно, завернулся в маскрубашку — поди узнай в зарослях... Ну, скажи на милость, откуда мне знать, что это ты, а не Федотыч? А ребятам надо же на ком-то тренироваться...

* * *

В комнате, которая служила Воронову кабинетом, сплошной табачный дым. Хоть топор вешай. Майор внимательно выслушал наши соображения и, сделав выводы, подписал разведдонесение. Закуриваем по последней и выходим на крыльцо.

В глубине сада толпятся и ветераны и новички. Даже Туркин и Савченко оставили посреди двора самодельные шахматы. Слышно:

— Здравия желаем, курортник!

— Сколько лет, сколько зим!

— Ого, какое брюхо наел!

— Что случилось, Сорокин? — с крыльца спрашивает Воронов. — Неужели Ломтиков?

— Так точно, товарищ майор!

Толпа расступилась, и осупувшийся, уставший после долгой дороги Ломтиков, забыв всякие дисциплинарные условности, бросается на шею начальника разведки. Новички не знают, что Ломтиков вынес полуживого Воронова из вражеского окружения. Семнадцать километров...

— Ну хватит, хватит, — еле слышно ворчит расчувствовавшийся Воронов. — Все в порядке?

— Врачи говорили, что в тыл спишут. А вышло не поихнему!

— Садись, Василий! — майор подвигает Ломтикову стул. — И вы, товарищи, устраивайтесь поудобнее. Послушаем, что там, на земле родной...

— Разрешите закурить, товарищ майор? А то я немпого не того...

— Дыми и рассказывай.

Ломтиков закуривает, счастливо улыбается.

— Что ни говори, а земля наша вся свободна. Так-да... В Кисеве поезд два часа стоял, и я па Крещатик подался. Тысячи людей, как муравьи, возле руин копошатся. С песнями... А Шепетовку проезжал утром. В восемь часов тридцать минут детвора в школу спешила. С пастоящими учебниками. И с тетрадями... — Лицо Ломтикова вдруг становится печальным. — Правда, война когти глубоко запустила... В колхозах женщины на коровах папсут. А если коров нет, сами в плуг впрягаются. Тяжело смотреть... Так-да. Жители некоторых сел в землянках бедуют — гитлеровцы при отступлении сожгли все, до бревнышка... Но небо — чистое, солнце — яркое! Головы поднялись, глаза сверкают. И пограничник стоит возле столба с гербом. Так-да... Настоящий, в зеленой фуражке!

— Даже не верится, что мы такую войну сдюжили, — задумчиво говорит Спиридопов.

— Ну, а вы ж как? Что-то многих не видно... — голос Ломтикова осекся. — На задании?

— Пушкарь, Щербаков и трое новичков передний край изучают.

— А Сережа Фролов?

— Схоронили на берегу Вислы.

— А Ваня Величко?

— Под Львовом...

— А сержант Имеладзе?..

— Тоже нет...

Горькое молчание. Искося гляжу на разведчиков. Закинув голову, Сорокин смотрит на яблоню, усеянную красновато-золотистыми плодами. Гуля растирает на ладони щелотку земли. Сербиненко подгоняет палочкой рыжую невзрачную букашку...

— Как чувствуешь себя? — переводит на другое разговор Воронов. — Брыкаешься левой?

— До Берлипа дойду!

— Проверим! — Сомов снимает гимнастерку и сапоги. — Выходи! Бери двоих на помощь...

Лицо Ломтикова светлеет:

— Кто ж с тобой, медведь таежпый, управится втроем! Против четверых выступишь?

— Пускай четверо, — добродушно соглашается сибиряк.

— Постой, Сомов! — вмешивается начальник разведки. — Старичков не трогай, с новичками силой померяйся.

— Можно.

Новобранцы заинтересованы: хвастается или на самом деле силач? Шея мускулистая, плечи широкие, но не геркулесовские. И руки как руки... Ничего особенного. И вдвоем можно с таким справиться... Ой, ребята, не верьте глазам своим!

Возможно, и среди новичков есть крепкие парни. Сейчас увидим...

Чмисык и Пилипенко бросаются на сибиряка. Ловкий Чмисык старается зажать его шею «ключом», Пилипенко

делает подсечку. Сомов приседает и молниеносно выпрямляется — вверху мелькают две пары ног, нападавшие распростерлись на траве...

— Развлекаешь публику, Федотыч! — В воротах стоит Пушкарь и мнет пилотку. — А фашистский снайпер косит людей... В обед — лейтенанта Квашу, только что — капитана Рогулина... Вот...

Все поворачиваются к Пушкарю. Он протягивает свою пилотку. Над звездочкой — дыра с обожженными краями. Каким-то чудом пуля не зацепила голову...

— Откуда он стрелял? — спрашивает Сомов.

— Не знаю.

Сибиряк, натягивая на ходу гимнастерку, идет к сараю за карабином.

Тяжелой будет для него ночь...

НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ

По лесу двигались цепочкой: впереди — стожильный Пушкарь, за ним — задумчивый Сорокин, последним — осмотрительный Валентин Грицюта.

Командарм приказал перебросить разведгруппу через линию фронта на самолете: добротного «языка» надо было взять в самой что ни на есть «глубинке». Пятые сутки рыскали во вражеском тылу разведчики. Устали, осунулись, заросли щетиной. Но подходящий фриц так и не попался.

Потому-то командира группы — смелого расчетливого старшего сержанта Владимира Сорокина и одолевали сейчас недобрые мысли. На таком удалении от фронта дивизионным разведчикам довелось действовать впервые, а тут, как известно, чем дальше в лес — тем больше таинственного... «Хорошо Пушкарю, — завидовал Сорокин. — Головой ручаюсь, что и сейчас вынашивает какие-нибудь технические проекты или мечтает о своем втором хобби — ар-

хитектуре... А ведь это, черт побери, не так уж плохо: без одержимых жизнь наша совсем зачахла бы...»

Сорокин приостановился. Грицюта вопросительно поглядел на него голубыми, как июньские волны Буга, глазами и опять весь превратился в слух. А слушать винничанин умел как никто другой. По словам наблюдательно-го старшины Татьянина, Грицюта был единственный, кто на всем советско-германском фронте мог услышать, как роса испаряется.

Вот и сейчас по световой окраске стволов и голубым разводьям в кронах Сорокин определил, что скоро лес кончится. И в самом деле, через несколько минут друзья очутились на опушке. Перед ними раскинулась пестрая равнина, усеянная множеством разноцветных клиньев. Тут, за Вислой, что ни хозяин — то собственный клинышек или полоска... Грицюте припомнились раздольные поля под Винницей. Делянки жнивья — словно огромные чаши пахучего золотого меда. Разлилась яркая зелень люцерны, которую сейчас косят, вероятно, в третий раз. Плантации кукурузы уже сверкают янтарем... А вокруг лесополосы — зеленые вблизи, темно-синие на горизонте...

— Довольно вздыхать! — толкнул его плечом оживленный Пушкарь. — Гляди — шляхетский замок. Ручаюсь, пятнадцатый век...

Над крупным польским селом, окаймленным цветущими садами, возвышалось мрачное здание со сторожевыми башнями и множеством бойниц.

— Знакомое строение. По-моему, я его где-то видел, — тихо сказал Грицюта и на минуту задумался. — Не иначе как в кинофильме «Богдан Хмельницкий»...

— Эх ты... Спутал грешное с праведным, — упрекнул его Пушкарь. — Тот замок, чудак, во Львовской области. А это — яркий образец польского национального зодчества... И немного погода спросил: — Как полагаете, друзья, есть в селе немцы или нет?

Грицюта взял бинокль, долго рассматривал село, а потом сказал:

— В селе фрицев нет. Хотя это и странно: важная шоссе́йная магистраль совсем рядом.

— Давайте, братцы, незаметно проберемся к замку, — предложил Пушкарь. — Одним глазом... В кои века... Архитектура! Пилястры, канделябры, кариатиды...

— Неужто ты хочешь почитать в графском склепе? — мрачно поинтересовался Сорокин. — Между прочим, только живые могут выполнить нынешнее задание.

Грицюта еще раз осмотрел село в бинокль.

— Местные жители изредка появляются, — заявил он. — Может, и вправду осмотреть замок? Авось что-нибудь выведем...

— Да вы вроде бы оба чокнутые, — сердито буркнул Сорокин, однако, увидев скорбное лицо Пушкаря, смягчился. — Ладно, сделаю скидку на ваши... странности. Передвигаться невидимками. Глаза и уши — наизготовку. Ты, Грицюта, останешься снаружи, в кустарнике. Коль что не так, крикни иволгой.

...Серый, потемневший от времени замок опоясывал довольно глубокий ров. Через него был перекинут мостик со ржавыми перилами. В старину, когда ров заполняли водой, мост убирался, и противник не мог приблизиться к воротам и крепостным стенам. От моста до ворот был выслан тротуар из квадратных каменных плит. Более трех столетий шаркали по ним тысячи ног, и теперь камень сверкал на солнце, как натертый паркет.

Грицюта пропустил товарищей вперед, а сам скрылся в зарослях сирени на бугре, в десяти — двенадцати метрах от моста.

Ворота оказались незапертыми. Пушкарь палег плечом, Сорокин помог, и разведчики очутились во дворе. Окованная железом дверь тоже поддалась. Возбужденный Пушкарь схватил приятеля за руку и потащил в замок.

Вокруг было темно, прохладно и сыро. Потолок полукруглого вестибюля подпирали два ряда облупленных колонн. На стенах висели мрачные портреты каких-то польских королей или графов. Слева в нише Сорокин разглядел крест с белым распятием.

Пушкарь хотел было достать электрический фонарик, но в это время снаружи резко и тревожно вскрикнула иволга.

Разведчики притихли. Что там стряслось? Неужели немцы? Откуда? Сколько? Вероятнее всего — фельджандармы или полицаи. «И надо же было лезть в эту мышеловку! — ругался про себя Сорокин. — Вот так и попадешь к черту на кулички из-за чьего-то дурацкого пристрастия!»

Прячась за колоннами, они поспешили к выходу, притаились по обе стороны двери, друг против друга.

Основания для тревоги были весьма серьезные. По шоссе к селу приближался фашистский бронетранспортер. За ним шла легковая машина. Не доезжая метров триста до околицы, бронетранспортер свернул на проселочную дорогу к местечку Лемов — лязганье гусениц стало удаляться.

Сорокин и Пушкарь видели, как легковая марки «Опель-олимпия» подкатила к мостику. В ней находилось трое немцев: полковник, майор и лейтенант за рулем. По обыкновению, путники ехали без головных уборов. Лейтенант первым выскочил из машины и услужливо отворил дверцу. Полковник, ступив на землю, отряхнулся и что-то сказал широколицему майору. Тот оставил на сиденье планшет и тоже вылез из машины. Офицеры медленно направились к замку.

Возле бугра они на мгновение остановились, и полковник совершенно неожиданно для Грицюты по-русски сказал:

— В старинных замках часто находят золото либо позолоченные вещицы...

«Вот что их привело сюда, — Грицюта сжал гранату. — Слышали ли ребята крик иволги? Если сейчас начнется стрельба, значит, немцы заметили их. Тогда шарахну в легковую гранатой и — на выручку. Крик подниму: вроде нас тут не менее взвода. Если по-прежнему будет спокойно, надо брать лейтенанта... Сейчас все решится! Фрицев не видно...» — Грицюта затаил дыхание и услышал, как неподалеку тихо-тихо жужжит пчела.

В машине, положив голову на спинку сиденья, бесечно дремал шофер. Видно, нынешней ночью довелось покрутить баранку... Пусть уснет крепче... Что же там, в замке? Почему такая тишина? Вроде людей нет и в помине...

Из «опеля» донесся храп. «Теперь можно», — Грицюта бесшумно выбрался из кустов, подкрался к машине и открыл дверцу. Лейтенант даже не шевельнулся. Грицюта ударил его рукоятью пистолета по затылку. Немец икнул и сполз с сиденья. Грицюта быстро достал из кармана шнур и на всякий случай связал офицера.

В замке по-прежнему было тихо. Но вот из-за косяка показалось правое плечо и часть лица. Мундир немецкий... Но фашист не стал бы так осторожничать: ведь в машине свой, лейтенант... Впрочем... Грицюта взвел парабеллум. К счастью, опасения его были напрасны: первым из замка вышел оберст в майке и трусах. Его сопровождали Сорокин и Пушкарь, оба — в немецкой форме.

— Жив? — спросил Сорокин, заглядывая в кабину.

— Нет, — огорчился Грицюта. — Переборщил я трошки...

— Аллах с ним. Спрячь в кустах. А ты, поклонник архитектуры, садись за руль.

* * *

Под монотонное урчание мотора Сорокин бегло просмотрел документы, отобранные у фашистов, и черные глаза его полыхнули злым огнем.

— Все трое власовцы?

— Да, из «русской освободительной армии», — ответил пленный.

— Поблагодари этого «освободителя», старшой, — пробасил, не поворачивая головы, Пушкарь, — а то у меня руки заняты...

— Я попрошу не издеваться над офицером! — повысил было голос полковник, но мгновенно сник: рука Сорокина скользнула за финским ножом.

— Куда вы ехали, доблестный офицер? — спросил Сорокин.

— На именины к генералу Рюбенкройцу, комапдиру двадцать четвертого пехотного корпуса.

— Там вас кто-нибудь знает?

— Нет, я никогда не бывал в штабе Рюбенкройца.

— Где приглашения?

— В бумажнике. На троих.

— Хорошо. — Сорокин хлопнул по карману ладонью. — Сворачивай в лес, Пушкарь.

— Господин... Товарищ... — пленный умоляюще сложил на груди руки. — У меня во Владикавказе семья.

— Поздновато вспомнили, — заметил Сорокин. — Вылезайте!

Из-за дуба долетали обрывки фраз:

— Корпус Рюбенкройца пока в резерве... Гудериан срочно улетел в Берлин... Не дать Советам переступить Вислу... Всеми силами...

Словно переломленная сухая хворостина, треснул выстрел.

— Теперь нам персонально, — сказал Сорокин, садясь в машину, — придется поздравлять генерала Рюбенкройца. А там посмотрим...

* * *

Пока у переезда через железнодорожное полотно оберлейтенант с полным ртом золотых коронок рассматривал

пригласительные карточки, рука Сорокина лежала на кобуре. Гитлеровец возвратил документы, отдал честь и поднял шлагбаум.

Пушкарь нажал на педаль, машина проскочила пересзд и помчалась дальше.

У контрольного поста на западной окраине села Свендица, где в богатом панском имении располагался штаб корпуса, пришлось задержаться. Поджарый гауптман с напускной важностью унес документы в свежеекрашенный павильончик. Через открытое окно Сорокин видел, как пемец сверил фамилии, указанные в приглашении, с длинным списком, сделал на нем пометку, куда-то позвонил по телефону. Предусмотрительный Пушкарь легонько сдал машину назад, чтобы удобнее было развернуться. Но этого не потребовалось. Гауптман вернулся с документами и махнул рукой: путь свободен...

«Власовских» офицеров представили тучному генералу с дорогим перстнем на среднем пальце правой руки. Покровительственно улыбаясь, он велел устроить их пока в кирпичном доме рядом со штабом. Очевидно, до войны тут жили учителя: в комнатах сохранились этажерки, сплошь заставленные книгами на польском и немецком языках, стеллажи и даже письменный стол. В одном из ящиков Сорокин обнаружил кипу ученических тетрадей. «А в селе не видать ни одного мальчишки», — с грустью подумал он и выглянул в окно.

По двору прохаживался обер-ефрейтор с автоматом на груди. Его присутствие Сорокину не понравилось, и он вышел на крыльцо вроде подышать свежим воздухом. Часовой приблизился и на ломаном русском языке спросил, что господину полковнику угодно.

— Просто хочу погулять в саду, — сквозь зубы процедил Сорокин.

У клумбы с настурцией «полковник» сделал вид, будто любит цветы, нагнулся, чтобы сорвать темно-

пурпурный граммофончик и незаметно оглянулся. Часовой следовал за ним. «Неужели мы опростоволосились? В чем? Когда?» Жар ударил в голову: стало страшно не за себя — за товарищей. И задание не выполнено...

Сорокин отворил калитку, шагнул к яблоне. Часовой остановился у изгороди и добродушно улыбнулся. «Черт их, этих фрицев, разберет: они даже расстреливают с улыбкой...» — обозлился Сорокин. Чтобы сразу положить конец всем сомнениям, он повернулся и пошел прямо на обер-ефрейтора.

— Послушай, парепь... Моему лейтенанту надо сходить на другую улицу за утюгом. После дороги хотим кое-что погладить...

— Зачем куда-то ходить? — удивился немец. — Электроутюг в шкаф на кухню. Полотняная прокладка там же. Я сейчас присылать Курта, и он все сделает, — немец откозырял и торопливо направился к сараю.

«Значит, и на улицу выйти нельзя. Подозревают... Или просто — охрана? Как бы там ни было, одежду надо приводить в порядок...»

* * *

Распорядитель вечера — приятный, внимательный майор — посадил офицеров «русской освободительной армии» в разных местах. Спутники «полковника» очутились в конце стола. Рядом с раскрасневшимся Сорокиным покряхтывал довольный оберст Ран — командующий артиллерией корпуса.

Любуясь хрустальной люстрой под лепным потолком, Сорокин прислушивался к разноголосому шуму и старался запомнить все, что его интересовало.

Но вот зал утих.

Именинник в парадной форме, при всех регалиях, провозгласил первый тост:

— За величайшего философа и полководца, за нашего любимого фюрера!

Все встали.

— Хайль Гитлер! — торжественно произнес генерал Рюбенкройц.

— Хайль! Хайль! Хайль! — трижды прозвучало под сводами зала.

Выпив, принялись деловито закусывать.

Потом генерал Брауде, командир 27-й пехотной дивизии, поправляя очки и часто мигая слезящимися глазами, предложил выпить за здоровье именинника.

— Долгих лет жизни вам, генерал.

После второй рюмки оберст Ран, оказавшийся на удивление общительным собеседником, на сносном русском языке поинтересовался у власовского «коллеги», каков боевой дух у преданных ему солдат, где в настоящее время семья «полковника».

Разговорились. Сорокин отвечал охотно, то и дело подкладывая Рану лучшие куски мяса.

Выпили за фатерланд, и любознательный Ран вдруг спросил:

— А почему полковник Бекетов не прибыл поздравить генерала?

О полковнике Бекетове Сорокин не имел ни малейшего представления. Тщательно прожевывая кусок ветчины, он обдумывал ответ и все-таки нашелся:

— Накануне нашего отъезда у Бекетова начался сердечный приступ.

— Сердечный? — переспросил оберст. — Бедняга... К печени да еще и сердце... Ничего, после войны все лучшие санатории мира будут к нашим услугам...

«Держи карман шире!» — подумал Сорокин. Наполнив рюмки, он сразу перевел разговор на другую тему.

— Что слышно, герр офицер, о новом секретном оружии фюрера?

— О! — Ран высоко поднял рюмку. — Через полгода советы, янки и англичане будут ползать перед Адольфом Гитлером на коленях!

— Выходит, столь велика эффективность новинки?

— Не то слово, полковник. Наше оружие любую взрывчатку превзойдет в тысячу раз. Или... больше!

— Истинное чудо! — воскликнул Сорокин. — После такого открытия немецких химиков следует носить па ружьях.

— Почему химиков? — недовольно скривился Ран. — Этим, — он замысловато повертел указательным пальцем, — занимается мой племянник. А он — физик.

Сорокин взял бутылку вина «Райнриттер», наполнил рюмку соседа, налил себе.

— Тогда, господин оберст, выпьем за физиков.

— Гут!

Они одновременно опустошили рюмки, взяли по кусочку голландского сыра.

— Прошу извинить, — сказал Ран. — На рассвете мне надо на передовую, поближе к линии фронта. Как это по-русски — на рекогносцировку... Скоро бои... А еще надо узнать пароль и пропуск.

Потом он встал и подошел к майору — распорядителю вечера. Чокнулись, выпили, о чем-то пошептались, и Ран, изрядно покачиваясь, вернулся на свое место. Садясь, он едва слышно пробормотал: «Зигфрид — Дейчлапд».

Сорокин в это время пристально смотрел на своих товарищей.

Оркестр грянул вальс. Именинник пригласил молодую немку с колючим, весьма неприятным взглядом.

— Кто эта избранница генерала? Охотно повальсировал бы с ней, — подмигнул Сорокин.

— Не советую, — доверительно шепнул Ран. — Это дочь видного гестаповца. Работает в Аушвицком концлагере.

— А та другая, с высокой прической?

— Любовница генерала Вюнша...

Сорокин извинился и, приосанясь, пошел к немке.

Кружась, он старался держаться поближе к Рюбен-кройцу.

Генерал, с умилением глядя на длинную шею своей партнерши, рассказывал ей о родном Мюнстере.

— Очень милый город. Главная его достопримечательность — вечный трубоч, — он вдруг прослезился. — Его слышал мой прадед, дед, отец и я. Представьте себе... Вот уже в течение нескольких веков на башне церкви св. Ламберти по винтовой лестнице в двести девяносто две ступени поднимается трубоч. И, как в старое доброе время, трубит с десяти часов вечера до семи утра. Каждый час... Трубный зов моей молодости...

После третьего танца пот с генерала катился в три ручья. Именинник, ссылаясь на преклонный возраст, деликатно извинился и ушел отдыхать.

Гости стали разъезжаться.

* * *

В комнате, отведенной для власовских офицеров, загорелся синий ночник.

Кровати уже были постелены. На пружинящих матрацах, под мягким одеялом из верблюжьей шерсти сейчас было бы в самый раз спать по-барски, но Сорокин долго ворочался... Сказать друзьям о своем замысле вслух он не решался: вдруг в стенах магнитофон?

Он подошел к Грицоте, сел у него в ногах. Кивнув в сторону генеральской опочивальни, Сорокин обеими руками схватил что-то воображаемое, забросил на плечо и вроде понес.

Пушкарь приподнялся в своей кровати.

— Машину, — едва слышно шепнул ему Сорокин и, подмигнув Грицоте, добавил: — Тамаду и адъютанта, — он зажал рукой рот.

В коридоре замерли шаркающие шаги...

Сорокин стал быстро одеваться. «Такой случай пред-

ставляется один раз в сто лет... Пароль и пропуск известны... Лучший пропуск — генерал в машине. Подвыпил... Едет проветриться... Либо в первый эшелон...»

По лицам вернувшихся друзей он понял, что все готово.

Генерал крихтел, ворочался с боку на бок, отбивался руками, но Сорокин все-таки разбудил его.

— Прилетел из Берлина фельдмаршал Гудериан, — сказал «полковник» многозначительно. — И сразу же выехал в ваш корпус. Только что позвонили...

Огорошенный неожиданной новостью, Рюбенкройц вытаращил глаза.

— Одежду! Где вестовой? Где адъютант?

— Оба пьяны, господин генерал!

— Надо встретить... — бормотал Рюбенкройц, натягивая брюки. — Гудериан любит это... Машину!

Сорокин застегнул генеральский мундир, подал фуражку. «Майор» подхватил Рюбенкройца под руку. Они вышли в коридор, миновали фойе. «Риска много! — волповался Сорокин. — Дежурного нечистый может принести... Или Рюбенкройц спросит у часового... Быть беде!» Не колеблясь, «полковник» ударил Рюбенкройца ребром ладони по сонной артерии. Грузное тело обвисло. Офицеры подхватили его и, придерживая за поясницу, вышли во двор.

Часовой проводил пьяную компанию внимательным взглядом, но, по-видимому, решил, что захмелевшего генерала вывели на свежий воздух, и скрылся за домом.

Возле гаража поблескивал черный «хорьх». Пушкарь занял место водителя. Генерала усадили справа от него. Сорокин и Грицюта поддерживали Рюбенкройца сзади.

Второй час мерно рокотал мотор, ветер посвистывал в ушах.

Заметив контрольный пост у въезда в Здруйский лес, Пушкарь сбавил скорость. Машина мягко подкатила к сонному лейтенанту:

— Зигфрид! — громко произнес Пушкарь.

— Дейчланд, — ответил немец и, разглядев генерала, приложил к виску два пальца. — Доброго пути!

Проплыл на запад лес. Шоссе запетляло среди привисленских холмов. Сорокину казалось, что машина движется очень медленно, тормоза на поворотах скрипят слишком резко, а резина шуршит по асфальту громче обычного. Но первичал он зря: стрелка спидометра прыгала за цифрой 120...

На одном из виражей заднее колесо прошло по краю воронки. Машину подбросило, и генерал пришел в себя.

— Где же Гудериан? — промычал он, поводя мутными глазами, и снова захрапел.

С востока донеслись внятные раскаты. Где-то за темнеющим на горизонте лесом ударил пулемет.

— Хватит кататься, — сказал Сорокин. — За леском передний край.

Вскоре «хорьх» свернул в просеку. По кабине начали хлестать ветви. Машина остановилась. В багажнике нашлась новенькая немецкая плащ-палатка. Разведчики положили на нее пленного генерала и скрылись в чаще.

* * *

От ярости генерал СД Гельмут Мюллер не мог произнести ни слова. В горле у него клокотали какие-то звуки, а наружу вырывались только глухие стоны. Подбежав к открытому окну, он стал тяжело глотать воздух. Наконец, немного придя в себя, Мюллер повернул бледное, злое лицо к начальнику отдела оберсту Фрике.

— Расскажите, черт возьми, толком... Вы полагаете, что эти пьянчуги из РОА выкрали генерала Рюбенкройца, желая реабилитировать себя перед Советами? Так?

— Не совсем, экселенц. Дело в том, что они — вовсе не офицеры «русской освободительной армии». Из штаба Власова сообщили приметы полковника Рубцова, майора Перевалова и лейтенанта Вилева. Гости генерала Рюбенкройца утверждают, что полковник Рубцов — стройный брюнет с очень красивым, редким разрезом глаз. А настоящий Рубцов — рыжий, вислоухий. Глаза маленькие, припухшие...

— Довольно, Фрике. Это были советские разведчики. Вы изучили следы?

— Яволь, экселенц. Ищейки взяли след от крыльца до гаража... На одной из просек в прифронтовом лесу обнаружили зажигалку генерала Рюбенкройца, и снова пустили собак. Следы привели в ложбину, где протекает заболоченная речушка. Там, к несчастью, только одна ячейка нашего боевого охранения... Влажный грунт сохранил следы генерала Рюбенкройца и тех... мерзавцев. Нейтральную полосу они пересекли вчера на рассвете. При мощном отсечном огне противника...

— Какой позор! — от ярости Мюллер заметался по кабинету. — За сто тридцать километров от фронта. На глазах всего штаба, личного адъютанта, часового... Увезти генерала, ветерана трех войн... Р-р-рас-стре-лять! Всех ротозеев — р-р-рас-стре-лять!

ВЫСОТА СПИРИДОНОВА

Когда советские войска подошли к разбушевавшемуся Одеру, высота, напоминавшая распластанного кашалота, оскалилась перекрестным пулеметным огнем. Несколько раз наша артиллерия пыталась уничтожить зарытые в землю огневые точки. Попытки пехоты завладеть высотой были безуспешны.

Семь атак отбили фашисты, засевшие на высоте. Стрелковый полк майора Корнеева потерял половину личного

состава. И все же расширить крохотный плацдарм на левом берегу Одера не удалось.

Генерал-майор Бакланов вызвал Добриченко па командный пункт. Говорил комдив размеренно, словно загонял патроны в обойму:

— Позорим гвардейское звание. Подкладываем свинью соседям на флангах. Задерживаем наступление фронта. Все падежды я возлагаю на разведку: нужна военная хитрость... Завтра высота должна быть в наших руках!

Генерал сложил циркуль и глянул на Добриченко:

— Ты все понял, Павел... Действуй умеючи, осмотрительно. Желаю успеха.

В доме, где расположилась разведка, было оживленно. Разведчики предлагали разные способы захвата высоты. Но, к сожалению, все они неизбежно сводились к атакам с фронта, с флангов или с тыла. Такие пути Добриченко отклонил.

— А что, если ударить по гитлеровцам их оружием? — встрепнулся сержант Спиридонов. — Помните, как в сорок первом они высаживали десанты, сея панику?

— Как ты сказал? Десанты? Десанты — не то... А вот папка... Паника — это резонно! Старшину Татьянина ко мне! Сбегай-ка, Сорокин! Принесите всю немецкую амуницию, какая только есть у старшины.

Перед командиром роты выросла целая груда всевозможных серо-зеленых мундиров, брюк, шинелей. Из огромного мешка выглядывала грубая солдатская обувь — подкованные медными гвоздями ботинки и желтые сапоги с широкими голенищами. Лейтенант осмотрел трофейное обмундирование, прикинул, кого из разведчиков можно переодеть. Удовлетворенный результатом осмотра, он обратился к солдатам:

— А теперь слушайте боевое задание. Командир дивизии приказал до рассвета овладеть высотой Кашалот. С флангов на высоту пойдут два отделения. Первое отде-

ление поведет сержант Спиридонов. «Главными немцами» при нем будут Сорокин и Бояринов. Вторым отделением команду я. Оба отделения должны незаметно, тихо и притом одновременно добраться до вражеских траншей, снять часовых и очистить ближайшие укрытия. В блиндаже остается один разведчик, остальные поднимают стрельбу, панику. «Главные немцы» кричат, что в дзотах и траншеях русские. Шуметь разрешается только тем, кто знает немецкий язык.

Лейтенант приказал всем участникам операции пришить на правый рукав шинели белый квадратик, чтобы ночью не перестрелять своих. При себе иметь только трофейное оружие, финку и по три гранаты.

Добриченко провел ладонью по крутому лбу и обратился к офицеру в огромных валенках:

— Вы, Трясин, возглавите третье отделение. Подкрадитесь к немецким окопам с фронта. В пяти метрах будете ждать крика «филина». По этому сигналу ваша группа врывается в окопы и помогает товарищам. Если «филин» будет молчать, значит... Тогда примете командование ротой и сделаете все возможное, чтобы выполнить приказ генерала.

Лейтенант дважды повторил, что в такой сложной обстановке каждый разведчик должен проявить находчивость, смелость, и приказал готовиться к ночному бою.

В 22.00 на участке, который занимал батальон капитана Матвеева, тридцать дивизионных разведчиков в белых маскировочных халатах выползли из окопов. Сначала Матвеев различал на снегу движущиеся фигуры, но потом все слилось в сплошное белое полотно.

Добриченко полз в хвосте своей группы. В плане, подсказанном Спиридоновым, было много авантюрного, неосуществимого, и это беспокоило ротного. В том, что гитлеровские часовые будут сняты без единого звука, он не сомневался. Без особых трудов проворные и сообразительные разведчики овладеют двумя блиндажами на

противоположных склонах высоты. А вот дальнейший успех операции зависел от многих, возможно, совсем не предвиденных обстоятельств, даже случайностей. «Удастся ли нам,— размышлял Павел,— с помощью внезапной паники толкнуть фашистов на взаимоуничтожение, а потом на бегство? Правда, у фрицев напряжены нервы, их мучает обреченность смертников. Да и ночью все кошки серые...»

Над высотой вспыхнули ракеты. Разведчики замерли. В холодном сиянии они казались продолговатыми холмиками снега. Когда ракеты угасли, снежные кучи зашевелились. Наблюдательный Добриченко заметил, что разведчики волнуются: один прижимает лоб к снегу, другой — пылающие щеки, третий — ладони, порезанные ледяной коркой... Волнение передалось и лейтенанту. Из головы не выходили тревожные мысли: «Гитлеровцы, наверное, хорошо знают один другого в лицо. А вдруг разгадают они, несмотря на суматоху, секрет белых квадратов? Не сорвется ли замысел по чьей-то, возможно, незначительной оплошности, мелкому упущению? Ведь действовать придется в необычной обстановке — среди врагов, в темноте».

Над передним краем вновь повисла немецкая ракета.

Павел, припав к снегу, старался отогнать навязчивые мысли, но чем ближе становились вражеские окопы, тем сильнее одолевали его сомнения. «Что лучше: отсидеться во время перепалки в блиндажах и ждать, пока немцы исколошматят друг друга, или активно действовать среди врагов, разжигая панику? Если гитлеровцы поймут, в чем тут дело, тогда удобнее и надежнее обороняться в блиндажах. По крайней мере, можно дороже отдать жизнь. Если самим вязаться в свалку, потери неминуемы. Зато можно вернее и быстрее достичь своей цели».

С такими размышлениями Добриченко опередил группу и пополз к немецким окопам боевого охранения. Здесь он склонил голову к брустверу, прислушался. За взлоб-

ком не было слышно ни голосов, ни шорохов: окопы оказались безлюдными. Это сразу же насторожило лейтенанта. Неужели немцы так легкомысленно оставили свои посты без единого часового? Где они? Греются в блиндажах? Взмахом руки Добриченко приказал всей группе собраться в двух смежных ячейках. Сохраняя полную тишину, разведчики сбросили белые маскировочные халаты, аккуратно сложили их, быстро осмотрели друг друга, словно хотели запомнить навсегда...

Лейтенант прикоснулся к плечу Гули, поднял указательный палец, затем согнул его и поднес к правому глазу: это был немой приказ снять часового и уточнить, где сейчас группа Спиридонова.

Казалось, что неповоротливый Гуля слишком долго всматривается в темноту, слишком долго молчит, не принимая никакого решения, нарочно не спеша прячет бинокль в футляр. Наконец сержант присел на корточки и показал в сторону высоты. Павел одобрительно кивнул головой. Гуля с Чуйковым достали из-за голенищ финки. Отдалилось и пропало в тиши шуршание шинелей.

От траншеи донесся едва слышный храп. Секундная стрелка, которая вроде застыла на часах, опять начала свой бег по кругу. Группа бесшумно подползла к вражеской траншее. Теперь начиналась самая ответственная, самая опасная часть задания.

...На противоположном склоне высоты Кашалот бойцы Спиридонова сняли часового и проникли в крайний блиндаж. Когда все было закончено, в смрадном полумраке остался только Сербиненко. Остальным разведчикам Спиридонов приказал забрать немецкие автоматы и по одному выходить.

— В траншее, — шепнул он, — расположимся возле входов в блиндажи. Как только Сорокин и Бояринов крикнут, забросаем блиндажи гранатами. Из засад откроем огонь по фашистам, которые будут выбегать наверх.

Цепочка разведчиков становилась все короче. И вот

по траншее двигались только две темные фигуры — Спиридонов и Сорокин. Влево от окопчика, что выгибался к востоку, виднелся вдали пулемет. На замок склонилась голова в белом, как у повара, колпаке. Утомленный несколькими бессонными ночами, крепко храпел пулеметчик. Удар ручкой парабеллума пришелся по голове — храп прекратился. Сорокин перебросил отяжелевшее тело фрица через бруствер, а сам устроился за пулеметом. Спиридонов прихватил в пулеметном гнезде канистру с бензином и пошел дальше один.

Один излом траншеи. Другой...

Разглядев дверь, обшитую дерматином, Спиридонов догадался, что перед ним офицерский блиндаж. Осторожно взялся за ручку, приоткрыл дверь. Темный ход вел глубоко в землю. «Тем лучше!» — Николай наклонил канистру. Из ее горловины полилась жидкость. В нос ударил резкий запах. Пустую канистру разведчик тихонько поставил на ступеньки и чиркнул спичкой. Из блиндажа, словно из пасти сказочного чудовища, вырвалась вихрастая грива пламени. Спиридонов быстро закрыл дверь. Мертвую ночную тишину разбудил надрывный крик Сорокина:

— Alarm! Russische Soldaten sind da!¹

В этом вопле было столько настоящего, жуткого страха, что Добриченко на противоположном склоне высоты вздрогнул. Лейтенант сложил ладони лодочкой, изо всей силы повторил сорокинскую фразу и прыгнул в окоп. От главной траншеи в разные стороны шли разветвления, и лейтенант некоторое время колебался, по какому из них двигаться.

В нескольких шагах на потемневшей от времени облицовке Павел заметил небольшую дощатую дверь, приоткрыл ее. От порога круто спускались деревянные ступеньки. Снизу пробивалось мерцание каганца — спиртов-

¹ Тревога! Русские солдаты здесь! (нем.)

ки. Теперь Добриченко понял, почему наша артиллерия не смогла подавить огневые точки на высоте: блиндажи и укрытия прятались в земле метров на пять. Такой толстый мерзлый слой грунта не пробьет ни один снаряд. Размахнувшись, Павел метнул гранату в полутемный блиндаж и крикнул: «Russische Soldaten sind da!» Ему отозвались Сорокин и Бояринов.

Высота Кашалот ожила. Сначала раздались глухие подземные взрывы гранат. Потом на участке Спиридонова застрекотал автомат. Его заглушила длинная пулеметная очередь. Сквозь пулеметную дробь изредка прорывались pistolетные выстрелы. Затрещало еще несколько автоматов. Над высотой протянулись в разные стороны цветные пунктиры трассирующих пуль. Где-то вдали зачастили минометы.

Очумевшие от страха гитлеровцы выбегали из блиндажей полураздетые, без шинелей, без шапок. Одни падали сразу возле входа, другие, петляя по траншее, стреляли наугад.

— Wo ist der Oberst? Wo...¹

Чья-то пуля прервала вопросы гнусавого офицера.

Добриченко мучила совесть: вместо того чтобы руководить боем, он действовал, как рядовой... Надо было немедленно наладить связь с отделением Спиридонова. Лейтенант пошел по ходу сообщения и натолкнулся на трех гитлеровцев. Едва успел трижды нажать на спусковой крючок pistolета, как сразу же почувствовал острую боль в затылке. Быстро обернулся и увидел чужое заостренное лицо. Из последних сил лейтенант ударил гитлеровца ножом и вместе с ним упал на дно траншеи. В небе покачнулись тусклые звезды...

Всю ночь продолжалась ожесточенная схватка. Когда на востоке чуть забрезжил рассвет, разноголосица боя постепенно утихла. Высота стала нашей. В окровавлен-

¹ Где полковник? Где... (нем.)

ной одежде, с черными подтеками на лицах, разведчики долго искали лейтенанта.

В дальнейшем ходе сообщения, что напоминал большую крестовину, кучей лежали трупы фашистов. Около нее разведчики нашли своего командира. Из-под слипшихся волос Добриченко сочилась темная струйка крови. Левая рука лейтенанта сжимала финский нож, загнанный по самую рукоятку в синюю шею вражеского унтер-офицера. Добриченко дышал. Его осторожно перенесли в офицерский блиндаж, положили навзничь на расстеленную кровать.

Сорокин промыл лейтенанту рану шнапсом, сделал перевязку. Добриченко заворочался, поднял голову.

— Где мы? — в его голосе послышалась злость.

— На высоте, старшой! Фрицы драпанули, — успокоил командира Спиридонов.

— Так чего же ты стоишь?! Просигналь нашим!

Из блиндажа Спиридонов выбежал навстречу первым лучам восходящего солнца. В одной руке он держал трофейный автомат, а другой возбужденно размахивал над головой грязной немецкой пинелю.

С тех пор высота за Одером на всех дивизионных картах именовалась высотой Спиридонова.

В ЛЕСУ ПОД ТЕРЕЗИЕНБЕРГОМ

Внимательные, цепкие глаза Вилли Гальдена следили за каждым движением подполковника Ваккера, начальника спецотдела 4-й армии. Генералу было известно, что Ваккер поддерживает связь со службой безопасности, возможно, даже докладывает чиновникам из гиммлеровского ведомства о действиях и высказываниях своего командира. При первой же возможности Гальден охотно бы избавился от этого сыщика, но даже малейшего повода до сих пор не представлялось: такого пройдоху и в ступе пестиком не ударишь...

Неприязнь неприязнью, а дело надо делать...

— Повторяю, подполковник,— глухо кашлянув, Гальден достал из серебряного ларца маленькие ножницы, аккуратно срезал кончик сигары,— в наших тылах действует смелая, опытная и, по-моему, чересчур дерзкая разведгруппа русских. Вы только подумайте... Им нужна была мощная радиостанция — они ее выкрали у ротозеев из девятого корпуса. Им понадобился контрольный «язык» — они подстерегли не какого-то малька, хлюпика, а штабного офицера. Отдадим им должное,— Гальден подумал, что эти слова сегодня вечером станут известны друзьям Ваккера, но сейчас решил высказаться до конца.— Часовых у штаба они сняли профессионально, а говоря точнее, показательно... Представьте, сколько всего повидали собственными глазами вражеские разведчики, сколько перехватили телефонных разговоров! А вы тут мелете мне какую-то дребедень об экстренных мерах... — Гальден, едва сдерживая злость, грыз тонкие, бескровные губы.

— Извините, господин генерал, спецчастям уже приказано прочесать леса. На переднем крае выставлены усиленные посты, на вероятных направлениях устроены засады.

— Ваши мероприятия ничего не гарантируют, Ваккер. Сплошного переднего края на этом участке до сих пор нет. И даже больше, русские всегда умели нащупывать стыки. Думайте, Ваккер. Когда имеешь дело со смертельным врагом, надо хорошенько думать!

— Это верно, — Ваккер глубоко вдохнул холодный воздух.— Русские здорово научились воевать. Но слабинка у них все-таки осталась. Не в голове — в сердцах... Сейчас,— подполковник склонился над столом и, как человек, твердо убежденный в том, что стены имеют уши, стал что-то шептать, указывая карандашом на точки, ярко обозначенные на карте-километровке.

— Да,— после короткого раздумья согласился генерал.— Это, как говорил их обожаемый Чехов, уже «нечто

любопытное»... Но любая войсковая разведка, независимо от ее национальной принадлежности, действует в тылах противника скрытно, без шума, старается не оставлять следов. А в предложенном вами варианте без пальбы не обойтись... Правда, до сих пор этим ищейкам все время везло. А удачи, как известно, отрицательно сказываются на бдительности. Действуйте, Ваккер!

* * *

Разведчики шли долго. За дремучим смешанным лесом начался молодой сосняк. Через каждые пятнадцать метров над густыми кронами вздымались сторожевые вышки. Между игольчатой зеленью Горкин разглядел проволочные заграждения в три ряда. Боец осторожно приблизился к колючей проволоке. «Какой-то концлагерь... Но везде пусто. Наверно, заключенных увезли на запад. Территория огромная, а всего-навсего три хибарки. Неужели бедолаги жили тут под чистым небом? Глянем, что это за бугорки... Ага, ходы ведут вглубь... Подземный лагерь! В Майданеке и Освенциме людей сжигали прямо на поверхности, а тут и под землей пекло развели...»

— Товарищ сержант, — отковырял двигавшийся в головном дозоре Горкин, — там, в чаще, покинутый бункер. Мы нашли четыре немецких автомата и семь гранат. Наверное, басурманы-охранники забыли...

— Берегитесь мин-сюрпризов! Трофейное оружие прихватите и — в путь, — приказал Ломтиков.

Не успели отойти и на километр, как сержант остановил группу и жестом указал на кусты под старой елью. Из зарослей виднелись худые, черные ноги в рваных башмаках на деревянной подошве. Иващенко раздвинул ветви. На жухлой прошлогодней хвое лежал человек в старом окровавленном ватнике и форменных красноармейских брюках.

На голое тело была надета вылинявшая гимнастерка. Левый рукав оторван, на предплечье номер — 12377. Из нагрудного кармана убитого разведчик достал записку: «Всеволод, четвертого апреля будь готов...»

— А сегодня уже шестое. Наш — советский! — печально вздохнул Ярченко. — Наверно, побег задумали. Не успел...

Молчали нахмурившиеся деревья, молчали попкистые кусты. «Фашистские порядки, — грустно думал Ломтиков. — Номера на скотине, номера на людях. На всех — живых и мертвых — понацепляли бы бирочки и номерки», — он сердито сплюнул и огляделся. По-прежнему разведчики шли в глубокой задумчивости. Только Горкин, идущий впереди всех, прислушивался к каждому шороху, все подмечал: сейчас он за группу отвечал головой. Километра три тянулось безлюдное поле, потом разведчиков скрывала лесопосадка. Горкин первым услышал пение зяблика и сразу замедлил шаг: знал, что эта голосистая птишка чаще всего поет вблизи человеческого жилища, в садах или в парках.

В орешнике кто-то зашуршал, из-за ветвей выглянул человек в немецкой форме, и Горкин узнал в нем Сорокина. Тот кивнул. Вся группа быстро пересекла просеку и окружила приятеля.

— Вот обзавелся техникой, — и Сорокин положил руку на седло трофейного мотоцикла. — Около полудня в хутор прибыло две автомашины с военнопленными. Охраняют всего шестеро эссовцев. А вообще, обстановка подозрительная...

— Вот это да, — Ломтиков прищурил левый глаз. — В лесу мы наткнулись на концлагерь. Может, и узники оттуда?..

Прошли еще одну просеку. Отсюда сквозь частокол стволов виднелись двухэтажные домики на восточной окраине Терезиенберга. Единственная асфальтированная улица разделяла хутор надвое и упиралась в лес. Слева,

перед домом, вторым от леса, стояло два грузовых «опеля». В кузовах — люди. В полосатых грязно-голубых спецовках... В лоснящихся ватниках... В обшарпанных английских и русских шинелях... На головах — пилотки, шапки-ушанки, какие-то причудливые кепки. На ближней машине Ломтиков приметил костлявого парнишку в шлеме танкиста. В кузове второй машины вертел головой поляк в четырехугольной конфедератке.

Возле машин с автоматом наизготовку прохаживался длинный, сутулый эсэсовец. Время от времени он к чему-то прислушивался, по-птичьи косил глазом на открытые окна. Вероятно, охрана развлекалась и пьянствовала. На втором этаже патефон бодро наигрывал что-то браурное.

Из дома, пошатываясь, вышел унтер-офицер, что-то прохрипел. Пятеро пленных перелезли через борт и прыгнули на тротуар. Часовой перегнал их на правую сторону улицы, выстроил у стены. Унтер выхватил у часового автомат. Стрекотнул раз, потом еще... Узники попадали. Парень в танкистском шлеме шевельнулся. Унтер наступил ему ногой на грудь и трижды выстрелил в голову. Довольный своим поступком убийца дико захохотал и, выписывая ногами замысловатые вензеля, лениво поплелся в подъезд.

— Живодер, — простонал сержант Ломтиков. — Так они с перепою наших всех перестреляют, — и повернулся к Сорокину: — Может, попробуем?

— Не имеем права.

— А совесть имеем? — голос Ломтикова зазвенел. — Ведь всю жизнь перед глазами будут эти убитые. Если не спасем...

— Разведка есть разведка, — лицо Сорокина вытянулось. — Ты рискуешь не только разведгруппой...

Ломтиков задумался, достал из-за пазухи несколько исписанных листков, протянул их Сорокину.

— Возьми и топай к мотоциклу. Если что не так, записи должны быть в штабе, хоть умри!

— Я пригожусь тебе тут.

— Иди!

Сорокин махнул рукой и направился к лощине, где был спрятан мотоцикл.

...А в доме продолжалось пиршество. Пленные в кузовах изредка поднимались, наверно, чтобы размять занемевшие ноги. «Нет чтобы хоть один глянул бы сюда. Конечно, далековато — метров четырехста будет. А главное — из лесу надо выходить. Вот это да... Не с руки... — Ломтикова внезапно охватила ярость. — Сколько горя принесли в Россию фашисты, и все еще измываются. Ну, погодите, гады!»

Сержант подполз к разведчикам и шепнул:

— Ярченко и Горкин, заходите со стороны сада. Чтoб из дома ни один не улепетнул! Иващенко прикроет нас с фланга. Я с Дамакановым — через палисадник. Давай, ребята!

Разведчики перебежали шоссе и скрылись в саду. Где-то вдалеке треснула хворостинка, Ломтиков насторожился. Нет, все в порядке. Выждав несколько минут, сержант с Дамакановым перелезли через ограду в палисадник. Прячась за деревьями, они обогнули крайний дом. У забора Ломтиков остановился. Дождавшись, когда часовой повернулся к нему спиной, сержант взвел автомат. На миг замер... Ствол дернулся — часовой рухнул наземь.

Первым после неожиданного выстрела опомнился пленный в четырехугольной конфедератке. Он моментально прыгнул за борт и бросился к лесу. За ним — остальные.

В окно до пояса высунулся круглолицый фельдфебель, очевидно начальник охраны. Ломтиков нажал спусковой крючок. Дико вскрикнув, немец упал на подоконник. На крыльцо выскочил толстый эсэсовец и кинулся

к ближней машине. Пуля Ломтикова настигла его. В доме забухали гранаты.

Ломтиков поднялся на крыльцо и услышал, как за соседним домом взревел мотор бронетранспортера. Коричнево-серая машина снесла ворота и рванулась прямо на сержанта. Очередь крупнокалиберного пулемета пронеслась над головой. Еще один бронетранспортер выполз из соседней усадьбы. Немцы в кузове вскинули автоматы.

«Разведгруппа попала в ловушку,— размышлял Ломтиков. — От бронетранспортеров, как и от танков, не убежишь. Теперь только смекалка, только хитрость может спасти...»

И вдруг первый бронетранспортер внезапно затормозил, второй ударился в него радиатором. Солдаты в кузове подняли галдеж. Но замешательство среди немцев длилось недолго. Снова забулбил крупнокалиберный пулемет, застрочили автоматы. Одна из очередей срезала Ломтикова. Падая, он выдернул из гранаты чеку, но размахнуться не хватило сил...

Наблюдая из лещины, Сорокин хорошо видел, как погиб Ломтиков, как у самой опушки упал Горкин. Что же станет с остальными? Проклиная свою беспомощность, он изо всей силы нажал на педаль, вырулил на шоссе и дал газ.

Километрах в шести от злополучного хутора к лесу прижалось около десятка фашистских танков. У километрового столба копошился в каком-то ящичке плюгавый танкист.

Сорокин сбавил скорость и крикнул по-немецки:

В Терезиенберге советский десант. На бронетранспортерах. Скорее! Я за помощью...

Танкист со всех ног бросился к машинам.

«Авось по своим ахнут,— подумал Сорокин, трогая с места.— Эх, Ломтиков, Ломтиков... Нашему брату промаху втридорога обходятся...»

Группа сержанта Багрия третий день разведывала леса между реками Нейсе и Шпрее. Сержант беспокоился: немцы на переднем крае могли обнаружить и заминировать все проходы... А тут еще и задание усложнилось: поблагодарив за ценные разведывательные сведения, «Кама» — таким был позывной майора Воронова — приказала раздобыть «языка». Ночью ничего подходящего не встретили, утро тоже не радует...

Бойцы уже изрядно устали, когда из-за деревьев засверкала черная полоса асфальта. Посланный вперед Макаров вскоре вернулся обратно:

— Товарищ сержант! Отряд вражеской пехоты, около пятидесяти человек, движется к фронту. Один пулемет.

— Бери Шарова и Левчука, за двести метров отсюда устройте засаду. Ударим с двух сторон.

— Рискованно. Нам бы мотоциклиста взять или связиста...

— Выполняй! — рассердился сержант. — Также мне философ!

Багрий внимательно приглядывался к вражеской колонне. Ни улыбок, ни губных гармошек, ни прусского чеканного шага... Немцы едва плелись с попяжками головами. Левофланговый первого ряда — седой тучный немец, который, наверное, еще несколько дней тому назад орудовал черпаком на кухне берлинского или мюнхенского ресторана. За ним семенил худой паренек. Свободный китель болтался на нем, как на чучеле, а сверкающая пряжка с надписью «Gott mit uns!»¹ сползла па бедро. Длинного, как коломенская верста, пемца из третьего ряда, вероятно, душила астма: через каждые два шага он широко раскрывал рот и жадно глотал воздух...

В самом хвосте отряда тащились два вспотевших пу-

¹ «С нами бог!» (нем.)

леметчика. Рядом с ними шел обер-лейтенант в скрипящих сапогах...

Из кустов по колонне ударили автоматы. Эхо автоматных очередей раскатилось во все стороны. Не понимая, откуда стреляют, перепуганные немцы галдя бросились к лесу, прямо на засаду Макарова. Взорвались гранаты.

— Zugück!¹ — закричал офицер и побежал назад.

За ним бросились солдаты.

Высокий пулеметчик бежал рядом с обер-лейтенантом. Неожиданно он размахнулся и рубанул гофрированным стволом по фуражке офицера. Обер-лейтенант упал в кювет; пулеметчик, выхватив у убитого парабеллум, прыгнул в придорожные заросли.

— Проследи за ним, Яремчук! — приказал Багрий.

Стреляя наугад, фашисты метались от кювета к кювету. На Багрия бежали унтер-офицер и двое солдат. Сержант крикнул: «Hände hoch!»² — но ни один немец не поднял рук. Багрий прильнул щекой к прикладу и скосил обоих солдат. Быстроногий унтер, как горный козел, тремя прыжками перескочил шоссе и юркнул в кусты. С досады сержант пустил вдогонку длинную очередь.

Лишь несколькими гитлеровцам удалось спастись. У дороги разведчики подобрали семь автоматов и две гранаты.

После такой перепалки можно было ожидать погони или прочесывания, и сержант быстро увел группу в глубь леса.

Пулеметчика Багрий допрашивал на ходу. Станислав Дембицкий, смешивая польские слова с русскими, рассказал, что до войны работал шофером в Варшаве. Фашисты расстреляли всю его семью, сожгли дом на Маршалковской...

¹ Назад! (нем.)

² Руки вверх! (нем.)

— Как же вы оказались в немецкой форме? — прервал его Багрий.

— Вывезли меня в Германию. Работал на военном заводе в Руре. А две недели тому назад всех славян насильно мобилизовали. Одним дали карабины, а мне — пулемет.

— И вы с маткою бозкою в сердце пошли на фронт, против своих же братьев поляков, против русских?

— Я радовался, что мы идем на восток, надеялся убеждать... Пан начальник, я хочу драться с фашизмом. Прощу вернуть мне оружие!

— Придет время — вернем, — пообещал Багрий. — А сейчас отвечайте на мои вопросы. Что за подразделение?

— Пополнение для двести семьдесят пятой пехотной дивизии.

— Куда шли?

— Не знаю... Обер-лейтенант говорил, что нас встретят представители дивизии...

— Какую военную технику видели в пути?

— Везде, особенно вокруг Берлина, сооружаются всевозможные укрепления. Очень много окопов, траншей... Танки видел из дивизии «Охрана фюрера». Вот и все... Как на исповеди...

— Ну хватит. — Багрий подошел к радисту. — Сообщите, что к трем танковым дивизиям — «Богемия», «Охрана фюрера» и двадцать первой танковой — следует добавить двести семьдесят пятую пехотную. — Сержант повернулся к Яремчуку и тихо сказал: — Перевяжи мне плечо, зацепила, проклятая...

Разговор с «Камой» не затянулся. Чернов свернул рацию и подбежал к Багрию:

— Товарищ сержант! Немцы знают о нашей группе. Зондеркоманды с овчарками уже прочесывают прифронтовой лес. «Кама» перехватила их радиопередачу...

— Плохо! Значит, назад пути отрезаны, — нахмурился Багрий. — Пойдем на северо-запад: в заболоченной местности собакам тяжелее. Мигом!

Вот как обернулась легкомысленность на шоссе...

Разведчики миновали перелесок, углубились в густой лес. Шли быстро, но осмотрительно, прислушиваясь к каждому шороху. Нахмуренные дубы молчали, а ели опустили развесистые лапы до самой земли... Вспугнутый Яремчуком ворон, захлопав крыльями, взлетел на верхушку ели и закричал так громко, словно с него живьем перья ошпыивали.

— Старый пидиот! — выругался Багрий.

Среди могучих дубов появилась ольха, воздух стал влажным. Невдалеке тихо журчала вода. Яремчук, шедший в дозоре, остановился перед ручейком, нащупал палкой дно и вошел в воду. За ним — другие бойцы. Брели неторопливо, чтобы избежать плеска. Ручеек все дальше расширялся, к ногам прилипал ил. Пройдя по течению метров четырехста, разведчики выбрались на левый берег и побежали между ровными рядами молодого сосняка. За ним начался смешанный лес. В орешнике сержант остановил отряд.

— Перекур, пепел и окурки тщательно замаскируйте!

Пошел по рукам багриевский кисет; закурили все, даже Макаров, который никогда не держал папиросу в руках...

На востоке по-старчески кашлянула зенитка. С той же стороны, только значительно ближе, затрещали немецкие автоматы — наугад, длинными и короткими очередями. Тут же донесся хриплый лай: овчарки, видимо, рвались с поводков...

— Бегом! — тихо приказал Багрий.

Бойцы бежали редколесьем, продирались сквозь чащу, а треск автоматов настигал их, обходя справа. Из чащи до разведчиков доносились беспорядочные гулкие выстрелы.

Дебри отступили. За деревьями появилась хорошо утрамбованная лесная дорога. Разведчики неслышно подошли к придорожным кустам. Багрий выглянул. По дороге, шипя и подвывая, дребезжал грузовой «оппель». В кузове тряслись люди в полосатых концлагерных куртках, рваных ватниках и серых шинелях. Четверо охранников сидели по углам кузова с автоматами наготове. Рядом с шофером в кабине находился немец в очках с золотой оправой, по-видимому начальник охраны. Левой рукой он показывал на километровый столбик; водитель выключил мотор, и теперь «оппель» катился по инерции. Решение созрело мгновенно.

— Группа, — зашептал сержант, — по фашистам в кузове! А я очищу кабину... Огонь!

Узники сначала остоленели от страха, потом, заметив мертвых немцев, схватили их оружие и начали прыгать за борт.

— Стойте! — крикнул Багрий, выбегая на дорогу. — Макаров и Яремчук, возьмите документы и одежду убитых. А вы, товарищи, — обратился он к узникам, — помогите бойцам спрятать трупы. Вон туда, под мостик... Быстрее!

Пока бойцы и заключенные выполняли этот приказ, Багрий переоделся в мундир начальника охраны, перелистал немецкие зольдбухи и подозвал к себе Дембицкого:

— Станислав, вот тебе пропуск и документы шофера. Садись за руль.

Дембицкий нажал на стартер; мотор, прокашлявшись, заработал.

— По местам!

— Минуточку, товарищ сержант! — подпрыгивая на одной ноге, Макаров пытался натянуть на себя узенькие немецкие штаны.

— В путь! — бросил Багрий. — Если задержат патрули, действовать по команде!

— Товарищ командир! — наклонился через борт военнопленный в дырявой шинели. — Позвольте нам разбежаться по лесам... Ведь вы — на запад.

— Запрещаю. Слышите собачий концерт? Везде облавы, вас быстро схватят... Трогай, Станислав!

Вскоре лесная дорога вывела на шоссе. Мимо грузовика к фронту проносились опрятные «оппель-адмиралы», «мерседес-бенцы», грохотали бронетранспортеры, выкрашенные в цвет хаки, средние танки, покрытые огнеустойчивым серовато-желтым асбестом. Багрий настороженно осматривал встречный поток. Немцы не обращали внимания на дребезжащий «оппель»; по-видимому, никто из них даже допустить не мог, что узников концлагеря конвоируют советские разведчики. Да еще в машине, которая несется на Люббен, в глубь рейха!

Возможно, встречные немцы не слышали передачи прифронтовой радиостанции. А вот контрольные посты гитлеровское командование, наверное, предупредило. Когда подъехали к темно-зеленой будке со свастикой в белом кольце, Багрий засунул руку в правый карман... Но озабоченный чем-то немец даже не глянул на притихших узников.

Не проверили документы и на другом посту. «Опель» отмахал около тридцати километров. «Скоро Шпрее. Машину перед мостом обязательно остановят. Не стоит играть судьбой — надо торопиться...» Багрий открыл дверцы, выглянул из кабины. Позади — ни одной души.

— Сворачивай в лес! — приказал он поляку.

Грузовик свернул на просеку и, подминая колесами низкие кусты и молодые деревца, выехал на небольшую поляну. Водитель выключил мотор.

— Теперь, друзья, — Багрий, стоя на ступеньке, окинул взглядом освобожденных, — мы вынуждены расстаться. Служба... Вот вам трофейное оружие — семь автоматов. Держитесь леса. Скоро наши войска придут сюда.

— Спасибо, товарищ командир! — Истощенный мужчина с обгоревшим лицом, по-видимому танкист, пожал Багрию руку. — На воле мы не пропадем. Счастливого пути!

— Будьте здоровы! И помните: как можно меньше следов!

Освобожденные солдаты исчезли за деревьями, а разведчики, на скорую руку замаскировав грузовик, направились на запад.

К Шпрее разведчики вышли в вечерних сумерках. Берег манил свежей прохладой, река катила легкие волны с прозрачными гребнями, а на самой середине вода казалась темной и густой, как патока. С противоположной стороны к берегу подступал таинственно-угрюмый лес, над ним тянулась багрово-красная полоса, окаймленная сверху оранжевой лептой. К лесу все сильнее давило ее чужое небо.

В вечернем зареве показалось причудливое четырехкрылое чудовище.

— Братцы, дракон летит! — вытянул шею удивленный Макаров.

И в самом деле, такого дива никто из разведчиков еще не видел: черный, неповоротливый бомбардировщик Ю-88, захлебываясь ревом, нес под собой, словно коршун в когтях, остроносого «мессера». Спаренный самолет медленно набирал высоту. Его догоняли еще два таких же чудовища. Звело летело к передовой.

«Бензину не хватает, так вот что они придумали, — сообразил Багрий. — Нагруженный взрывчаткой «мессер» автоматически отделяется и служит огромной бомбой... Итак, за рекой аэродром... Там нас навряд ли будут искать: какая разведгруппа рискнет скрываться вблизи аэродрома?.. Ну что ж, пускай немецкие солдаты охраняют и нас... Тем временем преследователи уgomонятся. Переправляемся!»

— Товарищ сержант, — шепнул из-за плеча всевидящий Яремчук, — в камышах лодка...

— Чья?

— Хозяина не видать... А если и нагрянет, то против своих не посмеет и слова сказать...

— Слишком уж цивилизованный способ, будь он неладен! Но выбирать не приходится. Присмотримся к тому берегу, чтоб не причалить к... виселице.

* * *

Три десятка бомбардировщиков держат курс на Цосен. Под крылом — густая тьма, самолеты плывут над огромными лесными массивами. Там, внизу, притаились сотни «тигров», орудий, минометов, спит в блиндажах и окопах фашистская пехота... По радио Геббельс хвастался, что «возрожденный вермахт способен остановить стремительное наступление большевиков на Берлин...».

Командир эскадрильи майор Петров всматривается в темень. Всюду мрак.

И вдруг далеко-далеко, почти у самой земли, загорается огонек. Зеленая ракета! Откуда она взялась здесь, за восемьдесят километров от фронта, среди глухой ночи? Кто, с какими намерениями ее пустил? Пьяный немец? Или хитрит какой-то командир: пускай себе русские бомбардировщики разгружаются над безлюдным лесом? А может, ни то, ни другое...

— Данченко, видишь ракету? — спрашивает Петров у штурмана. — Что это, по-твоему?

— Вероятно, — отвечает штурман, — кто-то просит нашей поддержки или сигналил о цели.

— Где мы сейчас?

— Перелетели Шпрее, товарищ майор.

— Смотри, еще одна!

— Право же, наша ракета!

— Почему наша?

— Уверен! А почему — и сам не знаю...

— Приказывай «Розе» и «Резеде»! — Петров подает штурвал вперед.

Нос бомбардировщика ныряет вниз. Кабину заполняет вой, дрожат стрелки навигационных приборов.

— Давай! — кричит майор в шлемофон.

Штурман нажимает на кнопку бомбосбрасывателя. Вздвигнув всем корпусом, самолет выходит из пикировки.

Внизу — море огня. Так горят бензосклады. За полкилометра от разбушевавшегося пожара хорошо стал виден аэродром. К зениткам бегут раздетые немцы...

Вторым заходом бомбардировщики пикируют на аэродром. Возле пылающего бензосклада — десятки новых пожаров...

Самолеты разворачиваются и ложатся на первоначальный курс.

«Удар блестящий, хотя, так бы сказать, сверхплановый. Интересно, что болтают о налете немцы?» Майор Петров включает бортовую радиостанцию. В наушники врываются лихорадочные звуки «морзянки», бесконечные позывные, многоголосый шум. Гневный бас разносит какого-то Гольта: «Почему до сих пор не перекрашены танки?» Oberst Рунге докладывает, что эксперимент «Два» осуществить не удалось... Что, что? Пехотные подразделения и зондеркоманды с овчарками напали на следы советских разведчиков. Следы привели к мостику в квадрате 18-27. Под мостиком обнаружено пятеро мертвых солдат и унтер-офицер. Далее следы разведгруппы исчезли... «Зеленые ракеты! — догадывается Петров. — Где вы сейчас? Что ждет вас впереди?..»

ПОВЕЯЛО ВЕСНОЙ...

Бесконечными рядами тянутся в багряное небо каркасы высоковольтных столбов. Трамвайные, троллейбусные провода — словно рваная паутина. Зияют пробоины

водонапорных башен. Молчат корпуса пригородных заводов, фабрик, гаражей. Узкие улицы перегорожены сваленными деревьями, автобусами и трамваями, трубами и бревнами, чугунными плитами, противотанковыми надолбами. Накренился к дороге массивный щит: на серебряном фоне черный медведь с двумя орлами — черным прусским и красным бранденбургским. Герб фашистской столицы накрест прошили автоматные очереди.

Рябит в глазах от реклам берлинских газет, фирм, пивных баров и магазинов. На стенах зданий, заборах, тротуарах, вдоль и поперек асфальтированных улиц — назойливые надписи: «Berlin bleibt deutsch!»¹.

...Хмурое предместье Берлина встретило роту Добриченко скрежетом шестиствольных минометов, перекрестным пулеметным и автоматным огнем, треском винтовочных выстрелов. Особенно жаркими были схватки в зданиях, находящихся на перекрестках улиц. В подвалах, бронированных колпаках и подворотнях засели фаустпатронники, на верхних этажах — снайперы и автоматчики. Из переулков наперебой стреляли танки и самоходки.

Небольшие группы разведчиков действовали самостоятельно.

Из парадного подъезда старинного особняка Добриченко наблюдал за боем. Отзвуки стрельбы подсказывали ему, каких рубежей достигли штурмовые группы.

По другую сторону улицы возвышался пятиэтажный дом, вернее, его разрез. Фасад, словно рассеченный острым мечом, обвалился и лежал на тротуаре кучами кирпичных развалин. Задняя половина дома, укрепленная железными балками, выстояла. Добриченко видел разноцветные обои стен, открытые шкафы, разбросанную в беспорядке одежду, развороченные кровати. В комнате с оранжевыми обоями взрывная волна сорвала со стены портрет в тяжелой резной раме. Характерная челка на

¹ Берлин остается немецким! (нем.)

лбу, вытаращенные глаза, острый нос, квадратные усы. Покосившийся портрет одним концом уперся в пол, другим — в стену. Грудь Гитлера подавалась вперед — бесноватый фюрер, казалось, пытался удрать от расплаты на край света.

Из боковых дверей в комнату влетел Щербаков в пилотке, сдвинутой на затылок. Он сразу заметил портрет и что есть силы ударил сапогом в лицо фюрера. На полотне образовалась дыра. Щербаков поправил пилотку и выбежал.

Стрельба переключалась в соседний дом — внутри его застучали советские автоматы, взорвалось несколько гранат. На шестом этаже со звоном и треском вылетела рама. В окне промелькнула широкая спина Сомова и исчезла в глубине. Затем в комнате послышался выстрел, и снова появился Сомов. Его высоко поднятая рука держала за ремень эсэсовца. Разведчик что-то говорил: губы его двигались. По-видимому, это был смертный приговор эсэсовцу.

«А что там у Кравчука?» — тревожно подумал Добриченко. Группа Кравчука захватила последний дом квартала, а дальше пробиться не смогла. До сих пор там тихо. «Непредвиденная задержка, — досадовал ротный. — Перебегу улицу: с противоположной стороны виднее».

Заметив удобный подъезд с чугунной решеткой, Добриченко, низко пригибаясь к земле, перебежал на другую сторону улицы. Только в подъезде он перевел дыхание. По решетке зацокали пули. Выглянув, Добриченко приметил пулемет в подвале дома с двуглавой башней. Размахнулся и бросил гранату. «Лимонка» ухнула возле амбразуры. Пулемет уперся стволом в асфальт. Из разваленной амбразуры просочилось сизовато-белое облачко дыма и медленно растаяло.

Добриченко выглянул снова. «Что за орешек этот дом?.. Стены капитальные — ни один снаряд не пробьет.

Окна узкие, удобные для обороны. В лоб не сунешься! Так вот почему задержался Кравчук! А время идет, дорога каждая минута... Ито придумать?» Ротный быстро повернул голову вправо — к дому, где притаились бойцы Кравчука.

Из последнего этажа полетели на улицу зеленые и коричневые бутылки, как стая разноперых птиц. Три бутылки разбились в здании, а все остальные со звоном разлетелись вдребезги снаружи — по стенам потекла желтоватая жидкость. Добриченко потянул ноздрями воздух: пахло бензином. «По-видимому, в подвале нашли бочку с горючим, а бутылок в каждой квартире хватает. Со смекалкой! Теперь — гранатами... Правильно, Кравчук, бей их!»

В здании что-то загрохотало, наружу вырвалось высокое пламя; оно охватило фасад, перекинулось на мебель, беспорядочно сваленную в палисаднике, — стулья и кресла вспыхивали так, будто их посыпали порохом. В панике отстреливаясь, немцы отступили в соседний двор.

Вздрагивающие языки пламени мешали Добриченко следить за дальнейшим ходом боя. Старший лейтенант решил присоединиться к группе Кравчука и стгоряча вскочил за калитку. В уши ударил грохот: прямо на Добриченко, рассыпая искры и посылая вдоль улицы снаряд за снарядом, мчался танк со звездой на башне. Еще секунда — и... Вот так, по-глупому!..

Надрывно заскрежетали тормоза, замерли блестящие траки. Из башни высунулся подполковник-танкист:

— Чего зря носишься? А, это ты, разведчик? Здорово! Как дела?

Добриченко тоже узнал Смирнова, своего знакомого по далеким боям на Днестре.

— Последний сабантуй, товарищ подполковник! Танкам дорогу расчищаем!

Смирнов снял шлем.

— Моя очередь пришла, браток! Открою тебе «зеленую улицу». Бывай!

— Минуточку! — Добриченко одним махом вскочил на броню. — Я только дам команду своим... И тогда вместе, к самому рейхстагу...

— Давай!

Старший лейтенант повернулся к дому с черными проемами вместо окон, сложил руки лодочкой:

— Эй, Кравчук, я — впереди! Сорокина ко мне!

Через окно на тротуар прыгнул черноволосый старший сержант и, прихрамывая на левую ногу, подбежал к командиру:

— Флаг есть? — спросил его Добриченко.

— Так точно. — Сорокин положил руку на грудь, где выпирал из-под маскировочной рубашки довольно большой прямоугольник.

— Я тоже приготовил! — Словно из-под земли, вырос ефрейтор Баймуратов. — И гранатами запаса.

— Молодец! — похвалил ординарца Добриченко. — На танк.

Взревел мотор, дрогнули гусеницы. Танк Т-34 устремился к центру. Из-за грязно-серого здания, что подпирало небо готическим шпилем, клубилась дымовая завеса. Прорвав густой дым, танк увеличил скорость.

Из окон и чердаков стреляли — на свежеевыкрашенной броне появлялись все новые и новые царапины.

Автоматы Баймуратова и Сорокина прочесывали подозрительные окна. Время от времени башенный стрелок разворачивал пушку, и танк содрогался от громящих выстрелов.

Еще издали Добриченко заметил снайпера, который притаился за подбитым бронетранспортером. Фашист было нацелился, но ротный опередил его.

Тридцатьчетверка на ходу свернула влево, и Добриченко узнал уродливо-монументальное строение, растянувшееся на весь квартал. Снимки имперской канцеля-

рии печатались в конце сентября 1942 года во всех немецких газетах: «Фюрер вещает окончательную победу над Россией!» Тогда оставалось пятьсот метров до Волги... Теперь такое же расстояние до рейхстага!

Бой кипел. Рушились в воздухе целые дома. Корчилось железо. Огонь уничтожал все. Черный дым застилал горловины улиц, забирался на чердаки, клубился над городом, пытаясь проникнуть во все уголки умирающего рейха...

А танк все летел, размалывая гусеницами фашистские пулеметы, мотоциклы, орудия. И не было уже в мире силы, которая способна была остановить его.

Из загромажденной разной рухлядью Фоссптрассе тридцатьчетверка прорвалась на площадь перед Бранденбургскими воротами.

Взгляд Добриченко скользнул по черным облезлым колоннам, вздыбленным коням, закованным в латы всадникам. Одному из тевтонцев снарядом снесло голову. Конь под вторым рыцарем держался на одной ноге. Призраки средневековья.

За Бранденбургскими воротами гигантским костром полыхал рейхстаг. Казалось, огонь со всего мира собрался сюда, чтобы навсегда выжечь фашистскую чуму... Возле западного подъезда дымился шестиколонный портал с тяжелой всадницей на коне. А вверху, на семидесятиметровой высоте, рядом с полуразбитым стеклянным куполом развевался красный флаг. Двое автоматчиков по-хозяйски закрепляли древко знамени.

Добриченко, Баймуратов и Сорокин спрыгнули на землю. Из танка вылез улыбающийся подполковник Смирнов. Руки Сорокина впловато опустились.

— Опоздали... Обскакал нас Первый Белорусский...

— Чудак ты, разведчик! — Танкист хлопнул Сорокина по плечу. — Важно то, что этот флаг советский и видит его вся планета. Салют тебе, Знамя Победы!

Смирнов взмахнул пистолетом и разрядил в небо целую обойму. Разведчики подхватили этот салют.

Стреляли все... Из пистолетов, из автоматов, из ракетниц... И сквозь черные клубы дыма над берлинскими пожарами впервые за много-много лет повеяло настоящей весной...

СЫН РОТЫ

— Что бы ни случилось, старшой, а мальчонку я не брошу.— Брови Туркина, как два вороньих крыла, упрямо сошлись над сердитыми глазами.

— Никто тебя и не заставляет бросать. Будешь писать ему письма в детский дом. Поедешь навестить его... Пойми ты, ему учиться надо. А после войны забереешь к себе. И заживете вдвоем как у Христа за пазухой,— сказал Добриченко и нетерпеливо посмотрел на часы.

Туркин переступил с ноги на ногу, притворившись, что не заметил этого выразительного взгляда.

— В нашей роте грамотных хоть пруд пруди... Трое с высшим образованием. Попрошу, чтобы научили мальчонку уму-разуму. Ведь он с полуслова все схватывает. И разведчики к Алеше привыкли... Можно сказать, подружились. Даже возвращаясь с боевых заданий, стараются принести мальчику какой-нибудь подарок. Вчера Федор Чуйков подарил ему «пугача», что отобрал у какого-то полицая...

— Нет,— потянулся за фуражкой Добриченко, — в интересах же Алеси не буду разговаривать с командиром дивизии. Можете идти!

Туркин ушел расстроенным. Плетясь к своей хате, он долго размышлял и в конце концов решил написать докладную записку на имя начальника штаба дивизии и объяснить ему все, что произошло.

Год назад дивизия выбила гитлеровцев из небольшого курского села Сергеевки. От села остались только полу-

развалившиеся печи да потрескавшиеся дымоходы, в которых надрывно завывал ветер. Возле одной печи Туркин натолкнулся на мальчика лет восьми в драной одежде. Мальчишка тоненьким голоском рассказал, что его отца убили немцы на границе. Вместе с матерью он жил в селе. Маму расстреляли гитлеровцы за то, что она пекла хлеб для партизан. И его, наверное, убили бы, но он в это время собирал грибы в лесу. Возвращаясь домой, он увидел, как фашисты подожгли село, и убежал в глубь леса. Хотел податься к партизанам, но разыскать их не смог. Тогда мальчик вернулся на пожарище. Звать его Алешей Маленко...

Туркин взял сироту за руку и повел к каптерке. Старшина Татьянин охотно подобрал комплект обмундирования самого маленького размера, велел парнишке переодеться, а сам отошел...

С трогательной сердечностью относились разведчики к Алеше. Послушный мальчик скоро стал любимцем всей роты. Но самым близким человеком для него все-таки остался Туркин: солдат, который похоронил возле Сальска жену и маленькую дочь, погибших при бомбардировке, заменил Алеше отца.

Лейтенант Добриченко велел Алеше пока что помогать кашевару роты Якову Чурбакову.

— Кухня, брат ты мой, любит чистоту, — говорил, растирая кирпич о кирпич, Чурбаков. — Сейчас подраим тряпкой котел, и заблестит он как зеркало. Вот посыпь на тряпочку этот порошок. Так. Теперь натирай до блеска.

Мальчик чистил котел с полчаса, потом посмотрел на кашевара печальными глазами:

— И так каждый день?

— Да, парень. Вижу, кухня тебя не прельщает. Тебе бы за «языком». Эге ж?

В чистых детских глазах вспыхнула радость. Ефрейтор, словно не замечая этого, рассудительно сказал:

— Я думал, ты человек серьезный... А ты ветрогон! Мальчишка съежился от обиды:

— Почему?

— А потому, что без вкусной каши самый отважный разведчик не возьмет ни одного «языка». Каждая работа в нашей роте одинаково почетна. Запомни это. Ну, хватит. Выше голову, солдат!

Вскоре Алеша научился засыпать продукты в котел, определять на вкус, готова ли пища. Но его, естественно, гораздо больше манила опасная служба старших товарищей. Чурбаков, который и сам не раз роптал на свою поварскую участь, понимал мальчугана. Он великодушно разрешил ему присматривать за кашей для тех, кто уходил во вражеский тыл...

С боевого задания разведчики возвращались чаще всего ночью. И Алеша каждый раз не спал. Сдержанно и серьезно, подражая Чурбакову, накладывал он полные котелки пахнувшей дымком каши и с замиранием сердца слушал скупые рассказы разведчиков. Лейтенант Добриченко хотел было запретить эти, как он выразился, ночные дежурства, но потом передумал...

Сразу же после освобождения Запорожья начальник дивизионной разведки майор Воронов решил устроить Алешу в детский дом. Тогда-то и обратился Туркин за поддержкой к командиру роты. Добриченко, долго не раздумывая, пошел к комдиву и попросил разрешить одному ему Туркину усыновить сироту.

Генерал Бакланов никогда и ни в чем не проявлял особой симпатии к лейтенанту. Наоборот, командир дивизии относился к нему с подчеркнутой строгостью, даже ехидно посмеивался, когда усатые разведчики между собой называли своего двадцатилетнего командира батей.

— Ну что же, батя,— улыбнулся генерал.— Пусть в твоей роте вырастет настоящий сын. Желая, чтобы он походил на твоих солдат.

Так мальчик окончательно прижился в роте.

Война все дальше отодвигалась на запад. Она отгремела над Польшей и ударила весенним, освежающим громом над фашистской Германией.

В один из апрельских дней к серому особняку на окраине города Гаунау подкатил чудесный темно-синий «хорьх». Из машины важно вылез сержант Щербаков. Разведчики сразу окружили понравившийся им трофей. Посыпались хвалебные реплики. Но больше всех радовался Алеша. Мальчишка внимательно осматривал все, трогая каждую рукоятку, каждый винтик, со счастливой улыбкой подпрыгивал на мягком сиденье.

— Жаль, нет Пушкаря! Он оценил бы машину со знанием дела! — удовлетворенно прищурил глаз Щербаков.

Александр Пушкарь, прозванный за пристрастие к технике «главным инженером роты», еще не возвратился из армейских мастерских. Это немного огорчило Щербакова. Он не удержался от соблазна и рассказал, где и как нашел «хорьх».

— Значит, иду я лесом. Вокруг сосны шумят. Жухлая хвоя слегка шебуршит под ногами. Слушаю, любуюсь, но и глазом не дремлю: чужая земля. Смотрю, за толстыми стволами что-то синеет. Приближаюсь осторожно; вижу — машина, новенькая, как игрушка. Завел — и помчался, земли не чувствую... По дороге, правда, остановил меня какой-то полковник-танкист, хотел отобрать машину. Но я, братцы, не лыком шитый. Это «хорьх», говорю, генерала Вадимцева. Он, не солоно хлебавши, так и остался ни с чем... Ходит машина совсем неслышно, рессоры чудесные. Министерское авто. Завтра мы с Пушкарем покатаем всех желающих. А сегодня — не время. Ночь предвидится трудная.

За каменной оградой зарычал мотоцикл, несколько раз по-стариковски кашлянул и заглох. В воротах появился майор Воронов. Его фуражка с полинявшим око-

лышем была сдвинута на макушку. Это означало, что начальник разведки чем-то серьезно встревожен. Придерживая набитую картами планшетку, майор взбежал на веранду, вытер носовым платком вспотевший лоб и сел на скамейку.

Из дома вышел Добриченко. Офицеры разложили огромный лист топографической карты на полу, легли рядом и гадали над картой около часа. Потом лейтенант поднял голову, глянул на небо:

— Ноченька будет как по заказу — хоть глаз выколи.

— Только не зарываться.— Майор выбил пальцами на полу странную дробь.

Воронов собрался было идти, как вдруг заметил трофейную машину.

— Откуда это диво дивное?

— Щербаков нашел в лесу, около Дервальде.

— Красавица! А ты негостеприимный, Павел, и без уважения к начальству... Взял бы да и прокатил с ветерком...

— Пожалуйста, товарищ гвардии майор!

— Сейчас, только вот посмотрю на этих артистов,— кивнул Воронов на Туркина и Алешу, что играли в футбол.

Воротами им служила стена сарая. Защищал их Туркин. Мальчишка быстро и довольно точно бил по мячу то правой, то левой ногой. Поймав мяч, Туркин бросил его Алеше. Тот хотел ударить с лёта, но мяч срезался, подскочил и закатился под «хорьх». Мальчишка бросился за ним.

Тем временем Воронов и Добриченко сели в машину. Щербаков включил стартёр.

— Футболист, вылазь-ка быстрее! — крикнул Туркин.

— Ой,— долетел из-под «хорьха» удивленный голос.— Здесь что-то коричневое...

Щербаков быстро выскочил из машины и заглянул

под нее. На раме увидел продолговатый комок грязи. По краям, где серая грязь подсохла и обсыпалась, выглядывали ребра небольшой коричневой коробочки. Разведчика бросило в пот: к раме прилипла магнитная мина. Он достал из-за голенища финку; осторожно соскоблив землю, снял мину. Повернул голову и на задней оси заметил такой же комок.

Щербаков показал мины офицерам. Майор взял одну из «магниток», повернул большим пальцем узенькую желтую пластинку. Рядом с нею появились какие-то цифры.

— Эге,— покачал головой Воронов,— еще несколько минут — и этот сказочный «хорьх» стал бы нашим катафалком. Фрицы заминировали машину. Авто роскошное. Кто пайдет, тот обязательно подарит большому начальству... Возьмите, Щербаков, на память эти игрушки, я их обезвредил.

Майор ласково прижал Алешу к груди:

— Молодчина! Учись видеть — хорошим разведчиком будешь.

— А ты разве не осматривал машину? — строго спросил лейтенант у Щербакова.

— Конечно, осматривал! И грязищу эту заметил. Ду-мал, дома почищу. Не успел еще.

— Так можно и на тот свет заехать... — строго заметил Добриченко и пошел следом за Вороновым к мотоциклу.

Алешу обрадовала похвала начальника разведки. И вместе с тем ему было неудобно перед Щербаковым, словно он в чем-то провинился перед ним.

Во время стремительного наступления советских войск в лесах восточной Германии еще оставались недобитые гитлеровские соединения. Дивизия генерала Бакланова получила приказ окружить и уничтожить одну такую группировку вблизи города Заган.

Дивизия с ходу растаяла в дремучих заганских лесах.

Пока разведчики прокладывали путь полкам, Чурбаков и его маленький помощник развернули на безветренной поляне свое нехитрое кухонное хозяйство. Направляясь к старшине Татьянину за продуктами, Чурбаков попросил Алешу насобирать сухих веток, развести огонь и засыпать в котел гречневую крупу.

Мальчишка нацепил на плечи тяжелый для него автомат и зашагал по едва заметной дорожке. Лес давно не убирали, мелкого хвороста везде было много. Алеша подымал тонкие ветки и, насвистывая, шел дальше. Когда он с порядочной охалкой сушняка возвращался к кухне, под кустом ежевики что-то зашуршало. Из-под коричневой прошлогодней листвы медленно выползала огромная змея. Омерзительная треугольная голова сновала над травой, как ткацкий челнок; вытянутая шея переливалась холодным блеском. Мальчик испуганно рванул автомат.

В тот же миг из-за кустов с сердитым фырканьем выкатился серый шар, быстро выпрямился, понюхал воздух острой мордочкой и стремглав бросился на змею. Это был ежик. Смелый зверек вцепился зубами в скользкую шею змеи возле самой головы. Змея обвилась вокруг ежика, потом, раненная иголками, заколотилась и начала молотить по траве, будто цеп. Но удары все слабели... Еж откусил змее голову, потом посмотрел на Алешу, презрительно фыркнул и, чавкая, начал завтракать. Чтобы не мешать маленькому храбрецу, Алеша тихо сгреб сухие ветки и на цыпочках направился к кухне.

Однако на этом всякие неожиданности того весеннего дня не кончились.

Вернувшись на поляну, мальчик развел огонь, засыпал крупу и сел на зеленый сундук, в котором Чурбаков хранил продукты. Черные ресницы медленно слипались... Алеше снилось Запорожье. Он в военной форме идет с мамой по берегу Днепра. На пляже много народу. Шумные, веселые люди с завистью смотрят на медаль «За от-

вагу», что сверкает на Алешиной груди. Вниз по Днепру плывет теплоход «Михаил Калинин». Только почему на пароходе фашисты? Что они выкрикивают?

От легкого толчка Алеша проснулся, протер кулаком глаза и вскрикнул от испуга: перед ним стояли три гитлеровца с поднятыми кверху руками. Мальчик взвел автомат. Колченогий фашист быстро застрекотал:

— Нет стреляйт, рус! Мы — плен, плен... Гитлер капут!

— Ложись! Где оружие? — Собственный голос показался Алеше незнакомым, сильным и даже грозным.

Фашисты как стояли перепуганные, так сразу же упали на землю. Солдат, очевидно усвоивший несколько русских слов, показал пальцем в лес и дрожащим голосом сказал:

— Нет оружия... Бросить в речка...

Пока Алеша соображал, что делать с ними, за его спиной послышались тяжелые шаги. Мальчик тревожно оглянулся, и лицо его посветлело.

На поляну вышел долгожданный Чурбаков, опустил на землю два огромнейших тюка. Кашевар по привычке кашлянул и, ничего не понимая, посмотрел на своего помощника:

— Что случилось? Откуда эти вояки?

— Сами пришли. В плен хотят, товарищ ефрейтор.

— Значит, дела швах, если они уже детям в плен сдаются.

Чурбаков подошел к непрошеным «гостям» и жестом приказал им подняться. Затем он посмотрел на карманы пленных и строго сказал:

— Zeigen! ¹

Немцы сразу поняли, что от них требуют, и вынули свои солдатские книжки. Чурбаков важно полистал за-

¹ Показать! (нем.)

масленные страницы, неторопливо спрятал документы в карман.

— Что мы будем делать с пленными, товарищ гвардии ефрейтор? — поинтересовался Алеша.

— Сначала накормим, потом свяжем. Так будет спокойнее. А когда придут за обедом ребята, я им скажу, что ты привел троих «языков». Пускай посмотрят, какой герой пропадает возле кухни!

Не изгладился из мальчишеской памяти и еще один апрельский день, когда солдаты генерала Бакланова, сломив отчаянный натиск гитлеровцев, ворвались на центральные улицы Берлина. Это доброе известие припис Туркин.

Возбужденный недавним жарким боем, весь в мелу, саже и какой-то оранжевой краске, разведчик прежде всего жадно припал к ведру с водой. В перерывах между глотками он старался что-то сказать, но вместо слов слышалось невнятное клокотание.

Наконец Туркин утерся изорванным рукавом маскировочного костюма, отдышался и сообщил, что наши уже вышли на Вильгельмштрассе. Из шестистажного дома, занятого ротой, хорошо было видно имперскую канцелярию.

— На улицах — ад сущий. Стреляют чуть ли не из каждого окна. Вчера возле Ангальтского вокзала отравилось четверо танкистов. Из бригады полковника Тарасова. Выскочили из танков, забежали в здание. А на столе — колбаса... Ребята не ели двое суток... Ну и все... Тогда наш командир роты запретил «дармовую еду». Лейтенант приказал дожидаться темноты и принести во что бы то ни стало еды. Да и воды захватить не помещает: водопровод в этом районе Берлина поврежден.

Когда предвечерние сумерки окутали мрачное предместье города, Туркин, Чурбаков и Алеша с термосами и хлебом в вещмешке двинулись в путь. Три едва замет-

ные фигуры долго петляли узкими средневековыми улочками, обошли вдоль зданий пустынную площадь, пересекли скверик и остановились отдохнуть в подъезде пустого продовольственного магазина.

— Теперь надо быть особенно осторожным, — тихо предупредил Туркин, — здесь в меня стреляли. Пойдем гуськом, один за другим. Интервал — пятьдесят метров. Алеша пойдет последним. Отдыхать можно только в подъездах. Видите вон то пылающее здание? За ним будет трехэтажное, а в соседнем — лейтенант с ребятами. Ну, пошли.

Поправив термос, Туркин быстро побежал к зданию с облупленными львиными мордами на фасадах. Когда до подъезда осталось рукой подать, словно с неба раздался выстрел. Разведчик упал. Чурбаков пустил по окнам длинную автоматную очередь. Ее отзвук исчез за толстыми стенами, а на асфальт со звоном посыпалось битое стекло. И снова наступила тревожная тишина. Кашевар снял термос, бросился к товарищу. Алеша невольно взглянул на последний этаж здания. В ближайшем к углу окне появился обмотанный тряпьем обрубок. Мальчик узнал ствол снайперской винтовки, хотел предупредительно крикнуть. Выстрел опередил его. Чурбаков медленно опустился на колени рядом с неподвижным Туркиным.

— Алеша, назад! — из последних сил выкрикнул кашевар и уткнулся головой в мостовую.

Пораженный случившимся несчастьем, мальчик не мог двинуться с места. Острая боль пронзила сердце, защеконала веки... «Почему назад? — вдруг дошла до него последняя фраза Чурбакова. — Ведь разведчики вторые сутки голодные... Но как поднять термос и вещмешок с хлебом?.. А как поступили бы на моем месте Сорокин или Спиридонов? Как действовал бы сейчас гвардии лейтенант?.. Нет, только туда, в здание...»

Алеша освободился от тяжелого вещмешка, взял ав-

томат в правую руку и попятился к скверу. За кустами жасмина прокрался на другую сторону сквера, пересек затемненную улицу. Через подъезд Алеша проник в какой-то двор. Перебравшись через забор, мальчик оказался у черного входа здания с львиными мордами. Мелко-мелко застучали зубы. Алеша крепко прижал кулаком подбородок. Нащупав в кармане электрический фонарик, он ступил на крутые порожки. Старался идти бесшумно, но шаги гулко отдавались в ушах. Тогда мальчик стянул сапоги, немного подумав, снял портянки. Двигался невероятно длинным коридором четвертого этажа тихо, на цыпочках, а ему казалось, что весь дом ходит ходуном...

Дверь угловой комнаты была открыта. В окне клубилось воспаленное небо. Пламя сновало на черных чердаках зданий вокруг рейхстага. На багрово-красном фоне берлинского зарева зловеще чернела фигура вражеского снайпера — он склонился на подоконник, высматривая новую жертву. Неожиданно гитлеровец услышал тяжелое дыхание и обернулся. Алеша выстрелил первым...

* * *

Весть о капитуляции фашистской Германии застала дивизию Бакланова на подступах к Праге. В районе чешской столицы отчаянно сопротивлялось гитлеровское соединение во главе с фельдмаршалом Шернером. Поэтому лица советских воинов были серьезны и сосредоточены: кого-то из них, возможно, подстерегала невидимая смерть — последний выстрел войны был еще впереди...

Выбрав удобный момент во время марша, Алеша обратился к командиру роты, который не спускал с него глаз:

— Товарищ гвардии лейтенант! Разрешите мне завтра быть на наблюдательном пункте. Ведь уже последние дни... Хотя бы один раз посмотреть...

— Это не развлечение, не пгушки! — возразил Добриченко.

Мальчик покраснел, часто заморгал. Лейтенанту стало жаль Алешу. Два года переносил он вместе со взрослыми фронтовые трудности, прошел с дивизией от Курска до золотой Праги, спал на снегу, грыз мерзлые сухари... Нет, Добриченко не мог ему отказать.

— Согласен! Только от меня ни на шаг. Понял?

На рассвете девятого мая в окопе наблюдательного пункта рядом с командиром роты стоял маленький солдат. В бинокль ему был виден старинный город на зеленых холмах. Прагу окутала лиловатая дрожащая дымка. Одно крыло ее украшали стройные башни готических храмов, другое она окунула в тихие воды красавицы Влтавы. В центре города и в его предместьях не утихала беспорочная стрельба.

Алеша опустил бинокль и посмотрел направо. Там, в долине за селом Тугомержице, подпирали майское небо стволы тяжелой артиллерии. Но грозные залпы не прозвучали: на одном из самых высоких зданий фашисты подняли шпиль из четырех простыней белый флаг. Утро стояло погожее, безветренное, и флаг бессильно качался на неуклюжем древке...

Улыбающийся седой генерал горячо поздравил присутствующих:

— С победой, солдаты Отчизны!

Высоко в небо взлетели ракеты, стихийно гремели салюты, слышались взаимные поздравления, многоголосые остроумные шутки. Весенняя бурная радость вновь возродилась и вернулась к людям.

А на склоне высотки, обхватив руками колени, сидел сержант Николай Спиридонов. Его угловатые плечи неестественно вздрагивали. Разведчик со шрамами от двенадцати ранений, Герой Советского Союза то счастливо улыбался, то плакал, как ребенок, горько и безутешно.

— Посмотрите, товарищ гвардии лейтенант... — Алеша повернул голову к Спиридонову. — Победа, а он плачет...

Добриченко слегка прикрыл мальчику рот шершавой

ладонью. Он хорошо знал, какую невероятную тяжесть вынесли на себе эти худощавые солдатские плечи, каким испытаниям подверглось это сердце за четыре немыслимых года.

И вдруг наступила такая тишина, что стало слышно, как наливается живительным соком молодая пшеница, а в безоблачном небе снова играет на золотых цимбалах жаворонок...

РОЗЫ ИЗ БОЛГАРИИ

По гранитной набережной Шпрее широко шагал седой, но еще моложавый мужчина с кожаным дорожным саквояжем в руке. Четыре ряда орденских колодок свидетельствовали о том, что приезжий — бывший фронтовик, а уверенная, быстрая походка говорила первым утренним пешеходам, что он хорошо знает этот типичный немецкий городок с зелеными газонами и аккуратными скверами.

Четверть века тому назад он был не доцентом, заведующим кафедрой в институте иностранных языков, а старшим сержантом в дивизии Бакланова. Именно здесь, возле ажурного моста, разведчик Сорокин снял гитлеровского сапера, который уже подключал шнур к подрывной машинке. Мост уцелел, и стремительные танки полковника Тарасова благополучно прогрохотали над речкой, вспененной снарядами. В городе уже зеленели вязы, липы... И грохотал бой... И умирать никому не хотелось...

Сегодня — тоже весна, расцветает двадцать пятый послевоенный май. На четвертом этаже нового здания, облицованного светлой керамикой, кто-то вдохновенно играл на рояле знакомую мелодию: «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат...» Май, май — пора соловьиных трелей! Неутомимые певцы в сереньких пиджачках сейчас распевают почти на всей планете... Французский ресиньоль тревожит пыльные сердца на Елисейских полях, ан-

глийский найтингейл заливается в Гайд-парке, немецкий нахтигаль высвистывает на сто ладов в Трептове, возле известного всему миру памятника. А их пернатые друзья в России славят весну в краю Федора Чуйкова...

Пианист оборвал мелодию на высокой ноте, по тюлевым занавескам пробежала печальная волна. Сорокин вспомнил цель своего приезда, вздохнул и свернул направо — к скверу.

Асфальтированная дорожка привела его к надгробной плите, покоящейся в тени под вязом. Чья-то заботливая рука убрала могилу и посадила вокруг темно-красные розы... Перед гранитной плитой, склонив на грудь голову, стоял рослый юноша. Светлые волосы едва шевелил ветерок. Руки были сложены за спиной, длинные и тонкие пальцы время от времени сжимались. «Ранний посетитель, — сдерживая шаги, удивился Сорокин. — Видать, из местных...»

От незнакомца повеяло запахом карболки. Врач или аптекарь?

Сорокин прошел мимо, пересек вымощенную камнем улицу, купил в киоске свежий номер «Neues Deutschland». Автор небольшой статьи писал, что берлинские студенты очень довольны содержательными лекциями советского ученого Владимира Ивановича Сорокина.

Пробежав глазами газету, Сорокин сложил ее вчетверо и посмотрел на сквер. Отсюда был хорошо виден сосредоточенный и строгий профиль немца: бугристый лоб, ровный нос, большой волевой рот. «Сильный характер, — подумал Сорокин. — Такого сумасшедшие маньяки не погнали бы в окопы. Интересно познакомиться!»

Владимир Иванович решительно направился к могиле.

— Доброе утро! — произнес он по-немецки.

На приветствие юноша ответил сдержанно, однако, заметив на груди незнакомого человека орденские лепточки, добродушно улыбнулся:

— Если не ошибаюсь, вы из Советского Союза?

— Так точно, из Ленинграда.

— О, великолепный город! Мечтаю побывать в ваших чудесных клиниках. Там есть чему поучиться!

— Пожалуйста, ленинградцы — гостеприимный народ. Вы, по-видимому, врач?

— Здешний хирург...

— Извините за неделикатность, — произнес Сорокин, — но мне показалось, что эта могила для вас безразлична.

Собеседник Владимира Ивановича глубоко вздохнул:

— Как вам объяснить? Я был тогда еще очень маленьким. Отец умер от ранения под Москвой. После его гибели мать устроилась работать ткачихой. Здесь у нас есть фабрика, — немец показал рукой вдоль набережной. — Однажды утром налетели американские бомбардировщики. Очевидцы говорили, что их было около ста... Бомба разворотила наш двор. Мать развешивала выстиранное белье... Меня, четырехлетнего сироту, забрала соседка, фрау Рунгарт.

А в апреле сорок пятого года на востоке загремела артиллерия. На правом берегу Шпрее появились русские танки. Фрау Рунгарт заперла меня в комнате и куда-то убежала. Наш дом загорелся. Пламя ворвалось через форточку, охватило штору, перекинулось на ковер. Я испугался, плакал, звал на помощь... И она, представьте себе, пришла. Вынес меня из огня советский сержант. А сам погиб... Там за углом... Гестаповец его убил... Подло, из за-сады...

Сорокин едва устоял на ногах: память перенесла его на двадцать пять лет назад... Руки Щербакова, сжимая автомат, побелели от ногтей до запястья... На обескровленном лице Сомова выступили крупные желваки... Шепчет слова прощания Спиридонов, и губы его по-детски вздрагивают... А он, Сорокин, все еще не веря, бросает первую горсть чужой, ненавистой земли в могилу друга... Потом Сорокин разыскал в Гроссенхайне Мариэтту Лид,

тетю спасенного Чуйковым мальчика, отдал ей маленького Эриха...

Очевидно, Сорокин побледнел. Юноша быстро достал из внутреннего кармана пластмассовую коробочку.

— Сердце? Вот валидол.

— Благодарю, не надо...

— Вы... — коробочка в руке задрожала. — Вы знали его?

— Да. Служили в одной роте.

— Скажите, каким он был?

— Настоящим...

Немец повернулся к надгробию, надпись расплылась перед его глазами.

— Ну, брат... Хирургу не годится, — Сорокин крепко сжал его локоть. — Что же было дальше?

— В пятидесятом году из Берлина приезжал друг моего отца Карл Гиммель. Ему пришлось побывать в лагере для военнопленных на Урале. Однажды, возвращаясь с работы, он встретил девочку. Малютку с печальными черными глазами и морщинистыми, как у старухи, руками... Оказалось, что это Наташа — дочь Федора Чуйкова, — врач помолчал немного и вдруг спросил: — Как узнать ее адрес?

— Это я сделаю в Ленинграде. Между прочим, Наташа окончила Свердловский нефтяной институт, этим летом будет работать в Сибири. Ее сейсмическая партия разыскивает залежи нефти и газа...

— Расскажите, пожалуйста, о ней все, что знаете.

— Видите ли, я больше интересовался жизнью Наташи, когда она была еще школьницей, потом — студенткой, — произнес Сорокин. — Как филолог, я помогал ей в изучении иностранных языков, в частности немецкого и французского. А теперь Наташа — самостоятельный человек и не нуждается в моей опеке.

— Значит, она — инженер-нефтяник, — Эрих Лид задумался и тихо добавил: — А я вот врач, неудачник...

— Почему неудачник? Неужели вы не любите свою специальность?

Глаза Эриха вспыхнули.

— Наоборот, очень люблю! Хотя с детства видел и пережил много смертей. Дедушка, отец, мать... он, — Эрих посмотрел на могилу. — Захотелось стать хирургом, помогать людям. Уже пятый год за операционным столом... Иногда случается непоправимое... Вот и несу сюда свои неудачи. Нередко прихожу к нему и перед новыми операциями. Сегодня — сложная, впервые на сердце. Страшно-вато...

— Это хорошо... — Сорокин помолчал. — А кто за р-зами ухаживает?

— Жена моя! Выписала их из Болгарии. Какие-то особенные, пахучие.

— Низко кланяйтесь ей!

— Спасибо. — Лид застегнул пиджак. — Извините, пожалуйста. В клинике уже ждут, я должен идти, — промолвил он. — Очень прошу заглянуть к нам вечером. Набережная, 14, квартира 9. Вот обрадуется Ингрид!

Владимир Иванович вынул из бумажника билет на экспресс Берлин — Москва.

— К сожалению, не смогу. Но я рад, что познакомился с тобой... во второй раз. И Чуйков радовался бы... — Сорокин написал в блокноте свой адрес и вырвал лист. — Непременно приезжай, Эрих. А теперь — иди!

По русскому обычаю они трижды поцеловались.

ДЛЯ БУДУЩЕГО

Ели дружно, ладно, как здоровые люди, на морозе отработавшие смену. Лицо Сомова, дубленое колючими сибирскими ветрами, оставалось привычно серьезным, а большие серые глаза светились радостью. Белобрысый чубатый парень, которого Сомов представил: «Наш Николай», следил за каждым движением Гули.

Мария Федоровна, подкладывая мужчинам горячие пельмени, подробно рассказывала о здешнем житье-бытье.

— В сказках у молочных рек берега были кисельные, а у нашего Енисея — там, подле Карлова створа, — хозяйка указала в сторону книжного шкафа, — берега мраморные. Целый мраморный хребет рекой надвое рассечен, да так, что на несколько километров вглубь уходит... Чуток повыше того места, где поднимется плотина Саянской ГЭС, водопады позамерзали. Целое ледовое царство... — она поставила на плиту старую эмалированную кастрюльку, всполоснула руки и села за стол.

— Хватит ли в Енисее воды для полной мощности? — воспользовался Гуля паузой.

На руке Сомова блеснули янтарные мозоли, когда он провел ею выше подбородка:

— Енисей по-эвепкийски — большая вода.

— И в половодье, и в межень — всегда с избытком, — подхватила Мария Федоровна. — Только подумать: шесть с половиной миллионов киловатт! Аж дух захватывает... В газетах писали: на реке под воду ушла бы площадь величиной с Бельгию. А в Саянах ни лугов, ни лесов, ни шахт не затопит. Створ-то наш особенный!

— Больно ты, женушка, наслышана обо всем... Видать, разведку специальную ведешь, — добродушно заметил Сомов.

— А что? — хозяйка подбоченилась. — Это ведь о тебе поговорка: «Наш пострел — везде поспел». И в Братске, и в Красноярске, и в Якутии. Только на Чукотку еще не запосило! А я все сына растила да щи с пельменями обеспечивала... Теперь Алеша институт закапчивает, а для вас с Николаем в Означенном хорошую столовую выстроили. Теперь и мой черед настал... Завтра же уйду на стройку — вот и весь мой сказ!

— Хотя бы гостя одного не оставляла, — Сомов обнял Гулю. — А ты, полтавский сотский, дважды молодец: во-первых, на лыжах по-прежнему легко бегаешь, а во-вто-

рых, отважился среди зимы нас, таежников дремучих, навестить. Некоторые отпускники южное море предпочитают...

Гуля спрятал улыбку под усами:

— Всякий Кондрат — на свой лад... Взять, к примеру, меня. Что я хочу?.. Я хочу на Сибирь-матушку поглядеть и твой день рождения отгулять.

— Неужто помнишь?

— А что особенного? Что ни на есть солдатский день — двадцать третьего февраля.

— Армии нашей — полвека, а я всего на один год отстал... Ух, обнять бы тебя! Да...

— Что — да? Костоправа поблизости не окажется? — Гуля приподнялся и легонько толкнул друга в плечо. — Понятно: железобетоном налит!

Где-то мощно грохнул подземный взрыв. Дрогнул под ногами пол, на столе зазвенела посуда. Далеко в Саянах трижды прокатилось и заглохло эхо.

— Это на стройке гору взорвали, — объяснил Сомов.

— А мне почудилось... Как в ту февральскую ночь... За Одером...

— В прошлом нас нет, — задумчиво произнес Сомов. — Отведай кулебяки. Марьино фирменное блюдо...

После ужина Гуля вышел покурить на свежий воздух. На крыльцо вслед за ним вышел Николай, достал пачку «Беломора».

Задымили.

Слушал Гуля, как трещат на морозе деревья, горы, лед. По-особому чисто звенело безветрие... Саяны застыли в немом величии, словно богатыри в чернохвойных шубах и белых шапках. Занесло снегом расщелины, бугристые курумы. Спят подо льдом пороги, шиверы, перекаты. Снег и лед... Прохладная бирюза и прозрачная зелень... А правее, над зубчатыми гребнями гор, — розовое зарево со светло-голубым отливом по краям. Неужели северное сияние? Нет, это всего-навсего ответ стройки...

Деликатно помолчав, Николай сказал:

— Иван Федотыч охотничьим снаряжением занимается... Мечтает побродить с вами завтра...

— Дичи, говорят, у вас тут много? — заметил Гуля.

— Не обижаемся. Есть лось, бурый медведь, косуля, попадаются белки, соболь, колонок, а то и волк, лисица, заяц... Всего хватает... Много рябчиков, глухарей, тетеревов... Иван Федотыч это дело очень уважает... А вот перед праздником всегда достает альбом с фотографиями и подолгу вглядывается в лица однополчан. И сам он от этого светлее и добрее становится. Потом смахнет с переплета невидимую пылинку и спрячет альбом. «Для будущего...» — говорит он обычно. Иван Федотыч утрюм, слово из пего трактором не вытянешь. Про жизнь свою фронтовую — пикогда не расскажет. Вот вы вспомнили ночь за Одером...

Гуле — человеку, влюбленному в красоту Енисея, трудно было сейчас перестроиться. Но обижать парня ему не хотелось.

— Попытаюсь, — и Гуля, потерев рукой переносицу, начал: — Февральские ночи над Германией были хмурыми, настороженными... С запада, не обещая ничего хорошего, плыли тяжелые тучи. Окопы боевого охранения фрицы обстреливали чаще обычного: из пулеметов веерами расходились в темноте нити трассирующих пуль...

Когда паша разведгруппа переползала нейтралку, случайная пулеметная очередь продырявила рацию. И, как нарочно, в самом начале поиска! Группу вел сержант Сербипенко — человек упорный, с железным правилом: не возвращаться при первой осечке.

Углубились, значит, во вражеский тыл, здорово устали. Шли лесом. Снег мягкий, идти приходилось след в след — вроде бы как один человек прошел...

Все пути забиты фашистской техникой. У одних — привал, другие — на марше. Эмблемы на танках и пушках новые, раньше таких мы и не замечали. Наблюдаем,

счет ведем... Несколько раз к телефонному кабелю подключались. Наш Володя Сорокин до войны в аспирантуре занимался, потому и немецкий знал, как самый чистокровный немец. Сравнили мы все добытые сведения и сошлись на том, что немцы серьезно подготовили контрудары на Бреслау и Штрелен. Вот только трудно установить, какой из них основной, а какой вспомогательный.

В такой ситуации «языка» контрольного из-под земли достань. Хорошо, захватили немецкого мотоциклиста. И не какого-нибудь ефрейтора, а самого офицера связи. Да еще с секретным приказом командующего группой армий «Центр». Ценная бумага: перечисляются все корпуса и дивизии, участвующие в операции... Начало контрнаступления — ровно через сутки! У Сорокина, который переводил приказ, глаза на лоб полезли: к этому времени мы разве что на крыльях сможем долететь до своей дивизии... Когда же командованию нашему принимать меры, чтобы помешать операции противника? Рация, понятно, пужна позарез! А где ее взять?

Еще в первый день мы заметили, что к западной окраине небольшого городка за рекой Бобер тянутся разноцветные телефонные кабели. Куда? К узлу связи. Через два дома — усадьба, особняк в стиле позднего барокко. У чугунных ворот останавливаются легковые автомобили. Из особняка выходят офицеры с папками и планшетами. Ясное дело, штаб крупного воинского соединения. Днем у особняка ходил один часовой...

Где выход? Конечно, надо раздобыть рацию у самих немцев. «Рискнем для будущего?» — Сомов поглядел на товарищей. Командир, парень не из робкого десятка, сразу согласился. Несмотря на то что группе, собравшей ценные сведения о противнике, рисковать запрещалось... Но что поделаешь, если завтра уже будет поздно? А из-за этого сколько детей могут остаться сиротами?.. — На какое-то мгновение Гуля задумался, потом, как бы спохватившись, продолжал: — Подошли мы к опушке леса, вплотную под-

ступившей к городу, остановились. Огляделись. Возле штаба, как всегда, маячит часовая. Возле телефонного узла — никого. Сумерки сгущаются... Сербиненко шепотом подал команду: «Сомову и Гуле достать радио, штаб опекуют Щербаков и Пушкарь, мы с Черновым прикроем. Вперед!»

Иду за Сомовым, смотрю по сторонам. Вижу, белый силуэт ринулся на часового и поволок его во двор. Ни звука. Мы вскочили на ноги и айда — к узлу связи. Дверь оказалась пезапертой. Тихо. Входим осторожно: немцы придумывали разные сигнализации... Сам знаешь, Сомов ступает неслышно, словно тигр уссурийский... За столом, подперев голову руками, кимарит фриц-радиист. И так сладко посапывает... А перед ним — представляешь себе! — совсем новая радия попискивает. Хочешь верь, хочешь нет, как сейчас помню: прекраснее той мелодии я никогда не слышал... Ну, немец даже не проснулся. Мы аккуратно свернули радия и — в лес!

Бежим, а откуда-то с высоты доносится гул — уверенный, парастающий... Ну, думаем, наши пикировщики Пе-2 на Берлин подались. И вдруг — знакомый стонущий рев, затем — свист, да такой пронзительный, что хочется стать букашкой, в любой щелочке спрятаться. Ты только пойми, каково оно — под своими, советскими, бомбами... Вот тогда-то и парохнул взрыв, от которого, казалось, земля со своей оси сорвалась. Видно, склады боеприпасов где-то совсем близко взлетели в воздух. И пошло, и пошло... Рев, свист, вой, пламя... как у черта в пекле!

Правда, мы от той бомбежки в большом выигрыше остались. Из особняка, как безумный, выскочил фашист в одних подштанниках с каким-то рулоном под мышкой да как чесанет в лес — и прямо на Сомова. На ловца всегда зверь сам бежит! Рулон оказался оперативной картой. Смекаешь? С такими трофеями любой — кум королю и черту сват! Так говорят у нас на Украине...

Гуля умолк и протянул Николаю папиросу.

— А ты, хлопче, Сомову кем приходишься?

Парень смущенно переступил с ноги на ногу.

— Как вам сказать... На Ангаре это было. Вез на своем «мазе» гранитную глыбу, спешил. Крутой поворот... Гололедица... Тормоза — звери... И все равно — с обрыва в речку. Течение бурное, вода ледяная... Вероятно, от удара дверцу заклинило. Ну, думаю, конец! К счастью, Иван Федотыч поблизости оказался... Мы и не знали друг друга вовсе. Нырнул он, дверцу вырвал — силища у него вон какая! — и вытащил меня за шиворот на берег. Полмесяца промаялся я с воспалением легких. Потом попросился в верхолазы. К Ивану Федотычу, значит. Родители мои в войну погибли, а сам я в детдоме воспитывался. Вот и кочую с Иваном Федотычем. Братскую пустили, Красноярскую возвели, теперь на Саянскую определились...

Скрипнула дверь, в нее бочком протиснулся Сомов.

— Вы что — на крыльце ночевать собрались?

— Любуемся, — ответил Гуля, показывая рукой на за рево.

— Да... Пейзаж, брат, в этих местах знаменитый. Строительный... Как говорится, для будущего!

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Солдатское счастье	5
С важным донесением	11
Необычный экипаж	17
И следы замело...	25
Сорок метров жизни	32
За машиниста	37
Не мог иначе	47
Нет, не призраки!	55
И на дне морском...	62
С приданым	69
Эх, дороги...	76
По вызову	82
Дальний рейд	89
Сережка с Малой Бронной	99
Гость из леса	110
Будет жить	116
Будни	124
Незванные гости	134
Высота Спиридонова	147
В лесу под Терезиенбергом	154
Зеленые ракеты	161
Повеяло весной...	169
Сын роты	175
Розы из Болгарии	187
Для будущего	191

Александр Владимирович Ковальчук

НЕТ, НЕ ПРИЗРАКИ!

Редактор *С. Бабинская*

Художник *О. Шамро*

Художественный редактор *Г. Гречиго*

Технический редактор *М. Федорова*

Корректор *С. Штынова*

Г-12618. Сдано в набор 25.V.71 г. Подписано к печати 11.I.72 г.
Формат бумаги 70×108¹/₂. Печ. л. 6¹/₄. (Усл. печ. л. 8,75). Уч.-изд. л. 9,168
Бумага типографская № 2. Тираж 100000 экз.
Изд. № 4/4473. Заказ 626. Цена 45 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство Министерства обороны СССР.
103160, Москва, К-160

1-я типография Воениздата
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, 3

Ковальчук А. В.

К56 Нет, не призраки! Рассказы. М., Воениздат,
1972 г.

200 стр.

В сборник украинского писателя Александра Ковальчука вошли рассказы о воинах-разведчиках, бесстрашно и находчиво действовавших в годы Великой Отечественной войны в тылу у гитлеровцев. Хорошее знание материала, занимательная манера изложения делают книгу интересной для юного читателя.

7-3-3
190-72

С(Укр)2

